

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

АНАСТАСИЯ ВАЛЕЕВА
СЕДЬМАЯ ЛИНИЯ

Я ТЕБЯ ПОРОДИЛ...

ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ -
ЯСНОВИДИЦА ВЕДЕТ РАССЛЕДОВАНИЕ

Annotation

Дочь директора охранного агентства погибла при пожаре. Но появились сомнения, что в морге — ее труп. Тогда — кто убит и где сейчас находится девушка? Ответить на эти вопросы берется ясновидящая Яна Милославская.

- [Анастасия Валеева](#)

- [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
-

Анастасия Валеева
Я ТЕБЯ ПОРОДИЛ...

ГЛАВА 1

Жара стояла немилосердная, но Яна не ощущала ее. Двор у хозяйки, у которой она поселилась, сверху сплошь был затянут виноградными лозами, не пропускающими кровожадные лучи. А на пляже, у воды всегда освежал легкий морской бриз. Слишком влажный воздух, столь непривычный для волжанина, был единственным климатическим неудобством.

Яна Милославская с наслаждением предавалась долгожданному отдыху. Уже несколько лет она никуда не могла вырваться из своего городка. Зимой, конечно, были периоды покоя, а летом, как назло, наваливалась работа, отказаться от которой означало ограничить себя весьма во многом.

Первые два дня Милославская, можно сказать, вообще не выходила из воды. Ее слишком утомила двухсуточная езда в раскаленном тридцатипятиградусным зноем вагоне и теперь хотелось охладиться до мозга костей. Билет она брала заранее и — согласно своим правилам — в вагоне люкс. Однако оказалось, что этот люкс в главном не отличался от обычной плацкарты — кондиционер упорно не работал до самого пункта назначения.

На третий день после утреннего купания Яна решила обследовать поселок, который совсем не стыдно было назвать городом. Она бродила по обрамленным пальмами улицам, фотографировалась возле особенно понравившихся мест, в большинстве своем это были растения: алоэ-столетник, кипарисы, юкка и многие другие, названия которых она не знала.

Вечером Милославская посетила одно симпатичное кафе, похожее на какое-то бунгало на необитаемом острове: над каждым столиком была приспособлена крыша из длинных пальмовых листьев, создающая ощущение шалаша и какой-то девственности мироздания. Яна пробовала разное вино, без которого не бывает отдыха на юге и, остановив свой выбор на «Изабелле», даже спела пару любимых песен-караоке. Публика, всегда окружающая такие места, похоже, не осталась в восторге, а вот самой женщине понравилось.

Следующий день она посвятила экскурсии в горы. Побывала в Самшитовой роще, не особенно-то удивившей ее, и в Волконском ущелье, где кроме ледяной влаги водопада отведала еще и «зелья» из сероводородного источника. Иначе назвать его было невозможно,

поскольку испускаемое целебной водой зловоние создавало, скорее, ощущение чего-то смертоубийственного.

Потом были Аквапарк в Небуге, Дельфинарий, вечерняя экскурсия по Сочи и опять море, море, море...

Но все это осталось позади. А теперь Яна Борисовна, имеющая полное право гордиться ровным золотистым загаром, сидела на чемоданах у порога собственного дома и нежно гладила свою любимицу, среднеазиатскую овчарку Джемму, которая никак не могла нарадоваться возвращению хозяйки. Джемма, в отличие от похорошевшей Милославской, похудала и осунулась, хотя ее «временная» хозяйка, одна из соседок Яны, строго соблюдала все оставленные ей наказания по уходу за животным. Учитывая возникшее за несколько лет чувство привязанности и взаимного понимания между вернувшейся с юга женщиной и ее питомицей, можно было смело заключить, что Джемма просто истосковалась.

— Ну идем, идем, — протянула Милославская, теребя шерсть собаки, начавшей скребсти когтями входную дверь.

Яна достала ключи и, сделав два оборота в каждом из замков, очутилась в родных пенатах. На нее сразу пахнуло чем-то знакомым, но непривычно безжизненным. Полы и мебель покрылись заметным слоем пыли, листья цветов поникли, хотя, уезжая, Милославская и создала им влажную атмосферу и водоподпитку согласно книжным рекомендациям.

Женщина сразу прошла к окнам и раздвинула затемняющие шторы. Солнце, мгновенно просочившееся внутрь помещения, сразу вдохнуло в него жизнь. На кухне вдруг раздался грохот. Инстинктивно Яна бросилась туда.

Джемма стояла, опершись передними лапами на рабочий стол и виновато смотрела на свою хозяйку.

— Что ты разгокала? — произнесла Милославская и огляделась.

Серебряная джезва, сброшенная собакой, закатилась в самый дальний угол.

— Ах ты заботливая моя! — рассмеялась Яна. — Ну давай, давай пить кофе!

Джемма была невероятно сообразительным животным. Эту чистопородную двухгодовалую среднеазиатскую овчарку Яне некогда привезли из Туркмении. Теперь хозяйка и питомица души друг в друге не чаяли, и последняя выражала свою любовь постоянной готовностью защиты. Джемма, будучи очень крупной, вполне могла справиться со взрослым человеком, что неоднократно уже происходило. Собака знала все

привычки Милославской, ее потребности и привязанности, в том числе и безудержную любовь к собственноручно приготавливаемому ею кофе, который она варила в той самой незаменимой серебряной джезве.

Яна встала на цыпочки и, порывшись в навесном шкафу среди прочих продуктовых припасов, отыскала пакетик с молотыми кофейными зернами. Глянув на поскуливающую в сторону кофемолки Джемму, она сказала:

— Это не понадобится, тут еще кое-что осталось, — и потрясла перед собакой пакетом.

Через несколько минут Милославская уже сидела в кресле с чашечкой дымящегося ароматного напитка и с печальным отсутствием энтузиазма оглядывала свое жилище. Помимо ревизии чемоданов, ей предстояло провести генеральную уборку во всех комнатах, чего после многодневного расслабления ей определенно не хотелось.

— Теперь самый раз в душ... — удовлетворенно протянула разомлевшая женщина и нырнув ногами в мягкие махровые тапочки, отыскавшиеся не без помощи Джеммы, побрела в направлении ванной.

День, казалось, обещал закончиться совсем удачно, если бы Яна, бесчувственно плюхнувшись в чистую постель в обнимку с недочитанным в поезде журналом, спокойно дочитала его и забылась в беззаботном сне до самого утра. Однако ей помешало одно «но» — в дверь позвонили.

* * *

В щель между двумя неплотно сдвинутыми шторами Яна видела человека, мужчину, судя по фигуре и прочим видимым невооруженным глазом приметам, уже немолодого. Его тускло освещал фонарь и поэтому Милославская не могла сказать точно, знаком ли он ей. Обнаруживать себя и открывать ей не хотелось, но, как всегда в такие моменты, внутренний голос говорил: «Вдруг это что-то очень важное для тебя и срочное?!». Недовольно вздохнув, женщина поспешила к двери.

— Кто там? — крикнула она с крыльца и в тон ей тихо гавкнула трущаяся о ногу Джемма.

Незванный гость кашлянул и сухо произнес:

— У меня к вам срочное дело. Это очень серьезно.

Мужчина как-то по-военному отчеканивал каждое слово, и Яна даже подумала: «Уж не милиция ли?» Придерживая за ошейник собаку, она отодвинула засов и, приподняв щеколду, открыла калитку. «Заходите,» — по привычке хотела произнести Милославская.

Однако гость не собирался дожидаться приглашения и переступил границу, опередив слова Яны, чем неприятно удивил ее. Он был в штатском, но хмуро сдвинутые густые брови и сурово поджатые губы придавали его виду что-то воинственное. У него сильно выступало большое, арбузообразное пузо, вкуче с маленьким ростом делающее мужчину банально похожим на колобка. «Нет, он не военный, и не мент, — про себя отметила Яна, оценивающе оглядывая гостя, — начальник какой-то, бывший коммуняка, наверное.»

— Куда тут у вас? — спросил он, вытирая пот со лба большим клетчатым платком.

Милославская посчитала ситуацию не вполне подходящей для проявления гостеприимства, поэтому преградила мужчине дорогу и строго спросила: «Что вам нужно?»

— Ваша профессиональная помощь, что же еще! — удивленно ответил гость, пожав плечами.

— Ах, вы всего-навсего клиент... — вздохнув, разочарованно протянула Милославская.

* * *

Деятельность, которая заменяла Яне уже несколько лет обычную работу, была, мягко говоря, не вполне обычной, поэтому клиенты могли явиться к ней в любое время суток. Она уже забыла, что такое традиционные выходные суббота-воскресенье, отпуск, праздники. Все в ее жизни зависело от сложившихся обстоятельств, в том числе и отдых.

Дело в том, что Милославская обладала необыкновенным даром. Он не был дан ей, как некоторым, с рождения, а, как у многих, обнаружился уже в зрелом возрасте.

Яне пришлось пережить клиническую смерть, которая и стала началом ее новой жизни. Несколько лет назад семья Милославских, Яна, ее муж и сын, попала в серьезную автомобильную катастрофу, после которой в живых осталась только сама женщина. Ее супруг, Саша, и единственный сын, Андрей, погибли. Оставшаяся в живых глубоко переживала случившееся. Мало сказать, что видеть никого не хотелось, не хотелось жить, но изменить ничего уже было нельзя. Вопреки всему, жизнь продолжалась, и возникла необходимость как-то по-новому приспособливаться к ней.

В этом и помог ей необъяснимый, неизвестно откуда взявшийся и

почему доставшийся именно ей дар. Теперь она должна была заботиться не о своих близких, а о людях, которые обращались к ней за помощью. Делала это Милославская посредством гадания на картах, которое было далеко от ответа на вопрос: «Любит — не любит?» Яна помогала найти пропавшего человека, определить убийцу и разыскать его, в общем, основной ее деятельностью являлось раскрытие преступлений и тайн, взять верх над которыми оказывались не в силах другие органы. Отчаявшиеся люди шли к ней.

Милославская редко проводила бесплатные сеансы, хотя в некоторых случаях происходило именно так. Гадание на картах отнимало у Яны слишком много сил, выкачивало жизненную энергию. Больше двух карт из колоды экстрасенс использовать не могла, а потом и вовсе чувствовала себя, как выжатый лимон. По этой причине совмещение какой-то работы с гаданием оказалось невозможным. Коммунизм мы, как ни старались, построить не смогли, а потому необыкновенной Яне, как и простым людям, все приходилось получать только в обмен на деньги. Разумеется, чтобы стать их обладательницей, следовало найти какой-то способ заработка. Вот и приходилось Яне брать за свои услуги определенную плату.

Размер ее зависел от конкретной ситуации. В каких-то случаях она была чисто символической, а где-то и довольно внушительной. Это зависело от сложности дела, от того, насколько туго был набит кошелек клиента и от многих других факторов.

Карты Яны были далеки от обычных игральные как по своим свойствам, так и по внешнему облику. По зову сердца она изготовила их сама. Взяла картон, вырезала прямоугольники одинакового размера и нарисовала на них символы, диктуемые ей свыше. Милославская никогда не обладала талантом художника, но здесь словно сами собой появились причудливые символические изображения, напоминающие больше авангард, чем классику. Так же таинственно возникли и названия карт: «Чтение», «Взгляд в будущее» и другие.

Когда возникала необходимость, Яна ложила ладонь на карту и тут... ее посещало видение. Оно далеко не всегда было отчетливым и далеко не всегда смысл его расшифровывался сразу. Приходилось подключать умственные способности, логику. Судя по всему, что-то подобное предстояло Милославской испытать и теперь. Во всяком случае под профессиональной помощью она всегда подразумевала именно это.

— Хм, всего-навсего, — ухмыльнулся гость, самолюбие которого было, вероятно, уязвлено.

— Извините, если я вас чем-то обидела, — сочла нужным сказать Яна, — но я неважно себя чувствую.

— Неважно?

— Неважно для того, чтобы работать, общаться с клиентами.

— Ваше самочувствие покажется вам раем по сравнению с моим. Идемте, — мужчина взял Милославскую за локоть, — я же сказал, это архиважно. Не здесь же, в самом деле...

Гадалка посмотрела прямо в глаза мужчине. Она увидела в них что-то такое, что не позволило ей отказать ему. Яна вздохнула и молча зашагала в дом.

Здесь, при свете, мужчина получше рассмотрел ее. «Обыкновенная, — было его первой мыслью, — как все бабы». Милославская, в домашнем халате, из под которого бессовестно выглядывал край кружевной ночной рубашки, не произвела на него сразу должного впечатления.

Оставив гостя наедине с самой собой, Яна удалилась, чтобы привести себя в порядок. Она никого не ждала и на самом деле выглядела так, как может выглядеть любая женщина, принявшая душ и готовящаяся отойти ко сну. Гадалка быстро сменила халат на свободное, длинное, до самых пят, прямое платье на тонких бретелях, распустила волосы, замотанные на макушке полотенцем в виде чалмы, и предстала перед гостем в ином обличье.

Он посмотрел на нее и на некоторое время застыл в таком положении, как зачарованный. Но не красота пленила его. Он вдруг почувствовал, что эта женщина на самом деле несет в себе что-то нереальное, таинственное, то, от чего все остальные люди, так же, как и он, далеки. Его вдруг ослепил блеск черных, как сама смола, волос, отразившийся в таких же фантастически черных глазах и вырвавшийся наружу с энергией двойной магической силы.

— Не соскучились? — желая теперь создать атмосферу гостеприимства, произнесла Милославская.

Скучать гостю было некогда, поскольку во время отсутствия хозяйки он всецело был поглощен изучением нестандартного интерьера Яниного кабинета. То, что он нестандартный, мужчина заключил сразу же, когда увидел стоящее напротив старинное кресло со спинкой из темной бронзы. Сам он величаво восседал на диване, обитом дорогим зеленым бархатом. По-настоящему удивиться его заставил изумрудный ковер с вышитыми катренами Нострадамуса и очень дорогая и ценная статуэтка египетской

кошки. Милославская, столь глубоко поразившая воображение мужчины, смотрелась в окружении всего этого вполне гармонично.

— А? Не до скуки мне, — наконец очнувшись, произнес гость.

Яна выжидающе молчала, зная, что дальше последует разъяснение того, зачем, собственно, пожаловал к ней этот клиент.

— Кстати, я не представился, — оторвав глаза от пола, произнес мужчина, — Незнамов Дмитрий Германович.

— Я тоже, — парировала гадалка, намереваясь назвать свое имя, однако гость перебил ее.

— Не стоит. Я знаю, как вас звать. Наслышан от одного из своих знакомых.

— Вот как? — Яна опустилась в то самое старинное кресло и тряхнула головой, спустив волосы за спину с плеч.

— У меня дочь пропала, — печально произнес Незнамов и что-то новое, доселе незаметное пронзило его суровое лицо.

— Вы обращались в милицию? — сразу перешла к делу Яна.

На лице мужчины появилась кривая улыбка.

— Нет, — с усмешкой произнес он.

— Сколько времени прошло со дня исчезновения?

— Около полутора суток.

— Ну да, она начинают поиски после трех дней отсутствия человека, — понимающе произнесла Милославская и кивнула.

Незнамов как-то болезненно поморщился и сказал:

— Да дело даже не в этом!

Мужчина замолчал.

— Будьте откровенны! — закуривая, произнесла Яна. — Это в ваших же интересах. А конфиденциальность со своей стороны я вам гарантирую.

Незнамов полностью откинулся на спинку кресла, расслабил туго завязанный клетчатый галстук и пояснил, глядя куда-то в потолок:

— Я директор крупной охранной фирмы, очень популярной в нашем городе, бывший полковник КГБ. Я знаю, что органы станут искать пропавшего человека только по истечении трех суток после его исчезновения. Но ведь я, имея большие связи, мог бы и поднажать на них, однако не делаю этого, — Незнамов ненадолго замолчал, а потом продолжил: — Представьте, как будет выглядеть человек, считающийся влиятельным, в том числе и в криминальных кругах, в глазах своих знакомых, обратившись в милицию. Я не хочу прослыть беспомощным лохом!

— Но амбиции порой только вредят нам, — тихо произнесла Яна.

— Только не в данном случае, — раздражаясь, заметил Незнамов. — За час до решения обратиться к вам, я понял, что сам не в силах решить эту проблему, но признаваться в этом другим — значит расписаться в собственной слабости. И тогда — прощай годами нажитый авторитет!

Яна пожалала плечами, не понимая глупого, на ее взгляд, упорства этого человека, а потом спросила:

— Почему вы решили, что ваша дочь непременно исчезла? Возможно, она захотела посетить кого-то из родственников.

— Кого? — Дмитрий Германович вновь зло усмехнулся. — У нас нет никого в этом городе.

— Ну так в другой уехала, — гадалка развела руками.

— К кому? — тем же тоном произнес гость. — У нас с ней никого на всем белом свете. Дед ее, правда, мой отец, жив. Обитает где-то, кажется, в Ветлуге. Но я не поддерживаю с ним отношений. Я еще мальчишкой был, когда он бросил нас с матерью, сбежав с девкой моложе себя на десять лет на другой конец страны. Он всю жизнь скрывался от алиментов. Я по своим каналам его разыскал, узнал все о нем. Так, ради любопытства...

— Но у вашей жены, матери девочки...

— Матери девочки нет в живых с момента ее рождения, — прервал Яну Незнамов. — Я один ее воспитываю. Родственники по этой линии только дальние. Галюся их не знает и никогда не интересовалась ими.

— Галюся это кто? — виновато переспросила гадалка.

— Галюся? Дочка моя. Я так ее с детства называл. Галька она, Галина. В честь жены назвал. Но как увидел ее маленькую, красную всю, сморщенную, так язык не повернулся ее именем мертвой уже красавицы назвать. Какая ж ты Галина, говорю, Галю-уся!

Лицо Незнамова просветлело, но у любого другого при этих словах и слеза, наверное, навернулась бы. Но это же бывший КГБшник, раньше ему сентиментальности не полагались по роду деятельности, а теперь он, вероятно, разучился чувства свои показывать.

— Да... — вздохнув, произнес мужчина, — жена умерла в роддоме. По причине чужой оплошности. У нас же халатность на каждом шагу! Доктора там, конечно, как и везде, мастера новые истории болезни состряпывать. Написали ей все с чистого листа. Мол, угроза жизни была с самого начала. Но не того напоролись! Я их всех наизнанку вывернул и до истины добрался. Наказали виновницу. Но человека-то не вернешь уже.

— Сочувствую, — сказала Яна. — А к друзьям Галюси вы обращались?

— Я не особенно-то в курсе ее личной жизни, — опустил глаза, сказал

Незнамов. — Признаюсь, между нами никогда не было близких отношений. Я слишком занят. У меня просто не находилось времени вникать в то, чем живет Галюся и чем интересуется. Но, по-моему, близких друзей у нее не было. Так, приятели. Одно могу сказать точно — без моего ведома она никогда не покидала дома надолго, а о визите к кому-то на ночь вообще речи быть не могло!

— Вы исключаете то, что причиной ее исчезновения могли быть друзья? — спросила Яна.

— Да, это исключено! С детства я приучил ее не водить дружбы с людьми сомнительной репутации. Необходимыми условиями приятельских отношений были хорошая семья, достойное поведение, манеры, обеспеченность, в конце концов.

Милославская удивленно подняла брови, но ничего не сказала. Она решила расспросить Незнамова подробнее о его личной жизни, о сфере деятельности, чтобы определить для себя направление поисков. Дмитрий Германович отрицал, что причину исчезновения Галюси надо искать в ее окружении, значит следовало заняться им самим. Напрямую заявив об этом Незнамову, она вопросительно посмотрела на него.

— Сколько я вам должен заплатить? — ответил клиент вопросом на вопрос и достал из маленькой кожаной барсетки пухлый потертый кошелек.

В раздумье постукав по столу кончиками пальцев, Милославская без обиняков назвала ему круглую сумму. Не медля ни минуты, Незнамов смочил слюной свой указательный и вскоре перед Яной появилась пачка зеленых.

— А теперь вот что, — сердито произнес Дмитрий Германович, — хочу на корню пресечь подобные вопросы. Это не ваше дело. Ваше дело — гадать и найти мою дочь как можно быстрее. Именно за это я вам плачу. А любители покопаться в чужом белье называются частными детективами. Как видите, я обошел их своим вниманием.

Яна была оскорблена такой резкостью и первый эмоциональный порыв призывал ее отодвинуть деньги, лежащие на столике. Незнамов все еще крутил в руках свой кошелек. Милославская невольно сравнила его со своим, изрядно похудевшим после поездки на юг. Она отдыхала, как говорится на полную катушку, ни в чем себе не отказывала, и теперь, само собой разумеется, не мешало бы восполнить затраты.

«Да возымеет верх над всем остальным мудрость!» — мысленно сказала она самой себе, а чтобы остыть, в уме сосчитала до десяти и только потом посмотрела на Незнамова.

— Ну что ж, тогда всего доброго, — сказала она ему. — Я должна хорошо выспаться, чтобы полной сил взяться за ваше дело.

— Вы что же заставите меня сейчас уйти с пустыми руками? Ничего мне не скажете? Не попытаетесь начать распутывать этот узел? — изумленно протянул ее клиент.

— Утро вечера мудренее, — сказала ему Милославская и встала с кресла, давая понять, что и Незнамову пора честь знать.

Он тяжело поднялся с места, явно недовольный таким исходом разговора, поправил галстук и засеменил к двери, преследуемый взглядом начавшей уже дремать Джеммы.

На улице его ждал автомобиль, который Милославская сразу не заметила, потому что он был покрыт тенью от освещаемых фонарем огромных ветвей дуба, росшего с неизвестных времен около Яниного дома. Гадалка поселилась здесь не так давно. Дом тогда не представлял из себя ничего особенного и, судя по всему, был значительно старше новой хозяйки, однако по сравнению с дубом и он казался младенцем.

Теперь Милославская, наверное, и не смогла бы объяснить, почему она выбрала для жилья именно это место. Не сказать, чтобы она на момент поиска жилья располагала внушительными средствами, но купить что-либо попроще было в ее силах. Старая скрипучая калитка на ржавой пружине, огромная металлическая щеколда — от всего этого веяло старыми добрыми временами, когда Яна была совсем еще девчонкой. Может быть, это и повлияло на ее выбор... К этому времени, здесь, конечно, многое изменилось.

Проводив гостя, Яна выпила чашку кофе, выкурила пару сигарет и улеглась наконец в постель. Ее не мучили раздумья о пропавшей незнамовской дочери, о нем самом, об их взаимоотношениях. Она просто отодвинула все это в сторону, решив дожить этот день спокойно, а с утра уже взяться за дело. Воображение все еще рисовало ей недавнюю картину морского прибоя; Яна, казалось, отчетливо слышала крики чаек, чувствовала дуновение теплого южного ветра, и первые предвестники сна уносили ее куда-то далеко-далеко от земной реальности.

ГЛАВА 2

Человеческий глаз, в зрачок которого направлялись из неизвестности два энергетических луча, а вокруг всего этого — темнота... Перед Милославской лежала карта «Взгляд сквозь оболочку». Именно ею гадалка решила воспользоваться, потому что «Взгляд сквозь оболочку» помогал определить настроение человека и его стремления.

На самом деле, это для дальнейшего продвижения было очень важно. Каковы стремления того, кто, вероятно, похитил девушку, каков его настрой?

Милославская, как она это обычно делала, положила на карту свою ладонь и замерла в ожидании, сосредоточив все мысли на только на одном. Где-то в дальнем углу комнаты мерно тикали часы, приводя и ее внутреннее состояние к гармонии. Джемма лежала на коврике у порога тихо, стараясь не мешать хозяйке ни малейшим движением. Казалось, она даже смущалась своего невольного сопения.

С улицы то и дело доносились детские крики. Кто-то свалил в конце улицы огромную кучу песка, дав местной ребятне возможность вдоволь позабавиться. Сначала это отвлекало гадалку, но потом, убаюкиваемая тишиной своего дома, она перестала их замечать, и знакомое тепло наконец стало растекаться по ее телу.

Потом ею овладело состояние, похожее на сон. Что-то происходило вокруг помимо нее, где-то вдалеке, и у нее не было желания присмотреться, прислушаться к этому. Яна медленно проваливалась в огромный котлован; она плавно опускалась в него, приближаясь от реальности к чему-то другому, готовому открыться ей.

Однако где-то посреди этого котлована Яна остановилась. Она подумала, что начавшееся видение обрывается, ничего не обнажив перед ней. Так бывало нередко, и Милославская всегда изначально была готова к такому финалу гадания. Однако вскоре она все же поняла, что и ей предоставилась возможность наблюдать за происходящим свысока.

Она видела картину, опутанную чем-то похожим на туман или облака. Вскоре сквозь эту белую мглу стали проглядывать очертания огромных металлических резервуаров. «К чему это?» — говорил внутри Яны какой-то внутренний голос, и она еще больше сконцентрировала энергию, чтобы извлечь из видения его настоящее ядро.

Вскоре она увидела, что резервуары наполнены какой-то жидкостью, а

секундой позже Милославская вдруг почувствовала резкий запах бензина. Он ударил в нос и заставил ее вздрогнуть, а затем... очнуться.

Яна лежала в своей постели. Она взялась за гадание сразу же, как только проснулась. Милославская хорошо выспалась, но сейчас она чувствовала себя так, словно вовсе не ложилась. Тело сковала нечеловеческая усталость, голова налилась тяжестью так, что ее трудно было оторвать от подушки. Сеанс высосал из нее максимум энергии, и гадалка внутренне негодовала по этому поводу. Ведь ничего существенного ей так и не открылось. Более того, она вообще не понимала, какое отношение могут иметь резервуары к исчезновению дочери Незнамова.

Отодвинув колоду в сторону, Милославская взяла в руки тот самый недочитанный журнал и стала листать его. Чтение глупых статей, содержание которых в основном составляли советы дамам, не способным найти собственное решение в той или иной ситуации, всегда доставляло Яне удовольствие. Она наслаждалась не тем, что находила в них что-то полезное для себя, а тем, что сочинения незатейливых авторов не требовали от нее никаких раздумий и напряжений мысли. Она читала и все, проглатывала информацию и тут же забывала о ней. Единственное, над чем приходилось размышлять — почему такая белиберда пользуется такой бешеной популярностью.

Провалявшись так в постели около часа и в некоторой степени восполнив потерянные силы, Милославская решила, что пора, наконец, и честь знать. Она стала нащупывать ногами около кровати в поисках своих тапочек. Их там определенно не было. Тогда Яна несколько раз крикнула Джемму, большую мастерицу по такого рода поискам. Собака не отзывалась. Гадалка поднялась на ноги и подошла к окну. Овчарка в порыве азарта гонялась из одного угла двора в другой, пытаясь поймать ловко уваливающую от нее пушинку и дразняще опускающуюся у другого конца дома. Умиляясь забавам своей любимицы, Милославская улыбнулась и побрела по коридору.

Джемма уже давно научилась самостоятельно справляться с металлической задвижкой, на которую Яна обычно запиралась на ночь, и теперь, как уже несколько раз, самовольно выбралась во двор. Ее, наверное, распирало желание порезвиться, побегать, и, не смея беспокоить хозяйку, она решила удовлетворить свои потребности без ее участия.

Приняв душ и сделав несколько глотков кофе, Милославская почувствовала себя лучше. Она сидела, закинув ногу на ногу, помешивала ложечкой горячий напиток и оценивающе разглядывала свою кухню. Ей вдруг захотелось что-нибудь переменить в интерьере, передвинуть мебель,

купить новые аксессуары в конце концов. Фантазируя и представляя себе новую, более уютную и комфортную комнату, гадалка зарядилась еще большей энергией. Она взяла в руки карандаш и листок бумаги и стала делать наброски, уже вообразив себя настоящим дизайнером.

Неожиданно со двора донесся оглушительный собачий лай, заставивший Яну Борисовну не просто вздрогнуть, но и вскочить на ноги. Она посмотрела в окно и стала сетовать на Джемму, поскольку она подняла такой шум по пустякам. Собака скребла когтями по почтовому ящику, сообщая о том, что принесли почту.

— Джемма! — раздражаясь, строго крикнула Милославская в форточку, но овчарка была неумолима.

Удрученно вздохнув, Яна тяжело зашагала к выходу. Джемма завиляла перед ней хвостом, ожидая похвалы за проявленную сообразительность. Однако хозяйка молча прошествовала мимо, удостоив любимицу только укоряющим взглядом.

— И ради этого ты меня подняла с места? — вопросительно воскликнула гадалка, размахивая перед носом ничего не понимающей Джеммы стопкой газет. — Да, принесли почту. Но здесь ничего серьезного! Рекламные газетки!

Яна развернулась и торопливо зашагала по двору. Джемма по тону догадалась, что чем-то не угодила хозяйке и, поджав хвост, побежала за ней, а затем, свернувшись колечком, легла на крыльце, нагретом солнышком.

Милославская бросила газеты на журнальный столик и взялась за сигареты. Она стала искать глазами пепельницу, и взгляд ее невольно упал на яркое рекламное объявление, совершенно неожиданно оказавшееся резюме охранной фирмы. «Это мне близко,» — промелькнуло в голове гадалки, и она вспомнила про Незнамова, про все, что он говорил ей.

— Вот это да! — воскликнула она. — Вот так совпадение! Это же реклама его агентства!

Яна затушила недокуренную сигарету и взяла в руки верхнюю газету, чтобы лучше рассмотреть рекламу. В черной, как все другие, только потолще, рамке красовались схематические рисунки разных, судя по всему, охраняемых незнамовским охранным бюро объектов. Внизу жирным курсивом были напечатаны громкие слова о высоком качестве предлагаемой охраны.

— От скромности не умрет, — пробормотала Милославская, вновь прикуривая.

Она думала о Незнамове и, сама того не замечая, все еще смотрела в

газету. Вдруг что-то на одном из рисунков показалось Яне удивительно знакомым. Резервуары из видения! Да, это были именно они. Невольно сердце Милославской заколотилось в два раза чаще. Нет, ненарасно потратила она свою энергию. Вот он, подтекст видения! Да, но какая связь между исчезновением девушки и этими резервуарами? Загадка...

Гадалка еще пристальнее посмотрела на рекламу и заметила под каждым из рисунков мелкую подпись. Под резервуарами значилось: «Нефтебаза». Так вот что было внутри резервуаров из видения, вот к чему он, этот запах бензина! Все-таки, карты ее не обманывали, копать следовало в этом направлении.

Но почему Незнамов в разговоре не обмолвился ни о чем подобном? Это Яну Борисовну удивляло. Безусловно, ответ на этот вопрос мог дать только он сам. Отодвинув все то, что ее окружало в сторону, Милославская твердо решила отправиться ни куда-нибудь, а именно в офис к Дмитрию Германовичу и, несмотря на его резкий ответ на вопрос подобного рода, попытаться вызвать его на разговор более откровенный.

Таким низменным и мелким казалось Яне теперь ее недавнее желание изменить кухню, что-то там творить с мебелью, аксессуарами, и она порвала в клочки свой незаконченный «дизайнерский» рисунок.

Офис, особенно офис Незнамова — место официальное, люди там все деловые. Именно это Милославская взяла на вооружение, копаясь в своем гардеробе. Ей следовало учесть и стоящую на улице жару, поэтому подобрать наряд оказалось не так-то просто. Он должен был быть делового, классического стиля и одновременно легким. Отдав наконец предпочтение шелковому брючному костюму, Милославская поклялась себе по окончании дела совершить тур по магазинам и восполнить неожиданно выявленный недостаток своего гардероба.

Заколов шпильками волосы на самой макушке, Яна вслух заключила, что выглядит вполне сносно, а в глубине ее души прозвучало: «Класс!»

Учуяв запах знакомых духов, Джемма стала скулить под дверью, заинтересованная намерениями хозяйки. Яна впустила ее, а на вопрошающий взгляд ответила:

— Ты остаешься дома! Будешь дом охранять. Я, может быть, вернусь не скоро. Веди себя хорошо!

Вслед за этими словами Милославская открыла один из кухонных шкафов, достала оттуда огромную пачку «Чаппи» и доверху наполнила давно опустевшую миску Джеммы. Собака тут же накинулась на еду, не удостоив гадалку даже взглядом. Яна знала, что Джемме обидно оставаться дома, когда она может проявить себя «во всей красе». Но ничего серьезного

или опасного, требующего вмешательства Джеммы пока вроде не предвиделось, а таскать ее за собой без всякой надобности означало только лишние неудобства, поэтому Милославская все же сделала так, как решила и заперла дверь на ключ со стороны улицы, оставив Джемму в гордом одиночестве.

Собака знала, что ее хозяйка не любит, когда ей искусственно давят на чувства, поэтому даже скулить не стала. Наевшись «Чаппи» в буквальном смысле до отвала, она легла на бок прямо около чашки и надолго уснула в таком положении.

Частный сектор, в котором проживала Яна Борисовна, находился довольно далеко от шоссе, поэтому ей пришлось минут пятнадцать пройти пешком, прежде чем она добралась до места, где можно было поймать такси. Городские рейсовые автобусы сюда сейчас не ходили, а на трамвае до офиса Незнамова ей пришлось бы ехать с двумя пересадками, что само собой разумеется, очень неудобно. Да и вообще, езду в общественном транспорте Милославская считала процедурой, мягко говоря, незавидной, а потому, имея финансовую возможность, в большинстве своем ездила на такси.

Так и сегодня, встав на обочине дороги, гадалка стала голосовать. Вскоре около нее притормозил знакомый синенький «жигуленок». Хозяина его лично она не знала, но он уже не раз подвозил ее. Наверное, проживал где-то в этом районе и был не прочь положить в карман лишнюю копейку.

Мужчина тоже узнал ее и даже кивнул головой в знак приветствия. Он, как, впрочем, и всегда, оказался хмурым и молчаливым, что Яне было только на руку — она добралась до места, посвятив свои размышления только предстоящему разговору.

Незнамову можно было позавидовать: место, в котором находился его офис, внушало уважение. Район, конечно, не центральный, но довольно престижный по местным меркам. Да и здание, где он арендовал несколько комнат для своего агентства оказалось приличным: новенькая высотка с двумя современными лифтами, просторным светлым холлом и мраморными чистенькими лестницами.

Яна, как наверное, и многие другие, невольно, в пользу первого, сравнила это здание с десятками тех, которые ей довелось посетить: низенькими, серыми, обветшалыми, арендаторам которым пришлось немало средств вложить, чтобы сделать свой офис диаметрально противоположным знаменитой каморке Раскольниковова.

Остановившись у двойных стеклянных дверей, Милославская раскрыла газетку, которую прихватила с собой. Незнамов не был щедр в

рассказе о себе, и поэтому большую часть информации о местонахождении его офиса гадалке пришлось почерпывать именно оттуда.

Миновав половину холла, Яна притормозила у металлической вертушки, за которой у полированного письменного стола на высоком крутящемся стуле восседала очкастенькая старушка в шерстяной безрукавке, надетой поверх шелкового цветастого платья.

Само собой, сидела старушка тут не просто так. И, хотя она не удостоила Милославскую даже взглядом, Яна не решилась сразу пройти через вертушку. Она пытливо посмотрела на бабушку и кашлянула. Та глянула на нее поверх своих выпукло-вогнутых линз, за которыми глаза казались просто мертвыми точками и, отложив в сторону изучаемую ею того газету, хрипло спросила:

— Вы куда?

Гадалка уверенно произнесла название охранного бюро.

— Пропуска у вас, конечно, нету, — поправив очки, сказала старушка. Затем она послунявила кончики своих коротких кривых пальцев и стала листать какой-то желтый журнал с загнутыми краями страниц. Отыскав среди них нужную, она пододвинула журнал Яне Борисовне и, тыкнув пальцем с самыми раздувшимися в шишки суставами на последнюю строчку, велела ей записаться.

Милославская быстренько начеркала свои данные и, глянув на большие электронные часы, висящие на стене, время, в которое она сюда пожаловала. Старушка вновь уткнулась в газету, и Яна сделала вывод, что имеет право пройти.

Нажав кнопку ближайшего лифта, гадалка стала ожидать его приближения. Ожидание это было довольно волнительным. Милославская все думала, как сложится разговор, как воспримет ее визит Незнамов. Вновь испытать на себе его вчерашнюю резкость ей не хотелось.

Когда двери лифта наконец раздвинулись перед ней, Яна заметила, что рядом уже собралось несколько человек, тоже имеющих необходимость подняться наверх. В основном это были мужчины. Они вежливо пропустили ее вперед и только потом прошли внутрь сами.

Довольно просторное по сравнению с обычными бытовыми лифтами помещение сразу наполнилось запахами дорогих мужских одеколонов и деловыми несмолкающими разговорами. Мужчины непрерывно говорили, когда садились в лифт, когда ехали в нем, когда выходили. Все они были какие-то тучные, с гладко уложенными гелем волосами, в галстуках и отглаженных заботливыми руками рубашках. На поясе брюк у каждого из них крепились или сотовые телефоны, или пейджеры — новый атрибут

нашего времени.

Они вышли на третьем, а Яна поехала дальше, до шестого этажа. Только теперь она как следует рассмотрела кабину лифта, на удивление светлую, с зеркалом в полстены и широкими деревянными перилами — для тех, кто устал и желает облокотиться. Езда в пассажирском лифте рядовой городской девятиэтажки с этой, конечно, ни в какое сравнение не шла.

Вскоре гадалка стояла на просторной коридорной площадке и нерешительно смотрела на дверь с нужным ей номером. Из-за нее слышались голоса, скрип передвигаемых стульев, еще какие-то звуки. Яна прислушивалась ко всему этому и придумывала фразу, с которой она начнет свой разговор с Незнаковым.

Неожиданно из соседней двери вышел высокий молодой мужчина с кожаной толстой папкой в руке. Он удивленно посмотрел на замершую в одной позе Милославскую, и ей пришлось наконец дернуть на себя ручку металлической крашеной двери.

Она очутилась в маленьком кабинетике, оклеенном светлыми, почти белыми обоями до самого потолка. За черным столом, перед компьютером, сидела миловидная девушка, вероятно, секретарша. Совсем недавно здесь кто-то разговаривал, а теперь кроме нее никого не было. Как только Яна вошла, девушка привстала и ослепила Милославскую широкой гостеприимной улыбкой, в которой, впрочем, было больше наигранного и искусственного и веяло какой-то американщиной.

— Добрый день, — можно сказать, пропела она и стала ждать объяснений от гадалки.

— Я к Дмитрию Германовичу. Яна Борисовна Милославская, — произнесла, глядя в сторону, Яна.

— У вас с ним встреча? — не переставая улыбаться, спросила секретарша.

— Да, — соврала гадалка.

Девушка стала щелкать кнопкой мышки своего компьютера, очевидно пытаясь найти имя Милославской в расписании дня своего начальника. Яна тем временем ничего не предпринимала и просто глазела по сторонам. Она заметила слой пыли на жалюзи, недостаточно ровно стоящие вдоль стены стулья, пожелтевшие кончики листьев у маранты, помещенной в дорогой керамический горшок и заключила, что секретарша при всем ее великолепии оставляет желать лучшего.

— К сожалению, вашего имени нет в списке, — с прежним выражением лица произнесла девица. — Сейчас я вас запишу на завтра. В какой половине дня вам удобнее?

— Моего имени там не может быть, — нашлась Милославская. — Это личная встреча. Уверяю, Незнамов ждет меня.

Яна неожиданно для самой себя уверенно зашагала в направлении красивой деревянной двери, ведущей отсюда в другой кабинет. Секретарша, удивленная таким напором, не успела противостоять ей.

ГЛАВА 3

Там, куда попала Яна, посреди комнаты стоял длинный овальный деревянный стол, за которым сидели несколько мужчин и что-то строчили в своих наполовину исписанных блокнотах. Из угла в угол вокруг них ходил Незнамов и, размахивая руками, давал каждому в отдельности какие-то указания.

Увидев Милославскую, он застыл в той позе, в которой находился до этого и удивленно протянул:

— Вы-ы? Зачем вы пришли?

— Я? — парировала гадалка. — Я хочу призвать вас к откровенности.

Незнамов произнес что-то нечленораздельное, затем обвел взглядом своих подчиненных и, сделав отрывистый жест рукой, велел им всем убираться. Секретарша стояла в дверях и виновато смотрела на шефа. Он зыркнул на нее так, что она в ту же секунду испарилась.

Скрипя отодвигающимися стульями, мужчины как-то разом поднялись из-за стола и торопливо стали укладывать в папки, барсетки и прочее то, что лежало перед ними: ручки, блокноты, телефоны и так далее.

Яна стояла на своем прежнем месте и в ожидании смотрела на Незнамова. Он сунул одну руку в карман, второй налил себе в стакан минералки из ополовиненной бутылки, отхлебнул немного, а потом, облизав губы и поджав их, кивнул Милославской и спросил:

— Ну что там у вас?

— Призываю вас к откровенности, — уже не так решительно повторила Милославская.

— К какой? — подняв брови спросил Незнамов и вновь сделал глоток.

Затем он зачем-то стал рассматривать свой стакан, поворачивая его к себе то одной, то другой гранью. Казалось, он увлеченно наблюдал за игрой поднимающихся вверх пузырьков воздуха.

— Вы вчера были слишком немногословны, — отодвинув один из стульев и усевшись на него без приглашения, сказала Яна.

Дмитрий Германович выжидающе молчал, и этим молчанием слишком явно требовал от гадалки более детального объяснения ее столь внезапного визита. Понимая это, Милославская вздохнула и поведала своему клиенту все то, что «выудила» из видения. В частности она заявила, что если Незнамов хочет найти свою дочь и разобраться во всех нюансах исчезновения девушки, то ему стоит присмотреться к проблемам на

Нефтебазе, которые наверняка есть.

По мере того, как Яна Борисовна говорила, глаза Дмитрия Германовича все более расширялись. Когда же она закончила, он звучно поставил стакан на стол, поджал губы, уперся указательным пальцем в подбородок и неопределенно промычал:

— Му-гу....

Что это означало, одному богу было известно, но судя по выражению лица Незнамова, Яна предположила, что он доволен ее работой.

— Люся, — позвал он через несколько секунд.

Секретарша тут же зашла в кабинет и одарила шефа подобострастной улыбкой. В руках она держала маленький блокнот, ручку «Паркер» и находилась, как говорится, в полной боеготовности.

Незнамов хмуро глянул на нее и отрывисто бросил:

— Кофе.

По мнению Милославской это означало, что она начинает по-настоящему входить в доверие к Незнамову. Однако Дмитрий Германович не очень-то торопился подтверждать ее предположение еще какими-либо действиями. В ожидании нового появления Люси, он опять стал расхаживать по кабинету туда-сюда. Отмерив его шагами в одном направлении, Незнамов приостановился и повернул вправо колесико радиоприемника, из которого сразу же полилась монотонная речь не особо одаренного диктора.

Потом он бессмысленно двинулся в обратном направлении, глядя в пол, то ли рассматривая свои начищенные ботинки, то ли отыскивая изъяны на сером дорогом ковре. Яна невольно глядела туда же и считала за добрый знак хотя бы то, что Дмитрий Германович не велит ей убираться. Что это значило? Хотя бы то, что истина в ее видении на самом деле присутствовала.

Наконец в дверях появилась Люся. Она катила перед собой низенький столик, на котором дымились две маленьких чашки разделенные перламутровой сахарницей и маленьким кувшинчиком, очевидно, со сливками.

Люся смешно двигалась вперед, утопая острыми каблуками в высоко вздымающихся ворсинках ковра. Остановив столик посреди кабинета, она подкатила к нему сначала одно кресло, стоящее в дальнем углу, у окна, потом другое. Усилия бедной Люси, испытывающей явные затруднения, не производили на Незнамова никакого впечатления.

Как только она удалилась, он опустил в одно из кресел, а на противоположное молча указал Милославской. Затем Дмитрий Германович

поднял чашку, в которой уже и сахар и сливки были размешаны и заговорил:

— Боюсь, вы правы.

Затем он замолчал и сделал глоток. Яна всыпала в свой кофе пару ложек сахара и, осторожно помешивая, спросила:

— У вас на Нефтебазе были проблемы?

Дмитрий Германович пожал плечами и ответил:

— Да, если это можно так назвать. Мне угрожали.

— Давно? — оживившись, спросила Милославская.

— За месяц до исчезновения Гали.

— Значит, есть зацепка! — с оптимизмом воскликнула гадалка.

Однако Незнамов не поддержал ее энтузиазма и апатично произнес:

— У меня слишком много недоброжелателей, чтобы называть виновником кого-то одного из них...

— Но уг...

— И угрозы в мой адрес сыплются не в первый раз.

— Смею уверить, — осторожно заявила Милославская, — что хотя значение моих видений становится понятным не всегда сразу, бессмысленными они никогда не оказываются.

Незнамов поднялся и быстрыми шагами, приблизившись к радио, отключил его.

— Не спорю, — сказал он гадалке, подняв вверх указательный палец.

Затем он сел на место и стал, к огромному удивлению Милославской, поразительно откровенным.

— Питерское, более влиятельное бюро охраны давно требовало от меня «добровольно» передать нефтебазу под их покровительство.

— Но им-то она зачем? — спросила Яна Борисовна, но тут же поняла, что сморозила глупость. — Ах, да, — следом протянула она, — прибыль-то не копеечная... Черное золото... Ну а вы что? Отказались?

— Хм, — ухмыльнулся Дмитрий Германович, — какой дурак захочет потерять кусок, приносящий ежемесячно 400000 рублей? Вон, — Незнамов обеими руками оттопырил коротенькие волосы у себя на висках, — видите сколько седины я нажил, пока у местных эту кормушку отвоевал!

— Вы стали упрямиться?

Незнамов только пренебрежительно скривил рот.

— Питеру надоело вас уговаривать и посыпались угрозы, — продолжила цепочку предположений Милославская.

Судя по всему, она была права. Дмитрий Германович сдвинул брови, сложил на груди руки и сурово проговорил:

— Я надеюсь, вы понимаете...

— Не переживайте, — поняв его с полуслова, ответила гадалка, — конфиденциальность я вам гарантирую. Это не первое мое дело. Никто еще в обиде не остался.

Незнамов хмыкнул. Видимо, ему, такому властному, показалось смешным это «в обиде», тем более со стороны какой-то там Яны Милославской. Уж на нее-то он бы нашел управу.

Немного помолчав, Дмитрий Германович продолжил:

— Проанализировав ситуацию, я решил, что у меня одно уязвимое место — дочь.

— И? — поторопила с ответом задумавшегося Незнамова гадалка.

— И нанял ей телохранителя, — закончил тот.

— И что же не помогло? — удивленно протянула Яна Борисовна.

— Как видите, — раздражаясь, ответил Дмитрий Германович.

— Извините, я сморозила глупость, — сказала Яна, отодвигая от себя пустую чашку.

— Уважаю людей, способных признать свои ошибки, — пробормотал Незнамов и, загибая поочередно пальцы продолжил: — Исчезла Галюся, раз. Телохранитель, два. И БМВ, на которой они ездили, три.

— Вы щедрый отец, — заметила Яна Борисовна, а про себя подумала, что таким образом Дмитрий Германович, очевидно, откупался от дочери, расплачиваясь за отсутствие теплоты и внимания.

— Она уже большая девочка, — махнул рукой Незнамов, — и машина ей была просто необходима.

Милославская посмотрела по сторонам и ненадолго задержала взгляд на рабочем столе Незнамова. Кроме компьютера, стопки каких-то бумаг, органайзера и кое-каких мелочей там стояла фотография формата «девять на тринадцать» в золоченой рамке.

— Это она? — несмело спросила Яна, разглядев на снимке рядом с высоким коротко стриженным парнем в джинсах стройную девушку с огненно-рыжими курчавыми волосами.

— И он, — кивнув, ответил Дмитрий Германович.

— Ее поклонник? — подняв брови, удивленно спросила гадалка.

— Телохрани-тель, — удрученный Яниным предположением, ответил Незнамов.

— М-м, — понимающе протянула Милославская.

Затем она поднялась с кресла, подошла к столу и, не спрашивая разрешения, взяла фотографию, чтобы получше разглядеть ее.

Галюсю она представляла себе совсем не такой, хотя ее облик и был

полон взбалмошности, которая так присуща детям, воспитывающимся в семьях, ни в чем не знающих себе отказа. Рыжие ее волосы шапкой лежали на плечах, а на висках сильнее, чем везде, кучерявились и от того смешно торчали в разные стороны. Пронзительно-голубые глаза смотрели вызывающе-дерзко и, казалось, вот-вот сорвется с ярких тонких губ острое словцо.

— Терпеть не могу, когда она так одевается, — произнес Незнамов, подошедший к Милославской сзади и через ее плечо смотревший на снимок.

Яна перевела взгляд на коротенький Галюсин топик, узлом завязанный прямо под торчащими в разные стороны острыми маленькими грудями, и подумала, что одежда девушки вполне соответствует ее возрасту.

— Тем не менее вы выбрали именно этот снимок, — заметила она, повернувшись к Дмитрию Германовичу.

— Я? — ухмыльнувшись, произнес тот. — Да она меня заставила! Не поставишь, говорит, мою фотографию прямо перед своим носом, значит ты меня не любишь! Разве откажешь, когда тут такой ультиматум? И ведь выбрала именно то, что меня раздражает, шантажистка! — Незнамов перенял фотографию у Милославской и с нехарактерной для него теплотой посмотрев на нее, поставил ее обратно на стол.

Яна представила себе отчаяние Галюси, страдающей от дефицита отцовской любви, чем, впрочем, наверное, и был продиктован этот ее поступок.

— Я ее понимаю, — вздохнув, неожиданно для самой себя протянула она.

Незнамову, судя по всему, не понравилось такое «вмешательство» в его личную жизнь и он, резко оборвав реплику Милославской, вдруг сказал:

— Ну вот что! Я требую от вас конкретных результатов!

— А сегодняшняя информация разве... — опешив, протянула гадалка.

— Сегодняшняя информация? Сегодняшняя информация! — вновь заходяв туда-сюда заговорил Незнамов. — Беготня по пустякам! Вот как я это называю!

Яна Борисовна, совсем не ожидавшая такого поворота в разговоре, молча хлопала глазами. Резкость Дмитрия Германовича, вероятнее всего, была продиктована тем, что его задела за больное.

— Я даже до сих пор не знаю, жива ли моя дочь! — сотрясая обеими руками перед Милославской, воскликнул Незнамов.

Понимая, что в последнем клиент прав, гадалка села за маленький столик и стала копошиться в своей сумочке.

Незнамов замолчал и удивленно уставился на нее. Буквально в следующий миг Мирославская извлекла из внутреннего кожаного кармашка сумки свою заветную колоду.

ГЛАВА 4

— Боже мой! Люся! Люся! — кричал Незнамов, расплескивая льющуюся через край минералку. — Господи! Что делать-то? Черт возьми! Люся! Где у нас аптечка?

Состояние Яны Борисовны, в которое она впала вскоре после того, как положила руку на одну из карт, ввело Дмитрия Германовича в настоящий шок.

Достав колоду, Милославская веером развернула ее перед собой. Это произвело на ее клиента большое впечатление. Чувствуя собственную причастность к совершению чего-то таинственного и необыкновенного, он тут же переменялся и притих. Вся спесь разом сошла с него. Спокойно сев на краешек кресла, он стал пристально наблюдать за дальнейшими действиями гадалки.

— «Царство живых», — объявила она, повернув к нему одну из карт лицевой стороной.

Незнамов вытянул голову вперед и прищурился, рассматривая причудливые символы. Чуть впереди круглой арки, увенчанной по краям двумя фонарями, стояла длинноволосая красавица, держащая в руках что-то одновременно похожее на огонь и на змея. Удивившись такому нестандартному для карт рисунку, от которого веяло каким-то холодом, Незнамов брезгливо отшатнулся, а на лице его словно было написано: «Чур меня!»

Ничего более не говоря, Милославская положила карту себе на колени, а ладонь на карту. Ей сразу же захотелось закрыть глаза, и она сделала это.

На этот раз ничего, похожего на тепло, гадалка не почувствовала. Около двух минут она находилась в обычном своем состоянии, а потом как-то неожиданно перед ней замелькали лица, смеющиеся, плачущие, удивленные, разные. Общее у них было одно — от всех их веяло теплом, жизнью. Они появлялись и исчезали, одно за другим. И это нельзя было сравнить с прокручиваемой киноплёнкой: все происходило гораздо быстрее, просто молниеносно.

Вдруг где-то вдали показалась и в тот же миг исчезла знакомая Яне огненно-рыжая копна. Это была она, Галюся. В тот же миг все оборвалась, и Милославская стала постепенно «возвращаться к жизни».

Первое, что она увидела, были Незнамов, стоящий перед ней на коленях со стаканом минералки в руках, и Люся, тщетно пытающаяся

дрожащими руками извлечь таблетку валидола из упаковки. Рядом, на столе, валялась пустая аптечка и горкой лежали высыпанные из нее лекарства.

— Фу! — облегченно протянул Незнамов, увидев, что Яна Борисовна открыла глаза. — Вам плохо? Сердце? Скорую?

— Нет, — Милославская улыбнулась, — ничего не надо. Это обычное явление.

— Вы... — выпучив глаза, шепотом произнес Незнамов, — Вы — эпилепсик?

— Нет, бог миловал, — ответила Яна и приняла нормальное положение.

В тот момент, когда гадалка приступила к сеансу, она слегка откинулась на спинку кресла, а когда видение началось, тело ее и вовсе расслабилось, обмякло. Перепугавшись, Дмитрий Германович окликнул ее, но она не отозвалась ни тогда, когда он стал трясти ее, ни тогда, когда предпринял попытку сделать искусственное дыхание. Во время гадания вся энергия Милославской словно сосредотачивалась в одной точке, покидая все остальные участки тела.

— Я нередко впадаю в такое состояние во время сеанса, — сказала гадалка своему клиенту.

— Что же... Что же вы не предупредили? — возмущенно воскликнул он, тяжело поднимаясь с колен.

— Не думала, что это так вас напугает.

— Люся, — обратился Незнамов к секретарше, — убери все, ничего не надо, и протянул ей стакан, который все еще держал в руке.

— Нет-нет, — остановила его Милославская, — минералки я, пожалуй, выпью. В горле пересохло.

Несчастливая Люся, находящаяся в полном недоумении относительно происходящего недвижно застыла на некоторое время в одной позе, а потом вдруг проглотила ту самую таблетку валидола, которую ей все же удалось выковырять.

— Убери все! И сама убирайся, я сказал! — заорал на нее Незнамов, смущенный ситуацией, в которой оказался.

Люся поспешно покидала все в аптечку и, пошатнувшись, удалилась. Дмитрий Германович отер лоб собственным галстуком и, как ни в чем не бывало, важно произнес:

— Ну так вы не сказали мне самого главного. Жива моя дочь или нет?

— Жива, — кивнув, тихо ответила Яна.

— Я рад успокоиться хотя бы этим, — пробормотал Незнамов и,

отставив в сторону левую руку, посмотрел на часы. — Ну что ж, мне пора. Я должен ехать по делу. Буду нужен — разыщете. Только предупреждаю: больше при мне не делайте этих своих фокусов!

Милославская, едва сдерживая улыбку, распрощалась с Дмитрием Германовичем и покинула его офис.

ГЛАВА 5

Яна Борисовна сидела у открытого окна и перед маленьким круглым зеркальцем снимала косметику. Ее лицо слегка обвевал проникающий в комнату ветерок. На улице было тепло, даже жарко, но пахло уже как-то по-осеннему, хотя в разгаре и стоял еще летний месяц. Наслаждаясь этой необыкновенной порой, никак не названной в календаре, Милославская размышляла о только что минувшей встрече с Незнамовым.

Ее уже не веселил ни его испуг, ни недоумение его секретарши. Она всерьез думала о том, что поведало ей последнее видение. Милославской было понятно, зачем Галюся могла понадобиться бандитам. Если это те, из Питера, то они либо вернут девушку в обмен за власть на Нефтебазе, либо, не дай бог, уничтожат ее, выставив это угрозой жизни самого Незнамова. Если же это другие, не названные Дмитрием Германовичем его недоброжелатели, то они, возможно, вскоре должны были потребовать за Галюсю выкуп.

А телохранитель? Кому и зачем он мог понадобиться? Вот что по-настоящему будоражило мысли гадалки в этот момент. Его или отпустили, припугнув так, что он никогда уже не появится в городе, или, что вероятнее всего, убили.

С прихожей донеслось довольное поскуливание. Яна обернулась. Джемма стояла напротив двери и энергично виляла хвостом. Заметив взгляд хозяйки, она звучно гавкнула. Внезапно раздавшийся звонок заставил Милославскую вздрогнуть. Вот отчего так волновалась ее любимица! Гостя почувствовала! Но кто это мог быть? Гадалке никого не хотелось в тот миг принимать. После сеанса, как это всегда бывало, она чувствовала себя разбитой.

Благодарственно погладив на ходу собаку, гадалка пошла открывать. Обуваясь, она крикнула с крыльца:

— Кто там?

— Кто? Кто? — раздался из-за калитки недовольный мужской голос. — Заперлась на все засовы среди бела дня!

Яна Борисовна сразу же узнала своего давнего приятеля, Семена Семеновича Руденко. Правда, гораздо чаще его называли Три Семерки. Прозвище стало своеобразным наказанием Семена Семеныча за его неумное пристрастие к одноименному портвейну. Нет, ни пьяницей, ни алкоголиком он не был, но принять рюмочку-другую из заветной

бутылочки с этикеткой «Три Семерки» никогда бы не отказался. Уже долгие годы он не изменял этому напитку, не обращая внимания на увеличивающийся с каждым годом ассортимент российского алкоголя.

Между Милославской и Руденко давно установились дружеские отношения. Правда, дружба эта была в основном по работе. Они часто журили друг друга за это, но тем не менее факт оставался фактом. Яна, расследуя то или иное дело, порой была вынуждена обращаться за помощью к представителям органов, каковым и являлся ее приятель, Семен Семеныч.

Руденко далеко не всегда горел желанием сотрудничать с Яной Борисовной, иронически относясь к ее «потусторонней» деятельности. Даже когда факт Яниной правоты был налицо, Три Семерки выворачивался наизнанку, лишь бы доказать, что случившееся не более, чем «дикое совпадение».

Милославской, тем не менее, практически всегда удавалось «уболтать» друга идти в одну с ней ногу, хотя тот порой и рисковал лишиться звездочки на погонах, а то и работы.

Семен Семеныч был мужчиной средних лет, однако звание капитана милиции он получил совсем недавно. Проблема заключалась не в равнодушном отношении к работе, ни в лени, ни в отсутствии добросовестности (этого, напротив, у Руденко было столько, сколько нужно и даже более того). Три Семерки всего-навсего относился к категории людей, которые в силу своего характера, и, возможно, недостаточной смысленности, а, может быть, и просто по невезению, до самой пенсии сидят-посиживают на одной и той же ступени служебной лестницы, выше которой им при всем старании не перепрыгнуть. Некоторые называют таких, как он, неудачниками.

Званием капитана Руденко очень гордился, радуясь, что его наконец-то оценили по достоинству. Однако в глубине души он понимал, что многим обязан Милославской. Яна на самом деле сыграла немаловажную роль в карьерном росте Семена Семеныча. Она не стремилась к этому, все выходило само собой. Помогая своим клиентам, гадалка часто прибегала к помощи Руденко, поскольку «милицейские» услуги требовались ей довольно часто. Отпечатки пальцев, фоторобот, экспертиза, — во всем этом Три Семерки был ей первым помощником. Это сотрудничество, как правило, оказывалось выгодным им обоим, поскольку не могло не сказаться положительно на количестве раскрываемых «милицией» преступлений. При этом мысль об извлечении какой-то корысти из отношений с Яной Борисовной Руденко никогда не только не преследовала,

но и вообще не возникала.

Милославская была одинока, а Руденко — женат, но это не мешало их общению, поскольку никакой любви, кроме платонической, основанной только и только на дружбе, между этими мужчиной и женщиной не существовало.

— Чего закрылась-то так основательно? — спросил Руденко, слыша, как Яна отодвигает задвижку.

— Да я отдыхать собиралась, — ответила Милославская, — устала ужасно.

— А-а... — саркастично протянул Три Семерки. — Поди ворожила опять? Весь дух свой неведомым силам передала?

Яна к тому моменту уже открыла калитку и, улыбаясь смотрела на раскрасневшегося от жары (или еще от чего-то?) Семена Семеныча.

— Хватит тебе бурчать-то, — ласково промурлыкала она, взяв его под локоть и прижавшись к нему щекой, — проходи давай.

— Прохожу, прохожу, — сразу оттаяв, пробормотал себе под нос Руденко и виновато кашлянул.

Когда он зашел в дом, настроение его и вовсе переменялось.

— Я не очень помешал-то? — спросил он, окинув взглядом Янин пеньюар. — Не вовремя?

— Друзья не бывают не вовремя, — ответила Милославская. — Подумать только! Мы не виделись больше месяца!

— Так ты же уезжала, — напомнил Семен Семеныч. — Как отдохнула? Я зверски волновался, когда по телеку про смерч передали! Думаю — как она там?! Сегодня весь день тебе названивал, а у тебя только длинные гудки.

— Я, слава богу, успела к тому времени уехать. А ведь столько людей там погибло! Ну да ладно. Как ты? Рассказывай. Как на работе?

— Нет-не-ет, — прищурившись и грозя указательным пальцем, хитро протянул Три Семерки. — Я тебе первой слово предоставил. Что-то ты уходишь от ответа... Небось роман курортный какой-нибудь, а? Признавайся, о чем умалчиваешь!

— Да что ты Сема! — неожиданно для самой себя покраснев и прыснув, воскликнула Яна. — Какой роман! Нашел тоже мне молодую!

— Ой, Яна! Вот этого, я тебя прошу, не надо! Не надо прибедняться! Тебе до зрелости-то еще далеко, а до старости и подавно! Твоей внешности любая молодуха может позавидовать! Колись, давай! Было?

— Да ну тебя! — Яна рассмеялась.

— Ага-а... — Три Семерки еще больше прищурился. — Значит,

было... — Руденко, в предвкушении, смачно провел правой рукой по своим роскошным усам. — Кто он? Маг? Телепат? Колдун-ворожила? — Семен Семеныч не удержался от своей традиционной иронии относительно Яниного дара.

— Да не было ничего! — серьезно, немного обидевшись, протянула Милославская.

— Так уж и ничего? — тоже уже серьезно, произнес Семен Семеныч. — Да они чего, мужики, охренели что ли?!

— Сема! — укоризненно воскликнула гадалка. — Сколько раз я просила тебя не выражаться!

— Ну я на самом деле им изумляюсь! Неужели никто не обратил на тебя внимания?

— Обратил, обратил, — опять почему-то покраснев, пробормотала Яна и серьезно добавила: — Но не более того!

Понимая, что разговор начинает уходить в ненужное ни ей, ни ему эмоциональное русло, Три Семерки решил оставить эту тему и спросил:

— А у тебя на обед чего? — и хищнически зыркнул в сторону холодильника.

— Каша из топора... — виновато вздохнув, протянула Милославская.

— Понятно... Питание в южных пунктах общепита не разбудило в тебе потребности в человеческой пище...

— Сема, ты отсталый человек! Сейчас столовые уже е те, тем более на курорте. Конкуренция заставляет... Могу предложить кофе.

— Валяй, — зевнув и махнув рукой, протянул Руденко. — Мне будет чем заполнить время, пока ты будешь собираться.

— Куда? — удивленно спросила гадалка.

— В кафе, — пожав плечами, невозмутимо произнес Семен Семеныч. — Не оставлю же я тебя умирать голодной смертью!

— Товарищ капитан, вы преувеличиваете! — улыбаясь, протянула Яна, ставя на огонь свою серебряную джезву.

Она собиралась отказаться, потому что сегодня ей как никогда хотелось побыть дома, отдохнуть от городской суеты, пыли, толкотни. Однако умная мысль, пришедшая вовремя, помешала Милославской ответить отказом на предложение приятеля. Его помощь так ей была нужна!

— И чтобы я без тебя делала! — вздохнув, совершенно другим тоном, протянула она.

Три Семерки удивленно посмотрел на нее и звучно почесал в своем коротко стриженном затылке. Лицо его в этот момент выражало полное

самодовольство.

— Ну что ж, — через несколько минут произнесла Милославская, ставя перед ним кофе, — оставляю тебя в одиночестве?

— Да, да, — пробормотал Руденко, опустошая сахарницу, — только побыстрее давай.

Яна удалилась в комнату. Она открыла шифоньер и застыла напротив него. Но задуматься ее заставил отнюдь не выбор гардероба. Ее тревожила мысль о том, что телохранитель дочери Незнамова, вероятнее всего, убит, и подтвердить это предположение может криминальная сводка последних дней, ознакомить Яну с которой в силах не кто иной как Три Семерки. Примерный возраст парня, его внешность Милославская знала, поэтому среди усопших «кандидатов» не затруднилась бы выделить.

— Иф! — громко донеслось с кухни.

— Ты чего там? — очнувшись, крикнула гадалка.

— Обжегся, елки-палки.

— Осторожнее, — хихикнув, ответила Яна и стала собираться, сняв с вешалки то, что висело как раз напротив нее.

— Мои признания... — протянул Руденко, выпуская изо рта струйку дыма. — Выглядишь на все сто!

Он уже разделался с кофе и «закусывал» его сигаретой, вытащенной из Яниной пачки, валявшейся на столе. Привыкнув к руденковским комплиментам, Милославская ничего не ответила и, брызгая на себя туалетной водой, стоявшей на полочке возле коридорного зеркала, сказала:

— Давай сначала поработаем.

Лицо Семена Семеныча заметно вытянулось, поэтому гадалка поспешила добавить:

— Чтобы кушать потом никуда не торопясь.

Три Семерки не менялся в лице. Он никак не мог понять, к чему клонит его подруга. Вернее, определенные догадки терзали его сознание, но он не решался произнести их вслух, боясь выставить себя на смех. Яна вскоре пришла ему на помощь, предупредительно заявив:

— Да-да, Сема, ты думаешь верно: мне нужна твоя профессиональная помощь. Ведь раздобыть криминальную сводку для тебя не проблема?

— Не-е, — с каким-то глупым видом протянул Три Семерки. Немного помолчав, он нерешительно спросил: — Неужели ты уже взялась за работу?

— Увы, да, — вздохнув, ответила Яна. Она всунула вторую ногу в туфлю и, кивнув, бросила приятелю: — Ну что ж, я готова!

— Яна! — словно очнувшись ото сна, воскликнул Три Семерки. — Да

ты не жалеешь себя! Пошли ты к черту их всех хотя бы на месяц-другой!

— А кормить меня кто будет? — глядя Руденко прямо в глаза тихо произнесла гадалка.

Вопрос застал его врасплох, и он, искусственно кашлянув и бормоча что-то неразборчивое, тоже направился к порогу.

«Шестерка» Семена Семеныча стояла немного поодаль от двора Яны, там, где падало больше тени. Она была очень старой, повидавшей многое на своем веку, прошедшей, как говорится, огни и воды, поэтому Три Семерки старался не подвергать ее лишним «стрессам», так как их в ее «жизни» и без того хватало.

Несмотря на то, что машинешка могла заглохнуть в самый неподходящий момент, Руденко очень ценил ее: гораздо чаще она его выручала. И в личной жизни, и в профессиональной. На дачу съездить — пожалуйста, по работе — да ради бога!

Яна тоже уважала эту старушку, а порой и просто молилась на нее: успех ведомого ею дела слишком часто зависел от того, как скоро домчит ее руденковское авто в нужное место.

Когда приятели уселись в машину, и мотор ее привычно затарахтел, Семен Семеныч, мучимый укорами совести за несвоевременность пришедшей мысли, опустив глаза спросил:

— Тебе, может, займы дать?

Яна расхохоталась и дружески похлопав Три Семерки по плечу, протянула:

— Мать Тереза ты моя-а! — посмеявшись, она добавила: — Нет, Сема, я еще не дошла до той черты бедности, которая принудила бы меня ополовинить зарплату простого мента.

— А зачем же тогда?... Не понимаю!

— Да просто человеку помощь нужна.

— Так бы сразу и сказала, — буркнул Руденко. — Опять шуры-муры ее кому-то понадобились... — бросил он в сторону, резко выкручивая руль.

ГЛАВА 6

Мимо мелькали дома и домишки, тополя с запыленной листвой, базарчики, автостоянки и многое-многое другое, чем этот городок не отличался от сотен и сотен других таких же.

Дорога предстояла по городским меркам не близкая, поэтому у Яны было время поговорить о делах самого Семена Семеныча. Она знала, что у него всегда есть что-то кипящее на душе, что терзало его на работе и чем он несказанно рад был поделиться. Он любил говорить об этом с ней, с Яной, потому что она терпеливо выслушивала его до конца, не перебивала, даже если он позволял себя вставить крепкое словцо, не задавала глупых вопросов, как, например, жена, и вообще, внимала всему с пониманием дела, ведь по большому счету, они являлись своего рода коллегами.

Район, в котором теперь проживала Милославская назывался Агафоновкой, то ли в честь какого-то Агафона, то ли еще почему-то. Он являл собой по сути дела самое обыкновенное захолустье. Но в тот период, когда гадалка лишилась семьи, ей так хотелось того редкого уединения, которое можно ощутить только живя где-нибудь на далекой окраине. Она быстро привыкла к этому месту и сейчас уже ничего другого пожелать не могла.

Единственным неудобством по-прежнему являлось то, что до центра нужно было долго добираться. Зато когда, как теперь, она ехала туда с приятелем, они получали несравненный шанс наговориться обо всем, а не только о работе.

Так и сейчас, Семен Семеныч успел «поплакаться» на регулярные незаслуженные головомойки от начальства, на неоплачиваемые дополнительно милицейские «усиления», на разгул преступности и на многое другое, касающееся работы. Потом он перешел к домашним проблемам, главную из которых являл собой его наследник — единственный и неповторимый.

Нет, он, конечно, не был отпетым хулиганом, но Семену Семенычу приходилось гораздо чаще, чем того хотелось бы, прикладывать руку к его «воспитанию», с которым супруга Руденко подчас не справлялась.

Три Семерки понимал, что вечно занятой папаша не вправе ожидать лучшего от своего чада, которому он уделял слишком мало времени. Роль воспитателя в их семье главным образом выполняла жена, мягкая и добросердечная о природы. А мальчишке, сорванцу и оторвяге чуть ли не с

самых пленок это только вредило. Расслабляло, разнуздывало...

Когда Семен Семеныч смотрел на другие похожие семьи, у которых тем не менее шло все «как у людей», он дико злился и «брался» за воспитание.

— Я вот иногда думаю, — сдвинув брови, обратился он к Милославкой, — а может для мальчишки, будущего мужика, и лучше быть таким, а?

— Лучше, лучше, Сема, — согласилась гадалка, зная, что сегодня же или в ближайшие дни Руденко все равно «всыпет» сыну за «все хорошее».

Приятели между тем находились уже в центральной части города. Семен Семеныч с соблазном поглядывал на мелькающие вывески кафе.

— Сема-а, — протянула гадалка, дотронувшись до его руки, — сначала работа.

— Будь она неладна! — пробормотал Три Семерки, но тем не менее повернул на улицу, ведущую к соответствующему отделу.

Место это Милославской было уже знакомо, так как она не раз бывала в нем с Руденко, поэтому и вздохнула с облегчением, радуясь, что он не стал ей перечить.

— Яна Борисовна, — произнес Семен Семеныч, вынимая ключи зажигания, — ты наверное тут побудь. Пощади свою психику.

Милославская уже успела описать приятелю Галюсиного телохранителя, и он кое-что начеркал по этому поводу в своем блокноте. Поэтому Яна не стала настаивать. Она знала — если объявится хоть кто-то мало-мальски похожий на того, кого она ищет, Три Семерки позовет ее.

Руденко скрылся за массивной засаленной деревянной дверью с узорчатой железной толстенной ручкой, а Яна отыскала в радиоприемнике любимую волну и, откинувшись на спинку кресла, закрыла глаза.

Репертуар «Радио-Ностальжи» никогда не разочаровывал ее. Милославская наслаждалась теми мелодиями, которые с детства были ей знакомы, которые любила ее мама, отец, которые слушала она со своим мужем, когда они только-только начали встречаться. Яна слушала и грустила, и ей казалось в такие моменты, что все лучшее в ее жизни осталось далеко позади. Но все равно эта печаль была какой-то тихой и доброй, она успокаивала, поила душу непонятными силами.

Гадалке нравился и сам стиль передачи. Не было лишней болтовни придурковатых диджеев, абсолютно бессмысленных передаваний приветов друзьям, мамам-папам, сидящим рядом, викторин с идиотскими вопросами и многого другого, отчего, на взгляд Милославской менеджерам передач давно следовало бы отказаться.

На некоторое время она окунулась в сладкую полудрему. Такие моменты сна удивительно восстанавливали ее силы. Прикорнув минут на пятнадцать-двадцать, она поднималась и бралась за домашние дела, переделав в конечном итоге все то, на что давно рука не поднималась.

— Ту-туру-ту-ту! — прозвучало через некоторое время под самым ее ухом.

Яна вздрогнула от неожиданности и открыла глаза. Наполовину засунув голову в открытое окно, Руденко приложил кулак к губам и трубил в него, словно в никем не изобретенный еще еще инструмент.

— Сумасшедший! — с шутливой строгостью воскликнула гадалка, которая поначалу внутренне произнесла это слово на полном серьезе.

— Я самый обаятельный и привлека-ательный! — тоном разомлевшего на солнце кота протянул Три Семерки, усаживаясь за руль.

Милославская обрадовалась такому веселому настрою приятеля, так как, по ее мнению, он не мог быть ничем иным как свидетельством его удачного похода к коллегам. Именно поэтому она одобрительно произнесла:

— И все женщины оборачиваются тебе вслед!

— Да-а, — протянул Семен Семеныч. — Вообще-то, нет! Во как: я иду, а они, сраженные наповал, штабелями, штабелями, штабелями!

Яна рассмеялась. Руденко никогда не был бабником, а тут вдруг так разошелся! Как выяснилось, его раззадорили анекдоты на эту тему, которые успели ему рассказать в отделе. К несчастью гадалки, они же, увы, были и единственной причиной его веселости. Когда она наконец сказала:

— Сема, колись же наконец, каков ответ?

— Что? — удивленно спросил тот. — А-а, ответ! Ответ? Ответ — отрицательный. Никого подходящего среди усопших, царство им небесное, нет. Как на подбор — одни бомжи, алкаши-утопленники, самоубийцы-истерички... — в заключении Три Семерки развел руками и прищелкнул языком.

— М-м-м, — разочаровано протянула Милославская. — А я уж надеялась... — гадалка с грустью вздохнула.

— Не тоскуй! — воскликнул Руденко, видя ее уныние, и похлопал подругу по плечу. — Где наша не пропадала? Прорвемся! — А потом вдруг совершенно неожиданно завершил: — Жрать хочу как собака! — Три Семерки резко нажал на газ и «жигуленок» сорвался с места.

— Ты неисправим, — почему-то безутешно произнесла гадалка.

ГЛАВА 7

— Помяни, помяни, Яночка, — кивая головой, утвердительно бормотала соседка Милославской, протягивая ей тарелку с пирожками, судя по дымку, только что снятыми со сковороды.

— Угу, — потирая заспанные глаза отвечала гадалка.

— Помяни, хороший человек был! Вот как сейчас помню...

Соседка зашлась очередным рассказом, на которые она была большой мастерицей. Рассказывала так — заслушаешься. Правда, по улице ходили слухи, что половину та на ходу придумывает. Придумывает так придумывает — Милославская никогда не была против и внимала соседке до последней точки в ее истории. Всегда, но только не теперь...

Во-первых, она стояла в калитке в одной ночной сорочке. Тетя Даша забарабанила в окно так, что Яна подумала: «Беда!» и полетела открывать в ночной сорочке. Во-вторых, нагревшись от пирожков тарелка жгла ей руки. В третьих, она еще наполовину спала.

— Зайдите! — облизывая кончики обожженных пальцев, воскликнула гадалка.

— Ой, нет! Мне нынче некогда! — закудаhtала бестолковая соседка и принялась «досказывать».

Переминаясь с ноги на ногу, Милославская послушала еще с полминуты и воскликнула:

— А! Чайник! — и с этими словами бросилась в дом.

Никакого чайника на самом деле, конечно, не было. Вернее, он был. Но не на плите, а в безопасном месте. Пришлось соврать, чтобы выйти из положения. Ложь, как говорится, во спасение. Не хотелось тетю Дашу обидеть.

Соседка, сочувственно всплеснув руками, убралась восвояси, а Яна, сон которой к тому времени развеялся, приступила к утренним процедурам.

Гадалка, если бы не тетя Даша, не планировала вставать так рано, поскольку легла позднее обычного. Просидев с оголодавшим Руденко в кафе битый час, она рассталась с ним, так как он спешил по работе, но домой не поехала. Гадать в тот день экстрасенс больше не могла, так как вся ее таинственная энергия была уже исчерпана, поэтому она отправилась на посиделки к одной из давних подруг, время за разговором с которой пролетело незаметно: когда обе очнулись — на улице стемнело. До дома Яна добралась около полуночи, а в постель легла и того позднее.

Умывшись и окончательно придя в себя, она не ругала тетю Дашу за ранний визит. Но не потому что та обеспечила гадалку завтраком. Соседка негаданно-нежданно натолкнула Милославскую на нужную мысль.

«Царство небесное упокойничку,» — щебетала она, и щебетанье это стояло сейчас в ушах у гадалки. Раздумья ее вдруг обратились к итогам минувшего дня, и она вспомнила о телохранителе, судьба которого оставалась загадкой.

— Царство живых! — воскликнула Яна. — Оно мне поможет!

На самом деле — это было лучшим выходом из положения: взять карту и, обратившись к ней, узнать, «числится» ли еще среди живых незнамовский телохранитель.

Чего, казалось бы, проще? И зачем было вчера время терять на поездки с Руденко? Однако, не все коту масленица. У «потусторонних» возможностей Милославской был свой предел.

К счастью, вчерашняя энергетическая «опустошенность» осталась позади, и теперь гадалка смело взялась за дело. На ходу взяв в руки колоду, она засемила к своей постели и плюхнулась на нее.

Яна скрестила под собой ноги, положила «Царство живых» отдельно от других карт и попыталась отвлечься от посторонних звуков: доносящегося с какой-то дальней улицы крика охрипшего петуха, рычания заводимого кем-то старика-автомобиля, движок, которого, казалось, вот-вот «сдохнет», и прочего шума, создаваемого мирской суетой.

Просидев безрезультатно около минуты, гадалка подумала, что ей, определенно, что-то мешает. Она открыла глаза и огляделась. Помехой оказалось махровое одеяло, которое она, вскочив после тети Дашиного стука, невольно скомкала. Сгрудившаяся, хотя и мягкая, материя и создавала ощущение дискомфорта.

Милославская поднялась, встряхнула ею и расстелила ее так, что можно было сказать: «Вот теперь без сучка, без задоринки». Затем она удовлетворенно опустилась на постель сама и, закрыв глаза, уверенно опустила ладонь на карту.

Около полуминуты ушло на абстрагирование от всего постороннего, а вслед за тем в кончиках пальцев стало ощущаться легкое покалывание, традиционно свидетельствующее о приближении видения — контакт начался.

Постепенно Яной овладело ощущение монолитности ее руки и карты, она практически не ощущала магический картон под ладонью. Казалось, их единство — это какое-то теплое пятно, стремительно разрастающееся и засасывающее гадалку в бездну.

Но лиц, жизнерадостных и печальных, разных, но главное — живых на этот раз она не увидела. Ей открылась картина куда более мрачная: замелькали кресты, иссохшиеся и совсем новые, пахнущие свежей древесиной, закружились в дьявольском танце кладбищенские венки с черными лентами, украшенными белыми надписями, а затем вереницей, как на конвейере, понеслись гробы, гробы, гробы.

Даже находясь в состоянии забытья, Милославская внутренне съежилась. Где-то в глубинах ее подсознания промелькнула мысль о том, что следом крышки гробов под сатанинскую музыку начнут открываться перед нею, и под одной из них она узнает Галюсю и ее телохранителя.

К счастью, это предчувствие, возбужденное, скорее, самым обыкновенным человеческим страхом перед смертью, ее обмануло. «Черный хаос» стал отодвигаться мощным потоком воды, который вскоре разлился в огромное тихое озеро, с маленьким островом посередине. На этом участке суши гадалка разглядела дочь Незнамова и того самого парня, которого Яна видела на фотографии в его офисе. Они стояли друг подле друга и смотрели в сторону, противоположную «черному хаосу». Печати смерти не было на их лицах.

Вся эта картина неожиданно свернулась в какой-то непонятной формы сгусток, как сворачивается подкисшее молоко при нагревании. Тепло, поначалу окутавшее гадалку, мощным энергетическим рывком вдруг покинуло ее тело, и она очнулась.

— Они оба живы... — еле слышно пролепетала она пересохшими губами. — Оба.

Около получаса Милославская провела в постели, восстанавливая необходимую для существования часть утраченный во время сеанса сил. Она не спала и не думала о деле. И если бы в этот момент кто-то ее спросил, о чем она размышляет, Яна вряд ли б нашлась, что ответить. В мышлении ее в этот момент проносились какие-то отрывочные бессмысленные, не взаимосвязанные между собой фразы и образы.

Джемма лежала в углу, положив голову на вытянутые передние лапы, и сквозь щелочки глаз наблюдала за хозяйкой. Когда Яна делала любое едва заметное движение, та наостряла уши и с надеждой смотрела на нее: собаке хотелось общения, которым она во время ведения Милославской какого-нибудь дела всегда была обделена.

— У-а-о, — наконец потягиваясь, позевнула гадалка, чувствуя, что тело ее не в силах больше находиться в одном положении.

Джемма тут же радостно поднялась на лапы и, подойдя к кровати, завильяла хвостом. Гадалка протянула руку, чтобы погладить любимицу, но

звук телефонного звонка, прорезавший тишину комнаты, помешал ей это сделать.

Не так давно Милославская обзавелась домашним радиотелефоном. Трубку можно было класть в удобном для нее месте. Вот и теперь ей не пришлось преодолевать себя, чтобы вскакивать и лететь отвечать на звонок в соседнюю комнату.

— Да, — апатично ответила она, предполагая услышать голос Руденко, которого наверняка интересовало, как она добралась до дома.

Однако гневный ор, который казалось, был способен трубку разнести на куски, заставил ее настроиться иначе.

Первые секунды гадалка и слов не могла разобрать, не могла определить, по адресу ли вообще попали. Адресант просто захлебывался негодованием и вряд ли сам понимал, есть ли какая-то связь в его словах.

Милославской вспомнились строчки Чуковского: «Погодите, медведь, не ревите, объясните, чего вы хотите!», и она была практически готова произнести их, как вдруг... В надрывающемся голосе она узнала Незнамова!

— Мошенница! Шарлатанка! — практически визжал он. — Козла отпущения нашла? А-а-а, — упиваясь собственным гневом, протянул он. — Не на того напала! Жива-а! Жива-а!

— Подождите! — возмущенно перебила его гадалка. — Что вы несете? В чем дело? Кто жива? Какое вы имеете пра...

— Я тебе покажу какое! — не унимался Незнамов. — Не в том ты лоха увидела! Мг... Да я... Д... Кх-кх-кх, — он закашлялся, поперхнувшись, наверное, избытком слюны.

— Пос-лу-шай-те! — громко отчеканила Яна, решив воспользоваться моментом. — Не считаете ли вы, что ваша обязанность — по меньшей мере вначале объясниться?! Я не имею ни малейшего понятия, чем вызвана вспышка вашего недовольства!

— Ах во-от как! — саркастично протянул Незнамов. — Не вы ли, многоуважаемая, утверждали... утверждали, — голос клиента Милославской дрогнул, — что дочь моя, единственная моя дочь жива?!

— Да... — без выскокого понятия о том, к чему клонит клиент, произнесла Яна.

— А что это? Вот это что? Я вас спрашиваю! — снова разразился криком Дмитрий Германович.

— Смею вам напомнить, — раздраженно произнесла Яна, — что я сейчас не вижу того, что слышу!

В то же время в голове у нее пронеслось: «Неужели с Галей что-то

случилось? Нет, этого не может быть!»

— Ах, какая жалость! — саркастично процедил Незнамов. — Сегодня утром я прочитал в газете сообщение о смерти дочери! Как вы смели водить меня вокруг пальца? Почему сразу не сказали, что ни хрена не смыслите в этой своей магии?! Я, может быть, смог бы спасти ее, если б не связался с вами! — голос Дмитрия Германовича снова задрожал.

В душе Яны все затрепетало. Газетное объявление не могло быть сверстано позже того момента, когда она задавала вопрос «Царству живых», интересуясь в живых ли еще Галюся. Но не могло быть и того, что карты подвели ее! И вообще, кто автор этого объявления? Кто в обход отца, известил общество о своем страшном открытии?

— Вы уже видели Галю? — осмелилась спросить гадалка.

— Какое это имеет значение! — зло огрызнулся ее клиент.

— Огромное! — парировала Яна. — Вопреки вашему утверждению, я не шарлатанка и не мошенница и в свой адрес слышу такое, наверное, впервые. Карты не могут обмануть меня! Они, скорее, вообще бы отказались «работать»! Когда вы получили газету?

— Какая разни...

— Ответьте!

— Сегодня, — сдался Незнамов.

— Кто вам принес ее в такую рань? Здесь что-то нечисто!

— Хватить чушь молоть! Это с вашими картами и с вами нечисто! А мне всегда почту в это время доставляют!

— Вы на часы-то смотрели? Такого не бывает! Если только в вашем районе не завелся душевнобольной почтальон!

— А я договорился! Мне почта нужна еще до начала рабочего дня! Никакие психи в нашем районе не работают!

— Но кто опубликовал это?

На том конце провода вдруг установилось молчание. По видимому Незнамов, шокированный прочитанным, потерял всякую способность мыслить логически и даже не задался тем вопросом, который задала ему сейчас Милославская. Смешанное чувство горя, гнева и отчаяния целиком завладело им, не давая трезво оценить ситуацию.

— Вы не знаете! — воскликнула Милославская. — Едемте в газету!

— Да редакция еще не работает! Гляньте на часы! — Дмитрий Германович ставил гадалке в упрек то, к чему только что взывала она сама.

— Но согласитесь: дело ясное, что дело это темное! — взволнованно проговорила гадалка, в которой гораздо острее было чувство интереса и рабочего азарта, чем чувство обиды на слова клиента, брошенные в ее

адрес.

— Темное... — не как единомышленник, но уже и не как враг проговорил Дмитрий Германович.

— Едемте... — гадалка осеклась на полуслове. — Едемте тогда в морг!

— Да, надо, — твердо ответил Незнамов.

Следом он бросил трубку. Милославская знала — сейчас не время набирать его номер и предлагать свое участие. Однако от участия этого она отказываться не собиралась.

Забыв об усталости, она поднялась с постели и стала собираться туда, где она посоветовала побывать клиенту. Яна подумала о своем утреннем гадании и червь сомнения шевельнулся где-то в глубине ее души. Может, «Царство живых» все-таки солгало первый раз, говоря о Галюсе, а о телохранителе сказало правду? Не он ли ее отправил в мир иной, разжившись престижным автомобилем и драгоценностями, на которые вряд ли был скуп ее папочка и к которым равнодушны все женщины?

Наскоро приняв душ и облачившись в костюм, который первым попался ей на глаза, Милославская пару раз провела расческой по распущенным волосам, практически на ходу подкрасила губы и торопливо покинула свое жилище.

Скорым шагом она спустилась вниз, к шоссе, и взволнованно стала голосовать. Ветер трепал ее волосы, развевая их в разные стороны. Они падали на лицо, заставляя и без того взбудораженную Яну раздраженно поправлять их.

Наконец, резко свернув к обочине, около нее притормозила какая-то старая, годов восьмидесятых, иномарка. Гадалка бросилась к двери и, приоткрыв ее, обратилась к водителю:

— До морга подбросите?

Тот выкатил глаза и присвистнул.

— Ничего себе направление! — заключил он, поправляя козырек бейсболки.

— Ну? — нахмурившись, настойчиво повторила Яна, сердясь на то, что парень задерживает ее.

— В таких ситуациях разве отказывают... — ответил он и кивнул на заднее сиденье.

Всю дорогу Милославская нервно теребила ремешок своей сумочки и напряженно вглядывалась вдаль, как бы пытаясь взглядом измерить оставшееся до нужного места расстояние. Оно сокращалось мучительно медленно. Во всяком случае ей это так казалось. Когда же взгляд гадалки

падал на соответствующий прибор, она внутренне заключала, что водитель явно перебарщивает со скоростью.

И красный на светофорах, казалось, горел дольше обычного, и пробок на дорогах стало больше. Спросив разрешения у хозяина иномарки, гадалка закурила и стала кончиками пальцев постукивать по бедру.

Водитель то и дело поглядывал на нее в зеркало. Переживания Милославской, по-видимому и ему передавались. Он резко трогался с места после того, как загорался зеленый, и также резко тормозил, когда возникала такая необходимость.

Наконец впереди показался парк, за которым и располагался морг, место о котором люди даже думать избегают. В целях экономии времени, Милославская решила сойти здесь, так как чтобы подъехать к зданию вплотную, следовало сделать еще довольно большой круг по соседней улице. Яна перекинула ремешок сумочки через плечо и взялась за дверную ручку.

— Прощу вас, — обратился к ней водитель, — не выпрыгнете на ходу.

Поведение Яны во время дороги не исключало того, что она вполне способна это сделать. Милославская ничего не ответила и, когда парень притормозил, протянула ему заранее приготовленный полтинник. Тот отмахнулся, скривив лицо так, словно ему поднесли что-то тухлое.

Гадалка не стала настаивать, но не из радости сэкономить — ей просто некогда это было делать. Она уже и не верила почти, что встретится здесь с Незнамовым — путь его был значительно короче, да и сборы тоже (как Милославская ни спешила, а все же женщина есть женщина). Однако надежда на это все еще тлела, поэтому гадалка, звонко цокая каблучками, стала пересекать длинные аллеи парка. Ей никак нельзя было разминуться с клиентом, так как решение этого вопроса казалось гадалке теперь делом чести.

Яна пригнала голову, пытаясь за пышными ветками кустарников разглядеть, стоит ли возле входа незнамовская машина.

Да! Ее клиент подогнал свое авто к самой двери, туда, куда, наверное, только скорой подъезжать и разрешалось.

Повинуясь внутреннему порыву, гадалка побежала. Вдруг буквально в пяти метрах от машины она увидела самого Дмитрия Германовича. Сунув руки в карманы, он взволнованно широкими шагами мерил узенький чисто выметенный тротуарчик.

— Дмитрий Германович! — крикнула гадалка, хотя до ее клиента оставалось еще метров двести.

Он стал оглядываться по сторонам. Милославская подняла вверх

правую руку и махнула Незнамову. Посмотрев направо-налево, он все-таки увидел ее. Встал, широко расставив ноги, не вынимая рук из карманов. Яна бежала ему навстречу, поправляя падающие на лицо волосы.

— Что? — не выдержав, крикнула она.

— А ничего! — вытянув голову вперед, похожий на разъяренного бульдога, закричал он в ответ.

Милославская, оторопев, остановилась и, хлопая глазами, стала смотреть на него. Застыв в одной позе и не меняя громовой мины, Дмитрий Германович пожирал ее глазами.

Гадалка снова двинулась вперед. Незнамов вдруг развернулся и быстро зашагал к двери, начав со всей силы стучать в нее обеими кулаками.

— Что? Что? — трогая его за плечо, воскликнула Яна.

— Ни-че-го! — обернувшись, тихо процедил он и тыкнул пальцем на металлическую табличку, висевшую над входом: посетителей сюда в это время не впускали. Следовало проторчать у входа еще не менее сорока минут.

Яна встала, сложив на груди руки и не зная, что делать.

— А может... может, — несмело предложила она через некоторое время, — может по больницам пока? Если это совсем недавно... Она, наверное... Кто-то доставил туда... А оттуда сообщили...

— По больницам? — еще сильнее сдвинув брови, спросил Незнамов и задумался. — Да, может быть!

Он кинулся к машине, ничего больше не говоря гадалке, хотя совсем недавно, казалось, был готов разорвать ее.

— Постойте! — догоняя Дмитрия Германовича, окликнула его Яна, но он никак не отреагировал.

Тогда Милославская самовольно протянула руку к дверце и дернула ее на себя. Не успела она как следует разместиться, как автомобиль рванул с места, заставив гадалку с силой удариться о спинку сиденья, благо она была мягкая.

Незнамов летел на красный, выскакивал на встречную полосу, подрезал другие автомобили. Яна, обеими руками прижав к себе сумочку, в ужасе замирала при каждом таком маневре. Ее кидало из стороны в сторону и, зажмурив глаза, она молилась о спасении.

Наконец, колеса резко заскрипели — машина, ставшая больше похожей на космический корабль, остановилась. Гадалка приоткрыла один глаз — с серой оштукатуренной стены на нее смотрела табличка, оповещающая о наименовании учреждения. Милославская не успела ничего разобрать, так как Дмитрий Германович, не дав ей опомниться от

сумасшедшей езды, не вытащив ключи зажигания и не сделав ничего того, что обычно делается в таких ситуациях, выскочил на улицу и направился напрямиком ко входу. Яна поторопилась последовать за ним.

Одной рукой Незнамов уперся в бок, а другой потянул за массивную железную ручку огромной засаленной деревянной двери. Она оказалась запертой. Тогда клиент гадалки «деликатно» для своего недавнего поведения стукнул в дверь несколько раз. Прошла секунда, другая... Ситуация оставалась прежней. Незнамов побагровел и тяжелыми шагами направился к своему автомобилю. Усевшись за руль, он стал с силой нажимать на сигнал, хладнокровно взирая на вход в здание, хотя адский звук в это время разрывал воздух.

Минуты три ничего не менялось. Гадалка даже заткнула уши, потому что, казалось, голова лопнет от сокрушительного гула. Наконец дверь приоткрылась, и, упав, о землю лязгнул тяжелый металлический засов. Затем показалось что-то белое, в чем Яна через пару секунд разглядела престарелую сгорбленную санитарку, наклонившуюся за железякой.

Подняв засов с земли, она с трудом, но все-таки угрожающе взмахнула им в воздухе и только после этого обратилась к Незнамову, который к тому времени стоял в двух шагах от нее:

— Ошалел? — проскрипела она, закашлявшись от возмущения. — Я щ-щас милицаю вызаву-у!

Дмитрий Германович одним ловким движением вынырнул из машины и быстрыми шагами направился в сторону санитарки. Почуввав опасность, она тут же потянула дверь на себя. Но та была тяжелой, и старухе не удалось в одно мгновение с ней справиться, к тому же какой-то камень застрял между дверью и землей.

Незнамов, быстро угадав намерение санитарки скрыться, подскочил к двери и просунул в проем настолько, насколько мог, чтобы помешать закрытию двери.

— Карау-у-у-л! — завопила старуха, не сдавая своих позиций.

Незнамов стал что-то говорить ей сквозь зубы. Его слов Милославская не слышала, но она понимала, о чем в этот момент может идти речь.

Минуту-другую санитарка вела себя упорно, но потом в лице ее появилось новое выражение: выражение сомнения в собственной правоте. Вскоре и эта мимическая волна заменилась волной сочувствия и тревоги за чужую судьбу. Яна увидела, как дверь стала приоткрываться, и вскоре Незнамов скрылся за ней.

Как выяснилось позже, санитарка, дежурящая в эту ночь и в момент незнамовского прибытия натирающая полы неподалеку от входа, впустив

незваного гостя, повела его прямо по коридору к переполошившейся уже от шума дежурной медсестре, которая, к счастью, не отказалась от участия.

Она стала быстро пролистывать какие-то пухлые желтые тетради, двигая указательным пальцем по одной из колонок. Через пять минут таких поисков она ответила, что Галина Незнамова в данное заведение не поступала. Дмитрий Германович, конечно, не собирался отступить и, мягко выражаясь, «уговорил» ее совершить пробежку по палатам.

Пленившись обещаниями Незнамова быть хорошо вознагражденной, медсестра согласилась, и за какие-то пятнадцать-двадцать минут они с Дмитрием Германовичем исследовали все имеющиеся в больнице палаты, не отыскав ни в одной из них Галюси.

Яна взволнованно дожидалась своего клиента. В одно из мгновений терпение ее лопнуло, и она отправилась вслед за ним. Однако дверь оказалась запертой изнутри, поэтому гадалка осталась сидеть в машине не солоно хлебавши.

Когда в дверях показался наконец удрученный Незнамов, Милославской без слов все стало понятно — свою дочь он не нашел.

Дмитрий Германович тяжело опустил за руль, и через пару секунд автомобиль бешено сорвался с места. Гадалка ничего не спрашивала и только молча, с ужасом следила за дорогой.

Довольно быстро они с Незнамовым объездили еще несколько клиник, везде получив одинаковый отрицательный ответ. Дмитрий Германович становился все мрачнее и мрачнее, предвкушая, наверное, самое страшное, что должно было открыться ему только в одной, последней инстанции — морге.

Именно теперь Яна увидела, что этот человек испытывает настоящее горе. Ни тогда, когда он впервые пришел к ней, ни при следующей их встрече, он не проявлял тех чувств, которые сейчас просто разрывали его на части. Наверное поначалу Дмитрий Германович и не верил, что его недруги имеют настолько серьезные намерения, а может быть, его просто согревала надежда, которая, как известно, умирает последней.

Двери морга к моменту второго прибытия гадалки и ее клиента уже были открыты настежь. У входа молчаливо покуривали двое мужчин, осунувшиеся, с бесцветными лицами. Кого-то на носилках вытаскивали из неуспешной «Скорой» цинично травящие анекдоты санитары. Ребята в фирменных спецовках с эмблемой «Литургия» пронесли в сторону ГАЗели обитый традиционной красной тканью гроб. В общем, как это не парадоксально звучит, жизнь здесь уже шла полным ходом.

Незнамов угрюмо кашлянул и вышел из машины. Милославская на

этот раз решила во что бы то ни стало следовать за ним, поскольку, как говорится, ничего нет мучительнее ожидания. Тот ничего ей на это не сказал, если вообще заметил ее присутствие — настолько он был подавлен и разбит.

Они хмуро поднялись по двум немывтым и неметеным уже, наверное, ни один год лестницам. Их обрамляли расшатанные, с облезлой краской перила. Стены были обшарпанные, с местами облупленной краской, у самого потолка опутанные грязной паутиной. «И это последнее пристанище Человека!» — оскорбленно подумала Яна, а вслух произнесла:

— Человек — это звучит гордо!

Дмитрий Германович, убитый горестными предчувствиями, наверное, не замечал этого, ноги несли его вперед сами собой.

Миновав маленький лестничный пролет, Милославская со своим клиентом очутилась в узком душном коридорчике, забитом людьми. В лицах всех их было что-то общее. Они держали в руках какие-то документы и, привалившись к холодной стене, печально ожидали, когда из кабинета, дверь в который была открыта, выкрикнут фамилию их усопшего родственника.

Незнамов, сунув руки в карманы, расталкивая толпящихся своим изрядно выпирающим животом, протиснулся к самой двери кабинета. Милославская, само собой разумеется, следовала за ним.

— Вас позовут, — крикнул ему кто-то из очереди, но он не отозвался, если вообще услышал это.

«Кабинет» оказался всего-навсего коридорчиком, предваряющим собой вход в другое помещение, откуда доносились душераздирающие звуки, похожие на визг электропилы. Как, наверное, ужасно было слышать все это тем, кто еще совсем недавно видел своего близкого живым, разговаривал с ним, прижимал к себе его теплую, живую руку... В сознании Милославской всплыли собственные черные воспоминания. Промелькнуло смеющееся лицо сына, ласковый взгляд мужа... Глаза ее увлажнились, и она тяжело вздохнула.

Дмитрий Германович переступил через порог «кабинета». Яна поднялась на цыпочки и заглянула внутрь через его плечо.

— Заходите по одному! — бросил им крупный молодой мужчина в белом халате, не отрывая взгляда от бумаги, в которой он что-то писал крупным, размашистым, но абсолютно неразборчивым почерком. — Мещеряков? — спросил он, подняв глаза.

— Н-нет... — почему-то замешкавшись, пробормотал Незнамов.

Я решила поддержать клиента и помочь ему и в быстром темпе

отрапортовала то, зачем мы, собственно, сюда и явились. Здоровяк, слушал меня, хлопая глазами, а когда я закончила, обратился к своему коллеге, отыскивающим что-то среди кипы бумаг:

— А кто у нас неопознанными занимается?

— Сапрыкин, — не отрываясь от своего дела, бросил он.

Почти в один голос они объяснили, как найти того самого Сапрыкина. Я взяла на себя главную роль в его поисках, поскольку Незнамов к тому моменту практически перестал владеть за собой.

Сапрыкин оказался коротко стриженным коренастым молодым парнем, на удивление коротконогим. Он был одет в бледно-голубую пижаму медработника и стоял возле молоденькой медички, прикуривающей какую-то тонкую длинную сигарету. Он наклонился прямо к ее уху и что-то, хитро прищурившись шепнул. Выпуская изо рта клубящуюся струйку дыма, она во весь голос безудержно расхохоталась. Смех ее кощунственно разносился по огромному коридору с необыкновенно высокими потолками и сдавливал и без того подавленную душу Милославской и Незнамова.

— Кгхм, — кашлянул, глядя на них из-под плотно сдвинутых бровей Дмитрий Германович.

Сапрыкин и его спутница, улыбаясь, посмотрели на Незнамова. Едва сдерживая вспышку эмоций, он задал Сапрыкину интересующий его вопрос. Тот, как ни в чем, не бывало, приподнял брови, указательным пальцем сдвинул немного на затылок свой накрахмаленный колпак и другим пальцем задумчиво почесал у виска.

— При одной из поступивших найден студенчески билет, если я не ошибаюсь... — Сапрыкин поджал губы, — на имя Незнамовой Галины... отчества не припомню, — хладнокровно заключил он.

Дмитрий Германович пошатнулся и облокотился о стену. Он в одно мгновение побледнел и схватился за сердце. Милославская, взяв его под руку, свободной рукой стала шарить в своей сумочке в поисках успокоительного.

— Но я могу и ошибаться... — озабоченно протянул Сапрыкин, — Не помню вот точно, Галина она или Ирина...

Одно желание владело в этот миг гадалкой — огреть со всего размаха этого придурка своей сумкой. Она посмотрела на Незнамова, лицо которого перекосило выражение безысходного отчаяния и воскликнула:

— Да идемте же скорей! Мы должны опознать ее!

— Идемте, — пожав плечами, спокойно ответил Сапрыкин, а соей подруге с улыбочкой бросил: — Я скоро!

Снова выпуская изо рта дым, она молчаливо кивнула ему в знак согласия.

Сапрыкин вывел Яну с ее клиентом на улицу. Милославская зажмурилась — привычный солнечный свет после темных мрачных коридоров показался ей слишком ярким. Мелкими шажками меряя землю, их провожатый достал из кармана увесистую связку ключей, от тяжести которой штаны его заметно лопнули в одном месте по шву.

Обогнув здание, все трое оказались около каменной лестницы из десяти широких ступенек, ведущей вниз к большим металлическим дверям. Сапрыкин вприпрыжку спустился к ним и, поворачивая ключом в замочной скважине, спросил:

— Кто? Вы? — он смотрел на Милославскую, видя что предстоящее зрелище явно не для Незнамова.

Яна, отлично понимая всю тяжесть того, что ей предстояло испытать, утвердительно кивнула и спустилась вслед за провожатым. Дмитрий Германович, однако, не собирался стоять в бездействии и тоже двинулся вперед, опередив гадалку и едва не поскользнувшись. Милославская тем не менее не решилась отпустить его одного, боясь, что именно теперь ему и понадобится поддержка.

Душу ее в этот момент переполняли самые разнообразные чувства: неужели карты обманули ее? неужели она теряет профессионализм? что вообще происходит? чем все это закончится? как она будет объясняться с Незнамовым, когда он придет в себя? У Яны не было времени для того, чтобы как следует все обдумать и прийти к какому-то выводу, поэтому мысли мешались в голове, вводя ее во все большее смятение.

Сапрыкин открыл одну из дверей, которая угрожающе проскрипела. Изнутри пахло холодом и сыростью.

— Сыро... — съездившись, пробормотала гадалка.

— Это не самое худшее, — ухмыльнувшись, ответил ей Сапрыкин.

В следующую же секунду Милославская, следовавшая за ним, убедилась, насколько он был прав. Прямо перед ней, задев о ногу, промелькнуло что-то черное и длинное. Гадалка взвизгнула и шарахнулась в сторону.

— Не бо-ойтесь, — протянул Сапрыкин, — это всего лишь крыса.

— Всего лишь? — задыхаясь от ужаса, ухмыльнувшись, воскликнула Яна.

В следующий момент Милославская почувствовала ужасный запах. Ее замутило, и она, не в силах справиться с этим, закашлялась.

— Заткните лучше нос, — посоветовал Сапрыкин, — здесь некоторые

столько лежат!

Незнамов держался мужественно. Он только сверкнул глазами, но ничего не сказал, хотя трудно было не заметить, что внутри у него все кипело.

— И только вот это они заслужили... Подвал... Печальный итог жизни... — тихо пробормотала гадалка.

Сапрыкин щелкнул тугой кнопкой выключателя и тусклый свет озарил длинный коридор ведущий в другое помещение. Оно оказалось огромным. В нем по стенам и посреди зала в несколько рядов находились какие-то приспособления, похожие на тюремные нары. Потолок был покрыт серо-черной плесенью. На «нарах» лежали трупы, укрытые то ли тканью, то ли клеенками.

— П-п-п-п... — задумчиво пропыхтел Сапрыкин и стал наклоняться к биркам, висевшим из-под каждой клеенки. — Раменцев, Сухова, — тихо называл он, подходя то к одним нарам, то к другим. — Ага! Вот! Незнамова Галина Дмитриевна! — выкрикнул он через некоторое время совершенно неожиданно для нас. Оба мы в один голос охнули.

Дмитрий Германович вдруг резко сорвался с места и вплотную приблизился к Сапрыкину. Затем он отрывисто взмахнул рукой и откинул клеенку. Милославская стояла на своем прежнем месте и с ужасом взирала на происходящее. Незнамов отшатнулся и ладонью закрыл глаза.

— Что? Что с ней?! — сквозь зубы с горечью выдавил он.

— Труп обгоревший, — пожав плечами, хладнокровно констатировал Сапрыкин.

Не владея собой, гадалка приблизилась к своему клиенту. То, что она увидела, шокировало ее как ничто, что до этого вызывало у нее ужас. Больше всего у девушки было обезображено лицо. Хотя местами тело почему-то оказалось практически не поврежденным. Она лежала совершенно обнаженная, с вытянутыми вдоль тела руками.

Дмитрий Германович беззвучно затрясся, снял с себя пиджак, заботливо прикрыл им тело дочери, а потом бессильно прильнул к ее телу, обхватив его обеими руками.

— Она? — через некоторое время молчания спросил Сапрыкин.

— Рост, фигура и даже родимое пятно на ноге... — слегка приподнявшись и поглаживая тело, протянул Дмитрий Германович.

— Возраст по-моему тоже, — несмело добавил Сапрыкин.

— Ну вот, — указательным и большим пальцами зажимая глаза, провыл Незнамов, — а ты говорила жива...

В его словах теперь не было той агрессии, с которой он поначалу

накинулся на Милославскую. Казалось, он настолько душевно обессилел, что не мог сразиться с ней в словесном поединке. Хотя, возможно, его сердце переполнили чувства куда более сильные, чем злоба и негодование, не оставив последним места.

Дмитрий Германович вновь молча склонил голову на тело и зашелся беззвучными рыданиями. Сапрыкин, привыкший к такому ходу дел молча стоял в стороне, отвернувшись. Яна не находила себе места, впервые, наверное, в своей жизни увидев, как мужчина плачет.

Незнамов через некоторое время неожиданно выпрямился, рукавом утер глаза и с необыкновенной твердостью в голосе проговорил:

— Ну все, хватит! — Затем он перевел взгляд на Сапрыкина и отчеканил: — Сделайте все по высшему классу. Я оплачу любые затраты.

На этих словах клиент гадалки развернулся и, твердо ступая, зашагал к дверям, закурив на ходу. Яна не пыталась его догнать, отлично понимая, что какие бы слова она в этот момент не произнесла, способных утешить отца, потерявшего дочь, все равно не нашлось бы, да и она себя ничем в его глазах оправдать она не могла. Честно говоря, последнего ей и не хотелось, так как она не видела ответа на вопрос, куда делся ее таинственный дар безошибочного предвидения.

Выйдя на улицу, Милославская подсознательно обрадовалась всему тому, что ее окружало: солнцу, небу, птицам, деревьям, людям, снующим туда-сюда — и заключила, что жизнь, вопреки всему и для нее, и для Дмитрия Германовича продолжается.

Незнамова к тому моменту уже и след простыл, и Яна, выйдя на обочину дороги, поймала такси. С тяжелым сердцем она ехала домой, невпопад отвечая на пустые вопросы водителя. Она пыталась предположить, что станет делать теперь Дмитрий Германович, и переживала, как бы он не выкинул чего-нибудь «этакого», ведь по сути, цель его жизни со смертью Галюси себя исчерпала.

Молчаливо распрощавшись с таксистом, Милославская медленно открыла свою калитку, также безучастно измерила шагами двор, не разуваясь, вопреки привычке, прошла в свой кабинет, и, понурая, опустилась в кресло.

ГЛАВА 8

Незнамов, отъехав от морга, направился в собственный офис. Ему как никогда хотелось побыть наедине с собой, поэтому он буквально за пятнадцать минут разогнал всех сотрудников своего офиса, которые понять не могли, с чем такой поворот в распорядке их рабочего дня связан. Дмитрий Германович был далеко не в том состоянии духа, когда человек способен что-либо объяснить, и все возмущенные вопросы оставлял без ответа. Мысль о поездке домой он сразу категорически отодвинул: там все напоминало о ней, Галюсе. Ее комната, вещи и даже любимые с детства мягкие игрушки... Делом, которое он, увидев дочь мертвой, сразу же для себя обозначил, он заняться не мог: слишком слаб был Незнамов в этот момент перед лицом такой трудности.

Дмитрий Германович на каком-то подсознательном уровне принял решение сделать то, к чему никогда не имел привязанности — он намеревался опустошить щедро уставленный на всякий случай бар в своем кабинете. Незнамов всегда был слишком занят, поэтому у него отсутствовало время на то, чтобы сменить равнодушие к алкоголю на любовь или хотя бы уважение к нему. Если он и перехватывал рюмку на какой-нибудь презентации, то без особого желания, и на следующий день его традиционно мучила невероятная головная боль, заставляющая в самых крепких выражениях вспоминать и презентацию, и ее организатора.

Оставшись, наконец, один, Незнамов, открыл дверцу довольно большого отсека полированной черной стенки, растянувшейся вдоль самой длинной стены его кабинета и стал доставать оттуда все подряд, не задумываясь. «Шардоне», виски, джин-тоник, водка «Абсолют» с грохотом в ряд устанавливались на маленьком столике.

Затем он нашел в столе у Люси штопор, а в холодильнике ополовиненный лимон и неначатую упаковку нарезки ветчины, которую Люся обожала и приготовила, наверное для себя. Начал Дмитрий Германович с «Шардоне», которое с трудом дрожащими руками открыл, в итоге все же поранившись штопором. Потом прешел на водку, и, вопреки всякой логике, стал запивать ее джин-тоником. Про закуску он забыл — лимон и ветчина через некоторое время покрылись тонкой сухой корочкой.

Опрокинув очередную рюмку, Незнамов закрывал глаза и произносил долгое «М-м-м-м...», словно у него начинал болеть зуб. Но болело у него другое... И если бы кто-то слышал эти звуки, он бы содрогнулся.

Дмитрий Германович во всем в эти мгновения винил себя. В том, что не уделял дочери достаточного внимания, в том, что не жил с ней одной жизнью, в том, что слишком часто был с ней гораздо более жесток, чем требовалось, и во многом другом. Но тем, чего он себе по-настоящему не мог простить, являлась его реакция на угрозы питерских конкурентов. Не уступив им приносящий хороший доход объект, он потерял самую главную, не осознаваемую им ранее ценность — дочь. Кому она нужна теперь, эта прибыль? И разве может быть с ней соизмерима его потеря?!

Это глубочайшее раскаяние сворачивало всего его, доселе казавшегося таким сильным и нестигаемым, в узел, ломало его и корежило, как податливую алюминиевую проволоку. Незнамов не осознавал течения времени, и неизвестно, сколько часов он провел так, пытаясь утопить себя всего в дурманящей жидкости.

* * *

— Да! Алло! Слушаю! Да говорите же наконец! — раздраженно воскликнула Милославская после того, как на ее слова никто не откликнулся.

— Что делать? Это же не она-а! — отозвался не знакомый ей неестественно протяжный голос.

— Что? — переспросила гадалка. — Я вас не понимаю! Вы туда попали?

— Ян Борис-на? — спросил незнакомец все тем же медлительным тоном.

— Да, — удивленно ответила гадалка.

— Знацьт туда-а...

— Кто это?

— Эт я-а...

На мгновенье гадалке показалось, что она узнала в незнакомце... Дмитрия Германовича, но она тут же отодвинула эту идею, поскольку в своей интонации адресант был перепуганно-счастлив.

Еще какое-то время Милославская перебрасывалась с позвонившим подобными фразами, пока наконец, он не удосужился обнаружить себя.

— Я это. Я! Незнамов! — досадуя, воскликнул он.

— Что-о? — Яна потеряла дар речи.

— Ш-што делать, я спраш-шваю?!

— Что с вами? Почему вы так говорите?

— А, ничего, я в нор-рме!

Тут только гадалка догадалась, что клиент, которого она несколько часов назад определила как бывшего, изрядно пьян. Больше всего она испугалась того, что в этом состоянии он спятил.

— Дмитрий Г-германович, — заикаясь, произнесла она, — с вами все в порядке.

— Абсолют-тн, — глубоко икнув прямо в трубку, ответил он. — Я говорю, это не Галюся!

Милославская осторожно, боясь усугубить душевную травму Незнамова произнесла:

— Где, простите?

— Да там... Там лежала не она...

— Но вы же сами сказали...

— Да, все совпадает, а вот пупок не-ет, — хитро протянул Незнамов.

«Мои опасения оправдались» — мысленно произнесла Яна, решив, что Дмитрий Германович точно сошел с ума или находится на грани того. Единственный диагноз, который она считала утешительным — белая горячка на почве алкоголя.

— Ах, пупо-ок! У нее он, наверняка, совершенно особенный, — с глуповатой радостью парировала гадалка.

— Да, совсем недавно Галя сделал пирсинг! А у той все было цело. Цело и все тут! Да! Нет кольца в пупке! Ха! — Незнамов заговорил значительно отчетливей. Судя по всему, высказывание его все-таки имело под собой здоровую почву, тем более что в нем определенно присутствовала логика.

— Пирсинг? — неуверенно произнесла Милославская.

— Ну да, — протянул Дмитрий Германович. — Знаете, мода сейчас пошла идиотская, то есть... совсем замечательная мода, прокалывать пупки! И-и-и-и-и, — Незнамов захохотал совершенно по-идиотски, и Яна опять усомнилась в здравости его ума.

— Дмитрий Германович, — стараясь быть предельно дружелюбной произнесла она, — это не совсем телефонный разговор. Мне трудно разобраться в ваших словах. Давайте лучше я к вам подъеду, и мы обо всем поговорим. Где вы находитесь?

— Ми-илочка, — радушно протянул Дмитрий Германович, — да я сам к вам еду. Разговариваю по своему мобильнику...

— Что? Как едете?! — гадалка даже привстала, представив себе движение машины с таким водителем за рулем.

— Да на такси еду, — спокойно ответил ее клиент.

— Пф-ф-ф-ф... — облегченно выдохнула Милославская.

Но секундой позже она ужаснулась, подумав о том, какой веселой будет ее ночь, если Незнамов и на самом деле лишился рассудка.

— Возможно, меня ожидают не самые худшие вести, — оптимистично заключила Милославская через некоторое время и, потирая руки, направилась на кухню.

Она достала незаменимую серебряную джезvu и принялась за приготовление кофе, которым собиралась подкрепить свой оптимизм, ибо первый всегда прибавлял гадалке бодрости.

Всего несколько минут назад ей не хотелось делать ничего, что входит в понятие «жизнь». Она сорвалась на ни в чем неповинную Джемму, притащившую под ноги хозяйке упаковку с собачьим кормом, которому время было быть насыпанным в миску, зашторила окна... Закрылась в кабинете и курила одну за другой... Звонок Незнамова, неизвестно что предвещающий в будущем, так или иначе, заставил ее вернуться к жизни.

Не прошло и пятнадцати минут, как прямо перед окнами ее дома притормозила желтая «Волга» с шашечкой на крыше. Милославская, услышав звук мотора, быстрым шагом приблизилась к окну — все минуты до того она ждала своего злосчастного клиента. Из двери машины в буквальном смысле вывалился Незнамов и пошел в направлении калитки. Его мотало из стороны в сторону, но ступал он довольно твердо, из чего Яна заключила, что Дмитрий Германович все еще движим своей сумасшедшей идеей.

Джемма, поначалу на удивление спокойно воспринявшая появление гостей, стала рваться к двери: она терпеть не могла пьяных и загодя почувствовала приближение такового. Впрочем, вскоре ощутила его и сама гадалка — несло от Дмитрия Германовича, поднимающегося по ступенькам крыльца, изрядно. Ни на минуту Милославская не усомнилась в том, что Незнамов употреблял только качественные дорогостоящие напитки, однако ей нестерпимо захотелось спросить: «Вы нахлебались какой-то сивухи?»

Она открыла дверь — Незнамов стоял перед ней покачивающийся и довольный. Оставалось спросить — чем. Яна освободила проход и молчаливым жестом пригласила гостя войти. Он, не разуваясь, так же, как и она совсем недавно, прошлепал в глубь дома и развалился посреди дивана, как хозяин.

Гадалка в вопрошающей позе застыла перед ним. Дмитрий Германович молчал.

— Объяснитесь же наконец! — обратилась Милославская к нему, не выдержав.

— Хорошо, — ответил ей клиент довольно трезвым тоном. — Я был убит горем, — Незнамов снова замолчал.

Когда это продлилось более минуты, гадалка со спокойствием, которое ей давалось с большим трудом, произнесла:

— Я догадываюсь. Что дальше?

— Я находился в самом безысходном положении! — размахивая руками, продолжил Дмитрий Германович. — И вдруг, совершенно неожиданно меня осенило! Почему эта мысль не пришла ко мне раньше?! — Незнамов снова замолчал, но скоро опять продолжил: — Образ моей девочки, лежащей там... не выходил из моей головы... И вдруг... вдруг воображение мое остановило мою мысль на одном моменте... Пупок! Как я сразу не обратил на него внимания?! А ведь скольких нервов стоила мне эта ее выходка! А ведь она сделала это мне назло! Какая умница, а? — клиент горделиво посмотрел на гадалку.

— О, да, несомненно, — с плохо скрываемой иронией произнесла она, мало ориентируясь в сути дела.

— Она купила себя одну вещицу, которую я категорически запретил ей на себя напяливать. И что вы думаете? На следующий день она не только ее надела, но еще и вонзила кольцо в пупок, не позабыв похвалиться этим передо мной! Естественно, я был вне себя, и мы неделю не разговаривали.

Милославская молчаливо смотрела на своего клиента. Очевидно, он ожидал от нее совершенно другой реакции, поэтому с особой выразительностью, казалось, становясь все трезвей, протянул:

— У той несчастной этого не было!

— Вы уверены?... — тихо протянула Милославская, для которой ситуация начинала довольно четко проясняться.

— Хм, уверен? — иронично произнес Незнамов.

— Может, вы кольца не заметили?

— Да вы что? Галюся с детства дешевки не признавала! Она вставила такую вещь, которую, увидев однажды, вряд ли забудешь!

— А если на эту вещь кто-то позарился? — осторожно предположила Яна.

— Это кольцо не могло не оставить следа, — Дмитрий Германович развел руками. — У той все было, как говорится, в целости!

— М-да... — задумчиво протянула Милославская.

Незнамов вдруг распахнул пакет, с которым он вошел и который бросил на пол возле себя, и извлек из него недопитую бутылку виски. Он звучно поставил ее напротив гадалки на столик и сказал:

— Разливайте.

Милославская отодвинула посудину и ответила:

— Я думаю, мы обойдемся без этого.

Дмитрий Германович вновь подвинул бутылку и повторил:

— Разливайте!

— Уверю вас, вам достаточно! — Яна настойчиво передвинула бутылку.

— Разливайте! — не уступал Незнамов, опять переместив виски и теперь уже не отнимая от него руки.

— Но в нашем разговоре не поставлена точка! — возмущенно воскликнула Милославская. — Что дальше? Как быть? Какие у вас планы?

— Я не хочу об этом говорить! — прервал ее клиент. — Главное, что самое страшное оказалось неправдой! Сейчас я хочу одного — отпраздновать это с вами! Все слова, брошенные не так давно в ваш адрес, беру обратно.

— Лучше поздно, чем никогда, — ответила гадалка, пожав плечами.

Незнамов, безусловно, был по-прежнему пьян, но речь его была абсолютно вразумительной, и, судя по всему, он отдавал себе полный отчет в своих словах.

— Мир? — спросил Дмитрий Германович, протягивая ей руку.

Милославская немного подумала, а потом, пожав руку клиента, неуверенно ответила:

— Мир.

Она еще не знала, как вести себя, и не была уверена в том, что все на самом деле складывается более благополучно, чем совсем недавно ей показалось.

— Разливай, — обратился к ней Незнамов.

Яна вздохнула и молча отправилась за рюмками.

ГЛАВА 9

Открыв глаза, Милославская попыталась прийти в себя. Она приподняла голову от подушки и огляделась. «Дома,» — с облегчением подумала она, потом вдруг припомнила вчерашний вечер и с одновременным чувством радости и отвращения сморщилась и отрешенно упала на кровать.

Да, немало количества нервных клеток стоил ей вечерний визит Незнамова. Он и так не вызывал у гадалки особой симпатии, а в пьяном виде оказался и вовсе совершенно отвратительным. Он говорил громче обычного, в конце каждого высказывания зачем-то похлопывая Яну по плечу. Сначала она была к этому снисходительна и призывала саму себя проявить терпение, но вскоре выходка Дмитрия Германовича стала невыносимой, и она мягко попросила клиента избавиться от неприятного ей жеста. Он принялся горячо извиняться, пару фраз произнес, не дотрагиваясь до Милославской, а потом опять вошел в раж и забылся. Гадалка поняла, что делать ему новое замечание —дохлый номер, и продолжала выслушивать его, недовольно сцепив зубы.

Слюни летели изо рта Незнамова, и Яне, кроме всего прочего, приходилось еще и уклоняться, дабы не быть оплеванной. Несмотря на это, изрядная капля порой оседала у нее на носу, и она едва-едва не плакала.

Дмитрий Германович в своем азарте ненависти к врагам ничего этого, казалось, не замечал или не хотел замечать и даже не извинился не разу. Он иногда хохотал, как сумасшедший, и круглый живот его сотрясался, распирая еле сходящуюся на пупке рубашку.

Единственным утешением было то, что подливал он нечасто и не проявлял особой бдительности, следя за тем, насколько добросовестно Милославская опустошает свою рюмку. Первую гадалка, с трудом подавляя чувство отвращения, осушила до дна, надеясь, что чем быстрее «зеленый змий» закончится, тем быстрее Незнамов оставит ее, к тому же ему при ее «добросовестности» должно было меньше достаться.

Довольный поведением гадалки, Незнамов еще более усердно похлопал ее по плечу. Яна, в отличие от него, уже через пять минут, почувствовала дурноту и «принимать на душу» ей больше не хотелось. Вторую порцию она, воспользовавшись тем, что клиент особо тщательно зажмурился, закусив долькой лимона, вылила ему, от третьей настойчиво отказалась и дальше тоже откровенно халтурила.

Несмотря на все это, голова у нее теперь болела так, словно в своем усердии она обошла двух таких, как вчерашний Незнамов, которого она выпроводила далеко за полночь. Таксист, увидев клиента, запросил втридорога. Дмитрий Германович к тому моменту мало ориентировался в ценах, а Яна спорить не стала, готовая согласиться и на большую плату за избавление от такого гостя.

Единственное, что ее успокаивало — и для радости тоже имелся повод, так как ужасная весть о смерти Галюси оказалась неправдой. Только как у той несчастной оказался документ незнамовской дочери? Это было большой загадкой.

Делом теперь, вероятнее всего, должна была заняться милиция. Сам Дмитрий Германович, хотя и в пьяном бреду, вполне трезво расценил случившееся как новую угрозу от конкурентов. Его неуступчивость они, по его словам, намеревались нейтрализовать угрозой потери самого дорогого, что у него было.

Милославская считала, что такой факт вполне имел место быть, поэтому, когда Дмитрий Германович заявил об этом, одобрительно закивала головой.

Встряхнувшись, она подальше отогнала от себя мысли о вчерашних неприятных впечатлениях и попыталась предположить, а что же дальше попытается предпринять ее клиент. К этому времени он вряд ли еще мог оклематься, поэтому Яна не стала беспокоить его звонком, предпочтя подождать еще несколько часов.

Она, чувствуя боль во всем теле, лениво поднялась с постели и потянулась. Гадалке захотелось наполнить дом светом, и она резким движением раздвинула занавески. Солнечные лучи с радостью разлились по комнате, отразившись в зеркале, красивой вазе, стоящей на полке, хрустальной пепельнице и даже перламутровых капельках на обоях. В комнате сразу стало светло, а на душе как-то радостнее. Яна выглянула в окно: на тоненькой ветке дерева в ряд сидели несколько воробьев и шумно переговаривались о чем-то. «Жизнь продолжается,» — подумала Милославская и медленно, шаркая тапочками, побрела на кухню.

Запах там стоял ужасный: смесь табака, перегара и недоеденной пищи, убирать которую ночью у Яны просто не было сил. За ночь дух этой адской смеси так и не выветрился, хотя форточка и была открыта.

Милославская отодвинула маленький металлический шпингалетик и распахнула обе створки окна. Поток воздуха ворвался в комнату, теребя занавески и высоко поднимая их на полум. Яне захотелось поскорее все вычистить и вымыть, избавиться от всего, что напоминало о вчерашнем. У

нее было такое ощущение, словно жизнь начиналась заново. Ошибке с Галюсиной смертью она радовалась несколько не меньше, чем сам Незнамов.

Через пару часов все в ее доме блестело. Гадалка, наслаждаясь свежестью, вздохнула с чувством облегчения и упала в кресло. Она достала из пачки сигарету и, закурив, стала размышлять. Джемма, увидев, что настроение хозяйки переменялось, стала ласково тереться о ее ногу, как бы напоминая о своем присутствии. Яна молча потерявила ее по холке и виновато пожала плечами.

Она глубоко ушла в себя, и только пепел, упавший с конца сигареты прямо на столик, заставил ее очнуться. Милославская посмотрела на часы и произнесла:

— Думаю, самое время ему позвонить.

Она говорила о Незнамове, который в это утро ни на минуту не выходил из ее головы. Яна протянула руку и сняла трубку с аппарата. С необъяснимой тревогой в душе она стала набирать номер телефона Дмитрия Германовича, сначала домашний, потом сотового. Сотовый почему-то был отключен, домашний не отвечал, рабочий — занят.

Гадалка сразу забеспокоилась. До дома Незнамов доехал благополучно — в этом она была уверена. Через полчаса после того, как клиент ее покинул, она позвонила ему домой и услышала знакомый голос, больше похожий на мычание. Сейчас Милославская рада была бы его услышать.

Через пять минут она снова повторила свою попытку — результат был тем же. Серьезная тревога овладела Яной. Подождав еще немного и вновь безрезультатно набрав номер, она поднялась со своего места и стала торопливо собираться, решив лично навестить Незнамова, надеясь застать его хотя бы в офисе.

Чтобы скоротать время, Милославская вызвала такси прямо к дому. Она нечасто так поступала, поскольку такая роскошь, если прибегать к ней регулярно, обходилась дороговато, но в экстренных случаях без лишних раздумий именно так и поступала. К тому моменту, когда она была готова к выходу, такси обычно уже стояло у ее ворот.

Собрав свои густые волосы в хвост и облачившись в черный облегающий брючный костюм, Яна выглядела очень спортивно, что вполне соответствовало ситуации. Она перекинула маленькую лаковую сумочку на длинном ремешке через плечо, юркнула ногами в удобные туфли-лодочки без каблука и, на ходу попрощавшись с Джеммой, быстро спустилась по ступенькам крыльца. Как раз в этот момент за воротами раздался сигнал.

— Отлично! — воскликнула Яна, радуясь, что ей не придется ждать и

нервничать.

Водитель был молод и сноровист в вождении. Он ловко лавировал на дороге, обгоняя других и умудряясь почти всегда проскакать на зеленый, поэтому до офиса Незнамова гадалка добралась довольно быстро.

Внешне вокруг все выглядело, как и прежде, никаких следов грозных событий не наблюдалось, и это несколько успокоило Милославскую. Будучи знакомой со здешними правилами, она без лишних слов расписалась в том самом журнале регистрации посетителей и беспрепятственно миновала вертушку. Прибытия лифта мирно ожидали несколько человек; все, казалось, шло своим чередом, тем не менее Яна нажала на кнопку нужного ей этажа с замиранием сердца.

То же самое сделали все, кто вошел в лифт. Двери кабины со скрипом задвинулись, и между пассажирами воцарилось традиционное неловкое молчание. Пухлая дама в крупных очках ежеминутно покашливала, слишком очевидно раздражая этим всех присутствующих.

Наконец на табло высветилась нужная цифра. Милославская в буквальном смысле рванула в холл, на выходе нечаянно наступив на ногу той самой пухлой даме, которая в ответ на Янино извинение только кашлянула сильнее обычного.

Виновато расшаркиваясь, гадалка услышала за спиной знакомый голос.

— Вы? — грянуло на нее.

— Я, — поспешно ответила она, еще не сообразив, с кем, собственно, имеет дело.

Напротив нее, поставив руки в бока, стоял Незнамов, опухший, с неестественно красными глазами.

— Слава богу, — машинально пробормотала Яна, обрадовавшись, что с Дмитрием Германовичем все в порядке.

— Чуть свет уж на ногах, — ответил он грибоедовской фразой, разведя руками.

Голос его звучал вполне оптимистично, из чего Милославская заключила, что ничего ужасного за ночь, к счастью, не произошло.

— Сотовый отключен, домашний не отвечает, рабочий занят... — несколько виновато объяснилась гадалка.

— Я ждал вас, — прервав ее, произнес Дмитрий Германович.

— Да?

— Да. Разве могло быть иначе? Я понял ваш характер — так просто вы не успокоитесь.

— Хм, — Милославская немного смутилась.

— Пройдемте, — Незнамов развернулся и жестом пригласил гадалку пройти за собой.

Через пару минут они уже сидели друг против друга в его кабинете, а Люся суетилась вокруг, выдавливая в высокие фужеры с минералкой сок лимона. От кофе сам Дмитрий Германович категорически отказался и, очевидно, судя о Янином самочувствии по своему, и ей кофе не предложил.

Кисловатая прохладная влага приятно освежила рот, и через пару минут гадалка почувствовала ее тонизирующее действие.

— Голова-то болит? — неестественно посмеиваясь, спросил Незнамов.

— Болит, — кивнула Милославская.

— Вы это, простите, если я вчера чего лишнего себе позволил... Я плохо помню...

— Да нет, — прервала его Милославская, начиная чувствовать неловкость, — вы вели себя вполне прилично.

Будучи по природе своей довольно самоуверенным, Незнамов тем не менее несказанно обрадовался такому ответу гадалки — видимо, сомнения в своей вчерашней добропорядочности терзали его — и перевел разговор на другую тему.

— Я намерен ввести вас в курс своих дальнейших планов, — начал он и так выразительно посмотрел на ожидавшую указаний Люсю, что она в мгновение ока исчезла за дверью.

— Было бы неплохо, — ответила Милославская, поняв, что прекращать отношений с ней клиент не собирается, и она, несмотря ни на что, не потеряла его доверия.

— Хочу позвонить питерцам, — нахмурившись, сказал Дмитрий Германович и, немного помолчав, еще более мрачно добавил: — Дам согласие отдать базу. В обмен на дочь.

Яна некоторое время растерянно молчала, не осмеливаясь ничего сказать, и только несколько позже произнесла:

— Это разумное решение. В сложившейся ситуации. Другого выхода, похоже, нет. Ведь угроза может перерасти в реальные действия.

— Да, — утвердительно кивнул Незнамов, — тем более, что мы до сих пор толком не знаем ничего о судьбе Галюси.

Гадалка предпочла промолчать, понимая, что это камень в ее огород.

Дмитрий Германович тяжело вздохнул, поднялся со своего стула, подошел к рабочему столу и стал перелистывать перекидной календарь, старательно отыскивая что-то среди прочих записей.

— Позвоню им прямо сейчас, — поясняя, пробормотал он.

Милославской хотелось спросить, разумно ли это и не лучше ли для

такого серьезного разговора назначить личную встречу, но, встретившись с суровым взглядом Незнамова, она предпочла промолчать. В конце концов, хотя она и провела уже много расследований, ее клиент в таких вопросах имел больше опыта.

На том конце провода долго не отвечали, заставляя и гадалку, и ее клиента волноваться. В конце концов хриплый голос лениво произнес:

— Алло.

— Незнамов, — сухо произнес Дмитрий Германович.

Видимо, дополнительных объяснений здесь не требовалось. Голос не удивился и не переспросил, кто звонит, не поинтересовался, что Незнамову надо. Здесь его звонка, судя по всему, ждали.

Яна, стоя рядом с клиентом, хорошо слышала каждое слово в разговоре.

— Рады, — ответили Дмитрию Германовичу.

— Без взаимности, — дерзко произнес он. — Давайте без лишних слов к делу.

— А кто против? — ухмыльнулся голос.

— Я согласен отдать базу, — без заминок отчеканил Незнамов.

— Наконе-ец-то! Ха-ха-ха... Созрел!

— У меня есть единственное, но обязательное к выполнению условие, — досадуя на торжество собеседника, отрезал Дмитрий Германович.

— Какое? — переменяв тон, спросил голос.

— База перейдет под вашу опеку только когда моя дочь будет дома.

— Дочь? Дома? — опешившим тоном воскликнул собеседник Незнамова. — И когда же она соизволит это сделать?

Дмитрий Германович с Яной переглянулись. Ни он, ни она не понимали, к чему клонят их противники.

— Прошу не говорить о моей дочери в таком тоне! — отрезал, не найдя больше, что сказать, Незнамов.

— Пардон, пардон, пардон... — с некоторой издевкой ответили ему.

— Когда я смогу увидеть мою девочку? — решительно произнес клиент Милославской.

— Это уж вам видней.

Дмитрий Германович непонимающе хлопал глазами.

— Я бы хотел, чтобы это случилось как можно быстрее. Это и вам выгоднее.

На том конце провода установилось молчание. Незнамов, не зная, как себя дальше вести, сказал:

— Вам, видно, требуется время на раздумье. Я согласен подождать. Только учтите, что я своего условия не отменю, — Дмитрий Германович положил трубку и протер лоб носовым платком, который давно уже комкал в руке.

Яне хотелось в этот момент поддержать его, но она не знала, как это лучше сделать. Слова в такой ситуации всегда подобрать трудно, руку пожать? — ведь не друг же он ей... Она продолжала стоять рядом и просто преданно смотрела в глаза.

Незнамов поджал губы, сунул руки в карманы и принялся, что, наверное, было у него привычкой, расхаживать взад и вперед по кабинету.

— Они, кажется, пытаются изобразить недоумение... — несмело заметила Милославская.

— Кажется, — согласился с ней клиент. — Но я им не верю. Это самый элементарный блеф. Только вот неясно, к чему он им. Того, к чему они стремились, они практически добились... — губы Незнамова нервно подернулись.

Милославская тяжело вздохнула.

— Ждать, — тихо заметил Дмитрий Германович. — Нам остается только ждать.

В этот момент он, казалось, забывал, какое, собственно, предназначение было во всей этой истории у Яны. Еще несколько минут назад она побаивалась об этом напомнить, не желая испытать на себе очередную вспышку гнева клиента, но теперь его пренебрежение к ее возможностям несколько покорило гадалку.

— Вам, может быть, — дружелюбно, но тем не менее настойчиво произнесла она. — А еще лучше будет, если вы просто отдохнете хотя бы денек. Наведаетесь в сауну... А я тем временем не стану растрачиваться на ожидания и поработаю.

Произнося последнюю фразу, Милославская потянулась за своей сумочкой, которая висела на спинке стула. Вид она, очевидно, имела довольно решительный, поскольку Незнамов даже намек не подал, что намерен ей в чем-то возразить. Он покорно смотрел на нее, когда она перед маленьким зеркальцем поправляла макияж и когда двинулась в направлении двери. Уже потянув на себя ее ручку, гадалка обернулась, чтобы попрощаться, и только тогда Дмитрий Германович как-то сумбурно пробормотал:

— Отдыхать... Некогда... Тут работы накопилось... Да, идите работайте, может, чего...

Его слова Милославская рассмотрела как одобрение ее намерений и,

довольная, покинула офис клиента. Какой-то груз упал с души гадалки, а те события, которые пришлось ей пережить вместе с Незнамовым в морге, казались теперь словно привидевшимися в страшном сне.

Второпях она не захватила с собой карты и поэтому теперь спешила домой, чтобы поскорее попросить их помощи. Она очень надеялась на нее, но где-то в глубине души, в подсознании ее терзал червь сомнения в состоятельности карт. Такое с Милославской было, пожалуй, впервые. Слишком глубокие впечатления, по-видимому, оставило все только что минувшее.

ГЛАВА 10

— Какую же из вас я сегодня использую.... — бормотала себе под нос гадалка, раскладывая перед собой в ряд свои заветные картонки.

Она думала о Галюсе, о ее телохранителе, молила своих помощников приоткрыть перед ней завесу тайны, скрывающую правду об их исчезновении.

Она закусила нижнюю губу и на минуту задумалась. Ей почему-то показалось, что «Взгляд в прошлое» смотрел на нее особенно выразительно. Лестница, подобная серпантину, уходила далеко ввысь, откуда сурово взирал человеческий глаз, поглощающий в своих таинственных глубинах эту самую лестницу. Яна вдруг почувствовала, что магические знаки, к которым она давно привыкла, так и влекут, так и зачаровывают.

Решив поддаться этому сиюминутному чувству, Милославская быстро смешала все остальные карты, оставив в центре стола только нужную. Затем она поднесла к карте кисть правой руки, задержав ее на некоторое время в воздухе, на расстоянии около десяти сантиметров от «Взгляда в прошлое».

Неожиданное, пожалуй, неизведанное доселе гадалкой чувство вмиг овладело ею. Она стала вдруг испытывать какое-то магнитное притяжение, шедшее от карты, и рука сама собой незаметно вплотную приблизилась к картонке. Яна в ясном сознании успела произнести: «Не зря я ее выбрала,» а дальше все закружилось, смешалось. Мощный поток накопившейся энергии закружил сознание Милославской в сумасшедшем вихре.

Она вдруг почувствовала себя находящейся перед какой-то полупрозрачной стеной, пленкой, за которой смутно вырисовывались малопонятные объекты. Казалось, надави на эту пленку, и она лопнет, разорвется, пропустив Яну внутрь тайного мира, но легкое, почти невесомое тело гадалки разгонялось, ударялось о стену и, словно мяч, отлетало назад. Отлетало далеко-далеко, потом с молниеносной скоростью приближалось, опять пыталось пробиться сквозь пленку...

Эти безрезультатные попытки повторялись несколько раз. Потом виртуальное тело Милославской вдруг приблизилось к стене плавно-плавно, осторожно и вплотную прижалось к ней. И... о чудо! — гадалка стала различать за мутной завесой конкретные образы.

Она не сразу разобрала, что, собственно, первым явилось ей, но

довольно скоро поняла — перед ней гневное лицо какого-то человека. Она видела его неразборчиво и не могла понять, кто это, однако настрой этой ужасной гримасы ей было хорошо понятен — гнев, злость, ярость.

Задержавшись не более чем на секунду, лицо исчезло, и исчезновение это было похоже на мгновенное таяние комка снега, брошенного в кипяток. В следующий же миг в нагрывавшей темноте послышался удар, потом еще один, еще... Затем неожиданно все просветлело, и Яна увидела, как мужской кулак грозно, с силой опустился на стол. Кулак стал постепенно уменьшаться, пока не превратился в точку, а его место вдруг заняли два силуэта, держащиеся за руки. Силуэты вырисовывались неясно. Лиц их невозможно было разобрать, но одно не вызывало сомнений — это были мужчина и женщина, и они бежали, пытались убежать от кого-то.

На этом видение оборвалось. По сути, оно не явило Милославской ничего конкретного, не дало ответа на главный вопрос, но она все равно была благодарна картам, поскольку они не отказались общаться с ней и показали не какую-то бессмыслицу, а определенный сюжет, в котором просто следовало разобраться.

Яна с трудом приоткрыла глаза. Она чувствовала опустошение и бессилие, и даже руки от карты отнять не могла, хотя та уже «молчала». Около двадцати минут она так и просидела, а немного восстановив силы, подняла обе ноги с пола и вытянула их на кровати, опустившись на маленькие подушки-думки, хаотично разбросанные позади.

Еще около получаса она не могла собраться с мыслями, и сделав безуспешную пару попыток увидеть в предоставленной картами информации логику, решила дать себе отдохнуть и задремала.

Сон охватил все ее существо в одно мгновение и унес куда-то далеко-далеко. Там было тепло и светло, и тело Яны, погруженное в забытие, ощущало приятные волны спокойствия и умиротворения. В этом сладком сне не было никакого сюжета, никакие образы не преследовали ее, одно ощущение — ощущение всепоглощающей гармонии владело ею.

Так пролежала она около двух часов. Постепенно сон становился все более поверхностным, и вскоре гадалка начала тонко чувствовать все происходящее рядом. Джемма, все это время дремавшая у ног хозяйки, неожиданно громко позевнула, заставив Милославскую окончательно вернуться к реальности.

Яна открыла глаза. Черные толстые стрелки больших старинных настенных часов нещадно напоминали ей о напрасно потраченном времени. Да, гадала она более чем двумя часами раньше. Гадалка закинула вверх руки и потянулась. Во всем теле еще чувствовалась какая-то

усталость, ломота, бессилие. Нет, обойтись без этого сна она не могла.

Вставать почему-то не хотелось, хотелось понежиться еще в кровати, как следует прийти в себя. Расслабленное тело казалось сотворенным из ваты, и требовалось время на то, чтобы оно начало функционировать по-прежнему.

Несмотря на то, что и за окном, и в комнате было более чем тепло, Милославская почувствовала какую-то зябкость. Она поджала ноги, загнула нижний угол большого мягкого пледа, которым была покрыта ее кровать, и накинула его на себя.

Почувствовав необходимый уют и комфорт, Яна сладко позевнула. В тот же момент ее вдруг настигла мысль о минувшем гадании. Словно электрический разряд пронзил все ее тело, в момент собрав в комок все мысли и в прах развеяв рассеянность. Каков итог? Какой вывод следует сделать из увиденного? Что все это значило? Десятки вопросов разом навалились на сознание гадалки.

В воображении Милославской с неожиданной ясностью вдруг всплыл образ той гневной гримасы, потом промелькнул кулак, ударяющий по столу, пара, спешащая убраться подальше. Это видение казалось ей довольно прозрачно твердящим о чем-то. В нем не было той трудно поддающейся расшифровке загадочности, которой озадачивали ее некоторые сеансы. Только вот сразу прийти к какой-то более или менее реальной идее Милославская никак не могла.

Она задавала картам вопрос о Галюсе и ее телохранителе, об их судьбе. Значит, вероятнее всего, те беглецы они и есть. Но от кого они так спешили убраться? От своих похитителей само собой разумеется.

Такой складный ход мыслей заставил гадалку приподняться. Она облокотилась на спинку кровати и, подперев голову ладонью, еще глубже задумалась. Видение не показало ей, увенчался ли успехом побег той пары, однако, как говорится, отсутствие новостей порой есть самая хорошая новость. Милославской вдруг стало понятно одно — Галюся и ее телохранитель покинули логово преступников. Те в свою очередь находятся в припадке ярости и задались целью во чтобы не стало нагнать беглецов.

— Да, — вслух проговорила Яна, — телохранитель и девушка определенно сбежали от похитителей.

Ею овладела потребность немедленно позвонить Незнамову и узнать, не объявилась ли еще Галюся в родных пенатах. Она протянула руку и взяла с тумбочки телефонную трубку. Джемма, увидев, что ее хозяйка «вернулась к жизни», радостно, сжав зубы, проскулила. Милославская резво подмигнула ей и набрала номер клиента.

Некоторое время раздавались монотонные длинные гудки, и гадалка совсем было разочаровалась. В тот самый момент, когда она уже была готова дать трубке «отбой», из нее раздалось хриплое, усталое «алло», настолько апатичное и вялое, что Яне не понадобилось ничего спрашивать у клиента, ей и без всяких объяснений стало ясно — ее надежды не оправдались. Чтобы не травмировать Незнамова предположением, которое в итоге вполне могло оказаться обманчивым, она не стала ничего говорить и, помолчав несколько секунд, отключила трубку.

— Алло, алло, — раздраженно вторил Дмитрий Германович, и Милославской было по-дружески жаль его.

Яна стала строить различные предположения.

— Может быть, они еще не сбежали, а только собираются? — бормотала она.

Нет, этого не могло быть, ведь она обращалась к «Взгляду в прошлое». Следовательно, увиденное ею находилось где-то позади. Да, но «прошлое» понятие растяжимое. Относилась ли представшая в видении картина к действительно прошлому или же ее следовало причислить к только что минувшему, но тем не менее канувшему в лету? Если справедливость была на стороне последнего, то вполне вероятно, что Галина Незнамова еще просто-напросто не добралась до дома. В конце-концов никому даже не было известно, сколь далеко упрятали ее незнамовские недоброжелатели.

В этом случае оставалось только набраться терпения и ждать. Сознание гадалки вновь озарилось светлой надеждой. Сама того не замечая, она улыбнулась во весь рот и спустила ноги с кровати, чтобы наконец встать.

Вопреки ее ожиданию, тапочек на привычном месте не оказалось. Заглянув под кровать, одну из них Яна обнаружила в самом дальнем углу. Используя пластмассовый веер для выбивания ковра, гадалка с трудом извлекла ее оттуда. Тщательно оглядев комнату, она увидела и вторую — валявшейся за креслом. Гадалка непроизвольно перевела взгляд на Джемму. Та виновато смотрела на нее.

Безусловно, эта азиатская овчарка была существом необыкновенным, но порой она вела себя как самая обыкновенная псина, испытывающая подсознательную потребность в игре, которая, в случае ведения ее в домашних условиях, как правило, заканчивалась порчей хозяйского имущества.

— Э-э-э, — покачивая головой с шутливой укоризной, прищурившись, протянула Милославская. — А я-то думала, а я-то надеялась!

Собака поджала хвост и забила в угол. Яна поймала себя на мысли,

что сама виновата в этом хулиганском проступке любимицы: последние пару дней она не выгуливала ее как полагается, не давала ей возможности порезвиться так, как требовала ее природа. Ведь и человек бы, поддержи его взаперти да в одиночестве, готов был бы не то что тапки драть, но и собственные локти покусывать.

— Ну, — не меняя строгого тона, произнесла гадалка, — что же ты? Давай сюда второй башмак.

Джемма с завидной готовностью соскочила с места и юркнула под кресло, пространство под которым для нее было явно маловато. Она зажала тапку в зубах и неуклюже выбралась назад. Затем, понуриив голову, подошла к хозяйке и осторожно опустила башмак у ее ног.

— Вот так-то! — выразительно заметила Милославская, потрепав любимицу по холке.

Она нырнула ногами в тапки и, потягиваясь, побрела по коридору. Взгляд ее упал на «собачий туалет», от которого, вопреки увещаниям рекламодателей, несло так, то хоть нос зажимай, и еще раз дала себе обещание немного погодя выгулять Джемму как следует.

Она наскоро приняла душ, практически мгновенно уничтожила дымящийся завораживающим ароматом омлет, привела себя в порядок и была готова к ожидаемой собакой прогулке. Однако в тот самый момент, когда она переступила порог дома, в комнате зазвонил телефон. Возвращаться не хотелось, но любопытство было сильнее лени. Не разуваясь, Милославская торопливым шагом бросилась назад и вскоре трубка была у нее в руках.

— Наконец-то! — обрушился на нее знакомого тона возглас. — Где тебя черти носят, Яна Борисовна?!

Руденко не менял своего репертуара, и Милославская легко его разузнала.

— Не буянь, Семен Семеныч, — ласково протянула она. — Я жива и здорова. Намереваюсь прогуляться с Джеммой.

— Я тебе устал названивать!

— Сема, ты же знаешь, меня съедает работа. Некогда сложа руки дома-то сидеть...

— Рабо-ота! — передразнил Три Семерки. — Какое громкое название ты придумала своим колдовским примочкам!

— Ну, с твоим ремеслом, конечно, ничто не сравнится, — с иронией произнесла Милославская.

— Ладно, — серьезнее заговорил Руденко. — Ты то дело-то все ведешь? Аль в тебе уже разочаровались?

— Нет, к вашему глубочайшему сожалению, не разочаровались. То дело я по-прежнему продолжаю расследовать.

— Тогда у нас для вас новость-а, — хитро протянул Три Семерки.

— Да что ты, Сема?! — искренне обрадовавшись, воскликнула гадалка. — Что там у тебя, выкладывай!

— Просмотрел я последнюю сводку о покойничках, — намеренно медля, начал Руденко, любящий испытывать терпение своей подруги, — а там... там небезызвестная тебе фамилия. Фамилия мисс Незнамовой.

Милославскую словно огнем обожгло, и она на мгновение даже дар речи потеряла. А как же видение? А как же побег? Однако не успела она и слова молвить, как Руденко, с искренней скорбью в голосе заявил:

— Обгорела бедняжка. Что с ней делали, не знаю. Только труп обгоревший конкретно. Документ при ней на имя Галины Незнамовой. Так-то. Такая вот новость.

— Фу-у-у, — облегченно протянула Милославская, облокотившись о стену. — Твоя новость, Семен Семеныч, стара как мир. К счастью.

— Так чего же ты... чего же ты там расследуешь-то тогда? — изумленно, огорчившись своим опозданием, воскликнул Три Семерки.

Яна торопливо изложила ему все с самого начала, от того момента, когда она самолично имела несчастье лицезреть обезображенный огнем труп, до того, когда сознание Незнамова озарилось счастливой мыслью, поставившей все на свои места.

— Не она это, понимаешь, не она! — счастливая, восклицала Милославская.

— А как же документ? Откуда он? — изумленно вопрошал Руденко.

— Это вопрос вопросов, — ответила ему Яна, — но главное, что девочка жива.

— Знаешь ли, дорогая, — задумчиво протянул Три Семерки, — а ведь теперь делом несомненно займется милиция. Дело ж ясное, что дело темное.

— Темное, темное, Семен Семеныч, — утвердительно затараторила гадалка.

— Но он, клиент-то твой, органам сообщил, что смерть его дочери — ошибка?

— Сообщил.

— Чувствую, вскоре мы с тобой станем настоящими единомышленниками, — задумчиво протянул Три Семерки.

— Что? — не понимая его, переспросила Яна.

— Труп найден на нашей территории, поэтому гриву нам за него

намылят, это раз. Мы с тобой будем движимы одним стремлением докопаться до истины, это два.

— А-а-а, — начиная понимать, протянула гадалка. — Это очень даже хорошо, Сема! — наконец радостно воскликнула она.

— Что хорошо? То, что гриву намылят? — не без раздражения спросил Руденко.

— Да нет, хорошо последнее, Семен Семеныч, — поспешила успокоить его Милославская. — Хотя и гриву тебе намылить иногда не повредит, — добавила она тише.

— Тебе б все шуточки шутить! — вздохнув, произнес Руденко.

— В жизни нельзя без этого, — парировала гадалка.

— Ну ладно. Все на этом. Некогда мне разговоры разговаривать. Вечером, может, загляну, потолкуем.

— Без портвейна только, пожалуйста, — предупреждающе заметила Милославская, отлично зная привычки своего приятеля.

— Ну как это? — возмущенно протянул тот в ответ, но Яна ничего не ответила и положила трубку.

Она мало верила, что Три Семерки прислушается к ее просьбе, однако, как говорится, надежда умирает последней, поэтому Яна не упускала случая напомнить другу, как отвратителен ей вид пьяного мужчины.

Конечно, даже если б он ее и ослушался, она была бы не прочь провести вечер в его обществе, потому что за время их недолгой разлуки в ее душе столько всего накопилось, что возникла острая необходимость поделиться всем этим с кем-то.

Джемма стояла у крыльца и нетерпеливо повиликала хвостом. Как только ее хозяйка перешагнула порог, она с радостным лаем бросилась к калитке.

— Постой, постой, — умиляясь поведению любимицы, протянула гадалка.

Она подошла к собаке и пристегнула к ее ошейнику поводок. Затем заботливо одела Джемме намордник. Та все это время невольно поскуливала.

— Ничего, ничего, — успокаивала ее Яна, — ты, кажется, гулять хотела.

Она редко прибегала к таким крайним мерам: Джемма была собакой умной и на прогулке никогда не беспокоила прохожих. Единственным поводом для ее агрессии могла быть только угроза Яниной жизни и безопасности. Уж тут-то Джемма была готова показать себя во всей красе. К счастью, она никогда не воспринимала всерьез ложную угрозу и

спокойно относилась к тому, если к Милославской подходил поговорить кто-нибудь из соседей. Собака оставалась спокойной, хотя ни малейшего движения этого человека, даже мимического, не упускала из виду.

Сегодня гадалка прибегнула к наморднику и к поводку, потому что намеревалась отправиться вместе с Джеммой подальше от своего квартала, на пустырь, находящийся несколькими улицами выше. Там было много раздолья для игр собаки, да и вид сверху расстился великолепный: весь город лежал, как на ладони, и, пока овчарка резвилась, Яна получала ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение.

Милославская со своей питомицей выбиралась на этот пустырь нечасто, потому что улица, на которой она жила, и без того предоставляла неплохую возможность для выгула собаки. Сегодня же, чувствуя вину перед Джеммой за недостаточно чуткий уход в последние дни, гадалка хотела доставить ей особое удовольствие.

Яна знала, что натосковавшееся по свободе животное, если не попривержать его за поводок, будет докучать ей своими бросками из стороны в сторону, и тогда до пустыря они вообще неизвестно когда доберутся, поэтому и решила «заковать» Джемму на некоторое время в экстренное собачье обмундирование.

Они неторопливо поднимались по узкой извилистой тропинке. Погода стояла прекрасная. Жара, стоявшая долгие недели, спала. Было просто тепло. Тихий, едва уловимый ветерок дул с юга. Последняя улица перед пустырем уже заканчивалась, и Джемма, чувствуя приближение долгожданной свободы, стала рваться вперед. Милославская с радостью отпустила ее, и та принялась бегать взад и вперед, поднимая вверх столбы пыли.

Яна смотрела на нее и думала, каким простым и незатейливым является собачье счастье. А ей, а человеку, что надо, для того, чтобы вот такой восторг переполнял все существо, разум, тело, чувства?

Такого ощущения Милославская давно не испытывала. Ей было иногда хорошо, но так, чтобы хорошо совсем — нет, она давно забыла, что это такое. Пожалуй, и человеку для счастья надо немного — чтобы был рядом близкий человек, чтобы он любил, чтобы беззаботно резвилось рядом дитя, похожее как две капли на своего отца. Таким был ее сын. Близким и любимым был ее муж. Все это кануло в Лету...

Необъяснимая тоска овладела в тот миг всем существом Милославской. Она смотрела вдаль, на гудящий мирской, никчемной суетой город, и слезы, капля за каплей, катились по ее щекам.

Джемма ничего этого, казалось, не замечала или от счастья не

успевала заметить и продолжала носиться, как сумасшедшая, избородив всю почву в радиусе ста метров.

Мысли гадалки незаметно обратились к Незнамову. А как он будет жить, если хеппи энд не наступит, если итог с Галюсиным исчезновением окажется печальным? Ведь она тоже самое дорогое, что у него есть, хотя большую часть своего времени он и отдает работе, хотя и мало интересуется проблемами своего ребенка.

Яна думала об этом, и желание помочь Незнамову все сильнее овладевало ею, помощь ему в этот момент в ее душе была возведена в ранг долга, смысла всей ее дальнейшей жизни. Чувства переполняли ее, ей хотелось, чтобы никто не был так же несчастен, как она, чтобы никто не испытал такую же боль потери.

Раздумывая так, Милославская приняла решение, как только придет, взяться за карты. Ведь это было главное ее орудие. По установленным свыше правилам, дважды в день братья за карты она не могла: у нее просто не было на это сил, поскольку каждый сеанс выжимал из нее максимум энергии и на ее восстановление требовалось определенное время.

Помня об этом, Милославская подумала о Джокере. Добродушное лицо молодого месяца, изображенное на карте, с улыбкой взирало на маленький колокольчик и выпускало на него тонкую воздушную струйку, заставляя колокольчик раскачиваться и брнчать. Фоном этому забавному зрелищу служила расстилающаяся под ним мертвая, растрескавшаяся почва. Яна и сама не могла объяснить взаимосвязи между столь разными, но нарисованными ею на одной карте символами. Изображение было столь же парадоксальным, как и видения, даруемые ею.

Джокер гадалка могла использовать дважды. Он всегда давал малопонятную, загадочную информацию, которая в конце концов расшифровывалась гадалкой и оказывалась очень важной. По этой причине Джокер Яна еще называла Сюрпризом. На самом деле, он умел преподнести самую неожиданную неожиданность.

Беря во внимание качества Джокера, гадалка решила попытаться использовать его сегодня, пусть даже и после «Взгляда в прошлое». Двоекратное использование этой карты часто заканчивалось успехом, а вот использование Сюрприза после другого магического инструмента далеко не всегда. «Попытка не пытка,» — думала гадалка, размышляя об этом. В конце концов, она хорошо выспалась, пообедала довольно плотно, а теперь вот набралась сил на прогулке...

— Джемма, идем, — крикнула она, набравшись решимости. — Нам пора.

Собака, крепко ухватившая зубами брошенную гадалкой дубинку, помчалась ей навстречу.

— Брось, — сказала Яна, кивнув на палку.

Джемма бросила, но тут же подняла ее, взглядом и движениями прося Милославскую еще поиграть с ней.

— Ладно, — уступила та, — в последний раз.

Она размахнулась и далеко закинула дубинку, после чего развернулась и стала спускаться по тропинке, крикнув любимице: «Догонишь!»

Трава по краям дорожки уже пожелтела, напоминая о приближении осени, которую гадалка не любила. Она не любила монотонный непрекращающийся дождь, голые парки и сады, вечно пасмурные дни, непривычный после летнего тепла холод, хмурые лица прохожих. Словом, она не любила в осени все.

Джемма, высунув язык, семенила за своей хозяйкой. Она набегалась вдоволь и теперь была спокойна. Единственное, чего ей сейчас не хватало — обильное питье. Милославская знала потребности собаки, поэтому, погладив ее пробормотала:

— Ничего, потерпи, до дома не так уж и далеко.

ГЛАВА 11

Еще издалека Милославская увидела, что возле ее дома стоит какая-то машина. Подойдя чуть ближе, она отчетливо разглядела в ней «шестерку» Семена Семеныча. Удивленная, она пробормотала:

— А говорил — вечером!

Джемма, завидев гостя, узнав его и почувствовав, что хозяйка расположена к нему благожелательно, с радостным лаем и намерением продемонстрировать собственное гостеприимство, бросилась вперед.

Руденко стоял у машины, капот которой был открыт, и, наклонившись, священнодействовал над ее мотором, который вечно барахлил.

— Сема-а, — похлопав его по плечу, протянула Милославская, о приближении которой он не мог не догадаться по лаю Джеммы. Однако Три Семерки был так увлечен своим занятием, что не поднял головы до тех пор, пока Яна лично не заявила о своем присутствии.

— Пришла? — спросил он, вытирая запачканные руки о засаленную тряпку, валявшуюся у него в бардачке. — А я давно уж тут. Слава богу, она скучать не дает, — Три Семерки похлопал по дверце своей машины.

— Что опять сломалась? — сочувственно спросила гадалка.

— Да нет. Но постукивает что-то внутри. Боюсь, далеко так не уеду. Впрочем, теперь вроде наладил. А тебя где черти носят?

— Но ты же сказал — вечером. Я с Джеммой гуляла.

— Гуляла? А я думаю, чего у нее телефон не отвечает?! Раз десять набирал. Ну, думаю, тьфу ты, пропасть, скорей доеду, чем ждать.

— Соскучился? — спросила гадалка, усмехаясь горячности приятеля.

— Нет, еще не успел, — серьезно ответил он. — просто новостью хотел поделиться.

— Что, или в звании повысили? — игриво спросила Милославская.

— Брось шутить, дело-то серьезное, — хмурясь, произнес Три Семерки.

— Ну идем в дом, поговорим, — сменив тон, сказала Яна и приподняла щеколду отпертой уже ею калитки.

Руденко, шмыгая носом и что-то бормоча насчет своего «жигуленка», плелся позади приятельницы. Гадалка же пыталась предположить, какую такую новость принес ей Три Семерки. Был он непривычно серьезен, и это ее настораживало.

Звякнув ключами, упавшими на маленькую полочку, прибитую возле

зеркала, Милославская молча нырнула ногами в тапочки и зашагала в направлении своего кабинета. Его из всех других комнат она выбрала интуитивно, а подумав об этом, решила, что это, в плане ее успешного продвижения в деле, знак, и непременно хороший.

Семен Семеныч, как только зашел, по привычке, механически, снял фуражку, без всякого стеснения почесал уставшую за день от головного убора голову по всей ее окружности, потом хотело было, как и Яна пройти в кабинет, но сделал шаг назад и, как подлинный джентельмен, решил задержаться у зеркала. Насвистывая какой-то незамысловатый мотивчик, он пару раз провел расческой по волосам, которые гораздо больше напоминали короткую шерстку неизвестного животного.

— Блеск! — с ироничным восторгом воскликнула Милославская, выглядывающая из двери, чтобы посмотреть, ради чего ее приятель задержался в прихожей.

Семен Семеныч, несколько не смутившись, деловито кашлянул, потом, поглядев по сторонам, повесил фуражку на верхний угол двери, ведущей в Янину спальню, и только после этого последовал туда, куда его и приглашали.

Гадалка, на ходу прикуривая тонкую длинную сигарету, жестом указала Семену Семенычу на диван, а сама мягко опустилась в кресло, выпуская изо рта клубящуюся струйку дыма.

— Минздрав же предупреждает! — с притворным отвращением размахивая перед собственным носом кистью правой руки, протянул Три Семерки и стал шарить в кармане в поисках того же, чем губила в тот момент свое здоровье Милославская.

— Да на! — протянула ему гадалка свою пачку. — Только давай быстрее выкладывай, не томи!

Руденко зыркнул на сигареты Милославской, потом пренебрежительно поморщился, отрицательно махнул головой и вытащил, наконец, из кармана кителя мятую пачку «Примы». Яна сразу же подошла к форточке и пошире открыла ее, заранее зная, что после руденковского снадобья ей еще долго придется проветривать помещение.

Семен Семеныч важно закинул ногу на ногу, прикурил от спички и стал размахивать ею, пытаясь затушить огонь, начавший уже обжигать пальцы.

— Эх, — вздохнула Милославская, — Сема, как ты докатился до такой жизни?

Она отыскала взглядом на столике свою зажигалку и бросила ее приятелю.

— На, дарю.

— Которую уж по счету? — спросил Три Семерки, ловко ухватив в воздухе Янин подарок.

Гадалка, улыбаясь, пожала плечами.

— Не, не держатся они у меня, — покачивая головой, заметил Руденко и глубоко втянул в себя едкий дым. — Да и не люблю я их! Спички, они на все случаи жизни — в зубах там поковыряться... А это что? — пессимистично завершил он, вертя зажигалкой перед носом. Но тем не менее в конце-концов спрятал ее поглубже в задний карман брюк.

Яна вопросительно посмотрела на Три Семерки, ожидая, когда он наконец поведает ей о том, с чем, собственно, пожаловал. Уловив ее взгляд, Руденко уселся поудобнее и сказал:

— Нашлись родственники обгоревшего трупа.

— Что-о? — привстав от неожиданности, протянула гадалка.

— Что слышала, — спокойно произнес Семен Семеныч, уверенный, что реакция Яны будет именно такой.

— Как? — прошептала Милославская, опустившись на свое место.

— Как это обычно бывает... — Руденко равнодушно пожал плечами. — Пропала девчонка. Дочь состоятельных родителей. Добропорядочная. Мама с папой бросились искать ее по приятелям, знакомым, родственникам — бесполезно. Тогда уж — по больницам, а в итоге и в морг...

— И что-о? — широко раскрыв глаза, протянула Милославская, стряхивая длинный столбик пепла.

— Нашли, что искали.

— А они уверены в том, что это их дочь?

— Да.

— Но почему? При ней ведь был студенческий на имя Незнамовой...

— Ну и что? Тебе вот он много дал, этот студенческий? Тем более, что еще до их приезда установили — он покойнице не принадлежит.

— М-да... — Яна задумалась.

— Там такой папа, Яна Борисовна... Он нюни-то не стал распускать. Сразу нанял самого высококвалифицированного патологоанатома. Оплатил все расходы по нужной экспертизе. Впрочем, глубокого исследования и не понадобилось. Через пару часов он уже имел ответ. Девчонке еще в детстве отняли селезенку. Делали операцию за границей. Шов еще тогда был практически незаметным, а с годами вовсе затянулся. В общем, папочка пожелал проверить, есть селезенка у мертвой или нет. Оказалось — нет. Ну, и еще там какие-то мелочи совпали.

— Ну а преступника-то нашли?

— Нет пока. Но делом же милиция занялась, — Три Семерки покачал головой и горделиво поджал нижнюю губу.

— Ах, ну если так... — Яна не удержалась от иронии.

— Вредная ты, Яна Борисовна, женщина! — Семен Семеныч сначала с некоторой обидой нахмурился, а потом все же расхохотался.

Милославской нравилось в нем то, что он никогда не обижался на нее шутки, а от иронии в адрес приятеля ей всегда было трудно удержаться. Три Семерки и сам умел посмеяться над собой, в глубине души не отказываясь признать, что забавно он выглядит довольно часто.

Гадалка посмеялась вместе с Руденко, затем встала и стала прохаживаться по кабинету.

— Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно, — тихо произнесла она, вытирая выступившие от смеха слезы.

— А? — не понял ее Три Семерки.

— Между этими девушками не может не быть связи, — сказала она, глядя на него.

Руденко выпятил нижнюю губу и хмыкнул, не зная еще, соглашаться с гадалкой или нет.

— В любом случае, я обязательно должна поговорить с родственниками покойной! — уверенно заявила Милославская, глядя на Семена Семеныча.

— И я тебе, само собой разумеется, обязан в этом помочь... — обреченно протянул Три Семерки, заранее зная, к чему клонит его подруга.

— Какой ты догадливый, Сема! — гадалка приблизилась к Руденко и погладила его по голове. — Ты, конечно, согласен? Я ведь должна выяснить, были ли девушки знакомы? Ведь каким-то образом студенческий Галюси оказался у их дочери.

— Но ты можешь это выяснить и у самого Незнамова, — пожалав плечами, сказал Семен Семеныч, хотя был не против сотрудничать с Яной.

— Да что ты, Сема? Он ни черта ничего толком не знает о жизни дочери!

— Боже! Яна Борисовна! Ты стала выражаться! — Руденко с укоризной покачал головой.

— Завыражаешься с тобой, пожалуй! Не знает он друзей Галюси, не знает!

— Успокойся, я согласен тебе помочь, — Три Семерки привстал и, сотрясая в воздухе указательным пальцем, многозначительно произнес: — Только при одном условии — ты меня покормишь... — последние слова

Руденко сказал, облизнувшись, и совершенно другим тоном, больше похожим на мяуканье мартовского кота, который только что пришел с очередного randevu.

— Ну куда ж я от тебя денусь? — всплеснув руками, ответила Милославская и вздохнула с облегчением.

Через пятнадцать минут Руденко уже смачно прихлебывал пельменный бульон, закидывая ону за другой миниатюрные пельмешки, загодя купленные Яной в ближайшем супермаркете. Он поглощал их с таким аппетитом, что Милославская умилялась, глядя на него. Ей редко удавалось так раззадорить приятеля своими нехитрыми яствами, поскольку жена его была отменным поваром, и превзойти ее искусностью было весьма сложно. Гадалка же редко творила на кухне что-нибудь этакое, так как жила одна и ей гораздо проще и удобнее было питаться в кафе.

— Ты дафай, дафай, — энергично жуя, пробубнил он, — не стой, одефайся.

Гадалка улыбнулась и скрылась в своей комнате. Она радовалась, что дело прибретало новый поворот, о котором Незнамов еще вряд ли знал. Это позволяло ей подсознательно самоутвердиться и снять тот комплекс профессиональной неполноценности, который тяжелым грузом лег ее сердце, когда Галина Незнамова была неоправданно названа мертвой.

Конечно, новость, принесенная Руденко, едва ли приблизила ее к разгадке преступления. Скорее, во всей этой истории появилось еще больше неизвестных. Однако, процесс сдвинулся с мертвой точки, и это обнадеживало. Милославская всегда верила в свои силы и в положительный исход ведомого ею дела. Теперь эта уверенность вновь вернулась к ней.

Через десять минут она уже стояла в полной боеготовности перед Семеном Семенычем, который в этот момент пил, обжигаясь, зеленый чай, напрочь отказавшись от предложенного кофе. Он сослался на скачущее давление, заставив Яну шутливо назвать его списанным товаром.

— Вперед? — спросила она приятеля.

— Угу, — ответил тот, на ходу сделав последний глоток.

Милославская пошла обуваться; Семен Семеныч, схватив из небольшой хрустальной вазочки пару конфет, торопливо последовал за ней.

ГЛАВА 12

— Дай бог, чтоб завелась, — пробормотал Руденко, усаживаясь за руль, и перекрестился.

— Не богохульствуй! — с шутливой строгостью заметила Яна.

Семен Семеныч повернул ключ зажигания и, будто ожидая удара по голове, прищурил один глаз. Мотор заурчал. Но урчанье это, вопреки ожиданию Руденко не переросло в привычное и ему, и гадалке тарактенье. Движок замолк.

Три Семерки сделал еще несколько попыток, но машина его не слушалась.

— Это все ты виновата! — не с того не с сего заорал он на гадалку.

— Что? Я? — опешив, залепетала она.

— Да, ты! Нечего заранее пристегиваться. В этом вертолете пристегиваются только тогда, когда уже точно уверены, что едут. Иначе, можно сглазить, — уже мягче добавил Три Семерки, в глубине души признав, что неправ.

— Ну хорошо, — Яна вернула ремень безопасности на прежнее место.

Руденко вновь нажал на газ — мотор неожиданно заработал.

— Ну вот, я же говорил! — радостно воскликнул он, выворачивая руль.

— Все у тебя не как у людей, Сема, — пробормотала Яна и отвернулась к окну.

Такие мелкие стычки часто случались между приятелями, но они никогда не перерастали в ссоры. Семен Семеныч был вспыльчивым и горячным, но отходчивым, а Яна, понимая это, многое ему прощала. Сейчас она знала, что потребуется некоторое время, прежде чем с Руденко можно будет разговаривать по-прежнему, поэтому решила преждевременно не испытывать его терпение, тем более ей было о чем помолчать, подумать.

Милославская стала представлять себе, какие отношения могли связывать ту девушку и Галю Незнамову, и как вообще случилось так, что одна из них мертва, а вторая, можно сказать, пропала без вести. Первое, что пришло ей в голову — они были подругами. Второе — Незнамова забыла свой студенческий, когда была в гостях у этой приятельницы.

Эта версия показалась гадалке в первый момент вполне правдоподобной, но минутой позже она подумала, что слишком уж странно такое стечение обстоятельств, как одновременная смерть одной из них и исчезновение другой. «Вероятнее всего, — подумала Яна, — к несчастью

для первой, в момент похищения Незнамовой, она была вместе с ней, и преступникам ничего более не оставалось, кроме как похитить их всех. Стоп! А не слишком ли много получается похищенных? Сразу трое! Это рискованно для бандитов. Хотя... Может быть, именно поэтому они и избавились от Галиной подруги? А где тогда телохранитель? Почему именно девушка оказалась лишней? Может быть... она пыталась бежать? А Галюся... дала ей свой студенческий, чтобы в случае чего, нашедшие ее подругу знали, что и Незнамова была с ней!»

Мысль в голове гадалки цеплялась за мысль, а та — за другую, вместе они сворачивались в клубок, увлекая Милославскую все дальше и дальше от действительности. Она обрадовалась быстро пришедшей идее и стала прокручивать ее в своем сознании; раз, потом другой. На каждом этапе идея обрастала все новыми и новыми нюансами, поворачивалась то одной, то другой стороной.

— Миллеровская здесь что ли? — прогремел прямо над самым ухом Милославской голос Руденко.

— А? — ничего толком не расслышав переспросила она.

Семен Семеныч пристально посмотрел по сторонам и, не повторяя вопроса, сам себе ответил:

— Здесь, здесь, и сам знаю.

Он резко свернул в узкий проулок. Яна, словно очнувшись ото сна, пробормотала:

— Где мы?

Район не был ей знаком.

— Прибыли к месту, — сухо ответил Руденко.

— А? А-а-а... — наконец, поняв, в чем дело, протянула гадалка.

— Вот тебе и а-а-а, — деловито заметил Руденко, пытаясь объехать канализационный люк на повороте.

Сделав еще несколько таких маневров по разбитой дороге неуютного двора, окруженного несколькими панельными пятиэтажками и двумя кирпичными высотками, Руденко притормозил у одного из подъездов, присмотрелся и уверенно заявил:

— Думаю, это здесь.

— Прекрасно, — сказала Яна и стала выбираться из машины.

Семен Семеныч по-прежнему сидел на месте. Гадалка посмотрела на него вопросительно.

— Не нравится мне твоя затея, — покачав головой, протянул он, глядя на нее, а потом, кряхтя, вытащил ключи зажигания и последовал за подругой.

— Твое присутствие необходимо, — успокаивала его Милославская, когда они поднимались по лестнице. — Ты подумай, ведь меня они могут прогнать. Кто я такая? А ты как-никак представитель правопрядка. Капитан милиции.

— А, — Три Семерки сморщился и отмахнулся, — сам знаю.

Он понимал — предстоящая встреча выгодна не только гадалке, но и ему самому, но так же ясно Семен Семеныч осознавал и то, что приятного она им обоим сулит мало.

Милославская также ясно представляла, с чем ей придется столкнуться. Нечто подобное она уже пережила, испытав на себе всю силу гнева отца, потерявшего дочь. Однако гадалка уверенно, без оглядки двигалась вперед. Видимо, желание победы было в ней сильнее всех остальных чувств, переполнявших в тот момент ее сердце.

Руденко плелся сзади, придерживаясь за перила, и тяжело дышал.

— Во-от, — бормотал он себе под нос, — и в таких домах лифты ломаются. Так им и надо! Богатые пусть тоже поплачут, — Три Семерки остановился, достал из кармана брюк скомканный носовой платок и смахнул со лба выступившие градины пота.

— Думаю, они уже и так наплакались, Сема, — с укоризной ответила ему Милославская.

Семен Семеныч промолчал. Остановившись на следующем лестничном пролете, гадалка с облегчением вздохнула и, кивнув на металлическую дверь с прибитыми к ней пластмассовыми циферками «23», воскликнула:

— Наконец-то!

— В самом деле, — согласился с ней приятель, которому такая разминка была уже явно не по силам.

Он снял фуражку, пригладил намокший от липкого пота чуп, потом снова одел ее и деловито моргнув Яне обеими глазами, велел ей нажать на кнопку звонка — давай, мол, можно, разрешаю.

Милославская внутренне улыбнулась, подумав, что Руденко в этот момент гораздо больше походил на Санчо Панса при Дон Кихоте, нежели на бравого городского вояку. Она пожала плечами и с силой надавила на маленький черный квадрат — переливчатая трель раздалась по ту сторону двери.

И Яна, и Семен Семеныч притихли в ожидании. Вскоре их слух уловил приближающееся шарканье тапочек. Руденко сделал Милославской знак рукой, велел ей отойти на задний план, а сам встал едва ли не по стойке смирно прямо напротив входа в квартиру.

С громким щелканьем в замочной скважине стал поворачиваться ключ. Три Семерки опустил руку в карман кителя и, когда дверь распахнулась, извлек оттуда свое милицейское удостоверение.

— Капитан милиции Семен Семеныч Руденко, — как по команде, отрапортовал он, протягивая хозяйке жилища красную корочку в развернутом виде.

Милославской понравился его переменявшийся настрой, и она мысленно произнесла: «Давай, Сема, так держать!»

Перед Руденко стояла высокая худощавая женщина лет сорока с небольшим в длинном шелковом халате-кимоно с черным узорчатым гипюровым шарфом на голове. Она вопрошающе смотрела на Семена Семеныча своими большими и красивыми, но в данный момент красными и воспаленными глазами. Женщина выглядела настолько изможденной, что, казалось, еще мгновение, и она, совсем обессилив, рухнет на пол.

Смутившись ее вида, Три Семерки выразительно кашлянул сразу же после собственного представления.

— Как я устала, — еле слышно произнесла женщина.

— Кто там? — раздался из глубины квартиры грубый мужской голос. — Ольга, кто?

— Из милиции, — обернувшись, так же тихо сказала она.

— Чего-о? — недовольно переспросил тот же голос, и вслед за репликой послышались твердые тяжелые шаги.

В следующую минуту за спиной хозяйки показался мужчина, выше ее ростом чуть ли не на две головы, настоящий верзила. Он потуже затянул галстук и еще раз спросил, грозно взирая на гостей:

— Чего тут?

— Милиция, — гораздо скромнее, чем в первый раз, заявил Семен Семеныч.

Мужчина, очевиднее всего, отец погибшей, тут же отодвинул супругу назад и, поставив руки в бока и сердито нахмурившись, сквозь зубы произнес:

— У вас совесть есть или нет?

Между не состоявшимися еще собеседниками на несколько секунд установилось молчание. Ни Милославская, ни ее товарищ не нашлись, что сказать.

— Сколько можно? — грозно продолжал мужчина. — Вы нас оставите в покое хоть на час? Остолопы, — несколько тише произнес он. — Неужели я еще раз должен повторять то же самое? Вы с первого раза не понимаете что ли? — завершил он, сделав шаг вперед.

Семен Семеныч инстинктивно отступил, поставив себя в смешное положение. Выглядел он перед хозяином квартиры и без того, надо сказать, довольно жалко. Громила взирал на него ввиду своего роста (и не только!) сверху вниз, и Яна была уверена, что в этот момент Три Семерки проклинаят ее за идею навестить семью покойной.

Ей хотелось воскликнуть: «Кто вам позволил говорить с нами таким тоном?» Однако она молчала, понимая, что это только усугубит ситуацию. Да и состояние этого человека Яне было вполне понятным. Вооружившись терпением, она выступила вперед, отчасти заслонив собой Семена Семеныча и спокойно произнесла:

— Все, что сейчас совершается, совершается только из благих намерений. И нашим предшественниками, и нами в особенности. Мы осознаем, что общение с милицией в такой тяжелый для вас обоих момент — дело не самое приятное, однако его не избежать, поэтому давайте прислушаемся к голосу рассудка и проявим прежде всего воспитанность и толерантность.

Верзила открыл было рот, намереваясь, наверное, на первые же слова Милославской ответить возражением, но он не нашелся, что сказать. Повидимому, логичность реплики гадалки его просто обезоружила.

— Я думаю, вы не против того, чтобы виновники трагедии были наказаны?

Хозяин по-прежнему молчал.

— Если мы сейчас не найдем общего языка, они вряд ли получат по заслугам.

— Ой-ой-ой! — саркастично, но тем не менее уже не так агрессивно протянул мужчина, покачивая головой. — Прямо-таки благородные мстители! Робин Гуд не ваш прадедушка?

— Может быть и наш, — не теряя спокойствия, пожав плечами, ответила Яна. — Может быть, Агата Кристи моя бабуля... Не знаю. Но думаю, размышляя об этом, мы с вами просто теряем драгоценное время и, извините, оскорбляем память вашей дочери.

При последних словах и женщина, и ее муж как-то переменялись в лицах, и Яна на мгновение пожалела, что их произнесла. Однако, реакция на эту фразу превзошла ожидания гадалки. Здоровяк махнул рукой, развернулся и молча направился в квартиру, громко шлепая тапками огромного размера. Его супруга, посторонилась и освободила проход в помещение, ничего, однако, при этом не говоря.

Семен Семеныч редко мучился укорами совести за недостаточную воспитанность, поэтому, не дожидаясь словесного приглашения, он снял

фуражку, указательным пальцем провел по усам и перешагнул порог квартиры. Милославская, несмотря на свою недавнюю решительность, виновато глянула на убитую горем женщину и последовала за приятелем.

Они очутились в квартире, планировка которой в народном обиходе именуется люксом. Приятелей окружали стены просторной прихожей, какую редко встретишь в обителях простых смертных граждан. Высокий потолок этой комнаты был отделан лепкой, сотворенной рукой одаренного мастера. Три хрустальные люстры бросали яркий свет, отражающийся в огромном зеркале, занимающем всю левую от входа стену.

Семен Семеныч огляделся и, не найдя, куда повесить фуражку прижал ее к себе, как нечто святое. Мужчина скрылся в одной из четырех комнат, а его супруга в растерянности стояла посреди прихожей.

— Где мы сможем поговорить? — настойчиво спросила Милославская.

Хозяйка молча указала рукой на комнату позади себя и, пропустив гостей вперед, сама последовала за ними. По стенам большого светлого зала не стояло никакой мебели, кроме кожаного белого дивана, двух таких же кресел и маленького стеклянного столика между ними. Интерьер дополняли несколько аксессуаров, крупная картина работы неизвестного художника и шикарный ворсистый ковер, настеленный поверх сверкающего паркета.

Руденко, многое видевший, но все же не привыкший к такой роскоши, сразу почувствовал себя неловко и замешкался, не зная, куда присесть. Его смущение было настолько очевидным, что хозяйка хмыкнула и небрежно указала ему на одно из кресел. Чтобы как-то сгладить ситуацию, Яна поспешила начать разговор.

— Будет нечестно, если я не представлюсь, — вздохнув, произнесла она, поудобнее располагаясь на диване по правую сторону от хозяйки.

Та равнодушно пожала плечами. Не обращая на это внимания, Милославская продолжала:

— Яна Борисовна Милославская, экстрасенс, гадалка.

Лицо хозяйки вытянулось от удивления. Ее супруг, очевидно, все слышавший из соседней комнаты, тут же предстал в дверях и, поставив руки в боки и глядя на Руденко, протянул:

— Не удивлюсь, если он сейчас объявит себя Дэвидом Коперфильдом...

— Увы, — парировала гадалка, — это на самом деле всего-навсего капитан милиции. Самый обыкновенный.

— Да, — зачем-то буркнул Три Семерки.

— Ваша ирония напрасна. Я многим уже помогла. Те, кто охотно шел

на сотрудничество, получили желаемый результат, причем довольно быстро, — Милославская попыталась улыбнуться. Глянув на хозяев и заметив, что они все еще находятся в том же расположении духа, она продолжила: — Впрочем, я не затем сюда пришла, чтобы рекламировать собственные достижения. Меня нанял человек не менее солидный, чем вы, — гадалка с особенной выразительностью посмотрела на мужчину. — У него пропала дочь, и теперь он, не надеясь найти помощь во всех прочих инстанциях, пытается ее разыскать. Так случилось, что ее студенческий билет оказался при..., — Милославская на минуту запнулась, — при теле вашей дочери. И мои пути с милицией, — гадалка перевела взгляд на Три Семерки, — пересеклись.

Она откровенно лукавила насчет Руденко, но, считая это мелочью, не придавала этому особого значения.

— И чего же вы от нас хотите? — облокотившись на дверной косяк и сложив на груди руки, воскликнул хозяин.

— Помощи, — гадалка развела руками.

— Какой? — высоко подняв брови, вновь спросил мужчина.

Его супруга сидела сама не своя. Ей не удавалось так владеть собой, как делал это ее муж, и, казалось, она сейчас же либо обратится к гадалке с мольбой о помощи, либо выгонит ее вон.

— Ответа на некоторые вопросы.

— Вам знакома Галина Незнамова? — неожиданно вступил в разговор Семен Семеныч.

— Нет, — хозяин пожал плечами. — Впервые о ней слышу.

— Вы уверены? — спросили приятели в один голос.

— Вы никогда не слышали ее имени? — спросил Руденко.

— Ваша дочь не упоминала ее имени в разговоре? Может быть, как-то вскользь... — с надеждой голосе произнесла гадалка.

Женщина сняла с головы шарф, закрыла им лицо и беззвучно затряслась от рыданий.

— Я же сказал — нет, — раздражаясь, отчеканил здоровяк. — Если бы у меня было десять детей, я бы еще засомневался... Друзей своей дочери я знал не только, извините, по имени... я знал о них все, всю подноготную. Дочь ничего от меня не скрывала! Да и можно ли не знать, не интересоваться? — мужчина пожал плечами и стал расхаживать по комнате.

— Да она мне доверяла больше, чем матери, — продолжал он. — Все, все рассказывала, делилась, — губы хозяина задрожали.

Его супруга, не выдержав, встала и вышла из комнаты.

— Уходите! — отрезал ее муж. — Нам не о чем больше говорить! Я вам все сказал и в своих словах уверен, — добавил он, выставив вперед указательный палец.

Руденко и Милославская переглянулись, поднялись со своих мест и молча направились к порогу. На ходу отыскав в сумочке завалявшуюся визитку, Яна достала ее и молча положила на маленькую полочку возле зеркала. На всякий случай...

ГЛАВА 13

«А если они ошибаются? — думала Милославская по дороге назад. — А если просто не вспомнили Галюсиного имени? Ведь память человека устроена очень разумно. Она отбрасывает все то, что человеку кажется не особо существенным, дабы не обременять его рассудок лишними фактами... Нет, навряд ли. Этот здоровяк, похоже, держал дочь в ежовых рукавицах. Говорит, она все ему доверяла. Возможно. Но в теплые отношения все же верится не очень. Скорее, тут попахивает авторитарным воспитанием. Может быть, он что-то скрывает? Но зачем? Какой смысл? Нет, он не лжет.»

Сомнения терзали разум Яны. Она смотрела в окно, и не отвечала на вопрос, который уже в очередной раз задал ей Руденко.

— Расстроилась? — с некоторой ехидностью спрашивал он ее, и, понимая, что у гадалки нет особого желания вступать с ним в распри, продолжал, не дожидаясь ответа: — А я тебе говорил — нечего там делать! Но разве ты слушаешь своего боевого товарища? Нет. Вот и пожинай плоды своего упорства.

— Сема, помолчи, а, — сделав страдальческое лицо, протянула Милославская, — не мешай думать.

— Ты, конечно, думаешь о том, что карты тебе помогут, — ухмыльнулся Три Семерки. — Веришь во всякую белиберду.

— Блажен, кто верует, учти, — с некоторой обидой ответила гадалка и отвернулась.

— А я че, я ниче, — пробормотал Руденко, как-то втянув голову в плечи.

Между приятелями на некоторое время установилось молчание. Несколько позже Семен Семеныч, наверное, чувствуя свою вину, решил его нарушить.

— Эх, начальство теперь затаскает... — протянул он, почесывая в затылке и косясь на Милославскую.

— Не привыкать, — пожав плечами, сказала Яна, не поворачивая головы от окна. — Ты останови мне, Семен Семеныч, у поворота, я там дойду.

Три Семерки присвистнул и воскликнул:

— Далековато идти-то придется!

— Ничего, прогуляюсь.

— Яна Борисовна, ладно тебе, прости меня, дурака! — сморщившись, протянул Руденко. — Знаешь же — обидеть тебя я не хотел!

— Я просто хочу развеяться, — отчетливо выговаривая каждое слово, произнесла Милославская. — Мне подумать надо, побыть наедине с собой.

— Так бы и сказала, пога... — начал было Семен Семеныч, сдвинув указательным пальцем фуражку на затылок, и осекся на полуслове.

А ведь он был прав — Яне не терпелось поскорее распрощаться с ним, чтобы взяться за карты. Ей сейчас так не хватало их дружеского совета! Гадалка намеревалась по пути до дома все еще раз хорошенько взвесить, подумать, какой именно вопрос задать картам и какую из них для работы выбрать, и, переступив порог, сразу же приняться за гаданье.

Она укоризненно покосилась на приятеля, но ничего не сказала, может быть, потому, что в действительности его слова ей не досаждали, ибо сказаны были как и обычно — не со зла. Руденко, как дитя, не ведал, что творил, точнее, что говорил.

Как и просила Яна, он довез ее до поворота на Агафоновку, и, шутливо отдав честь, развернулся и поехал по своим рабочим делам. Гадалка не спеша стала подниматься вверх по тропинке вдоль ухабистой извилистой дороги, по которой «проползали» мимо несчастные автомобили.

Пройдя пару кварталов, Милославская остановилась, чтобы отдышаться. Она запыхалась, сердце ее билось часто, хотя Яна и брела неторопливо. Крутой подъем, жаркий день и давно забытая физическая подготовка давали о себе знать. Дул едва уловимый ветерок, но он не приносил облегчения. Яна прикинула оставшийся до дома путь и на мгновение пожалела, что отказалась от услуги Руденко довезти ее до самых ворот. Ловить попутку она тем не менее не хотела: обидно делать это, отмерив шагами уже около километра.

Яна огляделась и увидела несколько в стороне от углового дома старое иссохшееся и растрескавшееся бревно со спиленными сучьями. Позади него росло молодое еще деревце, но ветви уже бросали тень на землю. В голове гадалки мелькнула мысль присесть и отдохнуть, и она ей понравилась.

— Обмозгую все еще разок как следует, — незаметно для самой себя вслух пробормотала она и, поправив сумочку, перекинутую через плечо, неторопливо зашагала к бревну.

Отряхнув с него мелкие щепочки и пыль, гадалка присела на самый краешек. Опустив руку на дно сумочки, она стала шарить ею в поисках сигарет и зажигалки. Зажигалку Яна нащупала сразу же, а вот вместо сигарет в руке оказались... карты.

— Хм, — усмехнулась гадалка, — как хорошо, что это вошло у меня в привычку!

На самом деле, машинально, незаметно для самой себя она стала постоянно бросать вместе с ключами, зеркальцем, помадой и прочими мелочами карты, как одну из необходимых и вещей.

Положив колоду на краешек, Милославская взяла в губы сигарету, поднесла к ней зажигалку и уже через пару секунд из ее рта змейкой потянулась сизая струйка дыма. «Эх, Галюся, Галюся, — думалось ей в этот момент, — где ты сейчас? Что с тобой? Как скорее тебе помочь? Если, конечно, не приведи Господь, я с этим еще не опоздала...»

Одной рукой придерживая сигарету, другой Яна взяла колоду и перевернула первую из карт, лежащую крапом вверх.

— Джокер... — улыбнувшись, произнесла она. — Сюрприз... Ах, мне так не хватает сейчас приятного сюрприза! — гадалка вздохнула.

Воображение стало рисовать ей, какие приятные открытия мог бы помочь ей сделать Джокер. Она представляла, как ей открылись интереснейшие важные факты, как внезапно наступила развязка дела, как преступники попали в крепкие лапы закона, представила Галюсю в объятьях обезумевшего от счастья отца. Так просидела Милославская около пятнадцати минут, пока, наконец, мысленно ея сказала самой себе: «Мечтать не вредно!»

Эта фраза мгновенно охладила ее и вернула к действительности, прокрутив факты которой в своем сознании, Милославская не нашла ничего утешительного. Да и Джокер, в конце концов, мог как подвести ее к развязке, так и окончательно все запутать. Не даром же он имел второе название — Сюрприз.

Милославская давно уже затушила сигарету. Она смяла пустую пачку и, привыкшая к порядку, не бросила ее на землю, а сунула туда же, куда и зажигалку — в сумку. В маленький внутренний кармашек бокового отделения, она положила и колоду, всю, кроме Джокера.

Сюрприз смотрел на нее озорно и игриво и так и манил изведать неизведанное. Милославская посмотрела по сторонам — ей гораздо уютнее было углубиться в таинство гадания, не отдавая себя на суд посторонних. В округе на счастье было пусто. Только сварливые куры копошились в траве соседнего заброшенного палисадника. Никто, наверное, не хотел в такую жару высовываться на улицу.

Яна облокотилась то гибкий ствол деревца, того самого, что росло позади бревна. Сидеть ей было не удобно: ствол гнулсЯ и короткие сучки его впивались в спину. «Надо настроиться», — скомандовала гадалка сама

себе. Она попыталась медитировать, и представила себя на райском острове, на песчаном берегу лазурного моря. Маленькие листочки, тревожимые легким ветерком, шумели за спиной Милославской, а она пыталась внушить себе, что звуки прибоя.

Плохо ли хорошо ли, но через некоторое время гадалка обрела определенное душевное равновесие. Она, как обычно, положила ладонь на карту, и...Джокер сразу же, на удивление быстро, пошел на контакт. В сознании гадалки все смешалось, где-то в черной дали замелькали малопонятные образы, фигуры, предметы. Они кружились в быстром танце, не позволяя как следует рассмотреть себя и не давая никаких намеков.

Сначала картина была черно-белая. Потом вдруг неизвестно как она обрела краски: синие, зеленые, желтые, разные. Но все по-прежнему было покрыто покровом тайны.

В тот самый момент, когда Милославской практически полностью овладело отчаянье, кроме всего прочего среди танцующих появились еще и какие-то буквы. Они, тоже разноцветные, появлялись и исчезали, как-то прятались одна за другую, пока, наконец, не выстроились в один ряд, позволив гадалке прочитать: «Самсон».

В тот же самый миг все исчезло, как исчезает изображение с экрана телевизора, когда отключают электроэнергию. Яна глубоко вздохнула и... очнулась.

Она открыла глаза и взглядом обвела местность. Вокруг было также тихо и спокойно. Милославскую это обрадовало, поскольку она могла еще какое-то время посидеть здесь спокойно и полностью прийти в себя.

Самсон... Это странное для нынешнего времени имя ни о чем ей не говорило. Она стала перебирать все ее разговоры с Незнамовым. Нет, ни о ком подобном он и словом не обмолвился. Яна подумала, что, возможно, так звали или называли кого-то из похитителей, но эта мысль ей показалась очень сомнительной, и она отогнала ее прочь.

«Самсон... Самсон...», — мысленно вторила она. А на язык так и напрашивалось: «Далила». Два этих имени в сознании Яны были неразрывно связаны, память хранила их как нечто целое с тех самых пор, как она впервые познакомилась с библейскими историями.

Как ни странно, она узнала об этих героях ни в детстве, ни даже в юности, а уже будучи замужней женщиной, матерью четырехлетнего сына. Увлечшись новым зарубежным мультипликационным сериалом, мальчуган о каждой из серий стал подробно рассказывать матери, а потом он же заявил: «Мамуленька, знаешь из какой это книги? Это из библии! Из нее

рассказики взяли и сделали мультики.» Так он просветил мать и насчет Самсона с Далилой.

Израильский судья, наделенный сказочной силой, Самсон... И рады бы избавиться от него филистимляне, да невдомек им было в чем заключается фантастическая сила героя. Женщина! Женщина, имя которой Коварство, пришла им на помощь. Самсон без ума любил Далилу, а свою заветную тайну и ей не доверял. Но Далила, уговоренная филистимлянами, была так назойлива в своих уговорах, что... Самсон сдался.

«Если остричь волосы на голове моей, — сказал он ей, то отступит от меня сила, и я стану таким же, как все люди». В этот же день уснувший Самсон лишился своих волос и своей силы.

«И что? — спрашивала себя Милославская. — Разве мне это о чем-то говорит? Может быть, Далила — это некий прототип Гали Незнамовой, а Самсон — Дмитрия Германовича? Нет, чепуха какая-то!»

Разные мысли крутились в голове гадалки, но каждая из них казалась ей еще глупее, чем предыдущая, и ни к одной, как говорится, душа не лежала. «Надо же, Джокер... Джокер, как всегда, сумел меня удивить. Я надеялась приблизиться к разгадке, а все только еще больше запуталось.» Сюрприз, вопреки надежде Яны, оказался отнюдь не приятным.

Поразмышляв так некоторое время, Милославская вздохнула с огорчением, поднялась с бревна, неудобство которого она к тому моменту перестала ощущать, но которое теперь отозвалось во всем ее теле ноющей болью, и неторопливо зашагала вверх по тропке, которая обещала, наконец, привести ее к родному очагу.

Она делала шаг за шагом, и с каждым из них слово Самсон отзывалось в ее сознании. Оно крутилось в голове гадалки и иногда невольно слетало у нее с языка, и, если бы кто-то в этот момент посмотрел на Милославскую со стороны, то наверняка бы принял ее за сумасшедшую. Она шевелила губами, а в некоторые моменты мысленные ее рассуждения сопровождались незаметными для нее самой жестикуляциями и мимическими проявлениями: то брови вдруг удивленно поднимались высоко, то нижняя губа, выражая сомнение, выпячивалась.

Так Милославская прошла еще около двух кварталов и собиралась пересечь очередную неширокую дорогу, как звук автомобильного сигнала заставил ее вздрогнуть от неожиданности. Почему-то машинально закрыв уши ладонями и на мгновение зажмурив глаза, она не сразу обернулась, а обернувшись, обнаружила позади себя автомобиль одного из соседей, который смотрел на нее, посмеиваясь.

Яна глянула на него не без укоризны. Тот стал кивать ей, приглашая в

салон.

— Дойду! — крикнула Яна, махнув рукой и зашагала дальше.

Сигнал раздался снова. Сосед побольше приоткрыл окно и закричал:

— Яна Борисовна! Ну что вы в самом деле?! Идемте подвезу! Вон вид у вас какой усталый. Не дело ж это — молодой красивой даме по жаре ноги оббивать!

— Да нет, спасибо, — учтиво улыбаясь, ответила гадалка, — поезжайте, мне прогуляться хочется!

— Я-ана Борисовна, — нараспев протянул тот снова.

Ситуация начинала досаждать Милославской, и она решила, что лучше уж согласиться. Сзади обойдя машину, она открыла соседнюю с водительской дверцу и, благодаря заботливого соседа за участие, стала усаживаться рядом с ним. Расположившись как следует, она глянула в зеркало заднего вида и слегка поправила прическу.

— Хорошо выглядите, — уловив ее жест, заметил сосед. — А я вот тоже только из парикмахерской, — он провел рукой по коротко стриженному затылку. На Маркина, знаете, неплохо стригут. Там недавно открылось и берут еще недорого.

— Где это? — из вежливости поинтересовалась гадалка.

— Да на Маркина, где раньше кинотеатр «Октябрь» был, теперь его помещение разные конторы арендуют. Там, знаете, еще ресторанчик рядом какой-то.

— На Маркина? — вновь пытаюсь изобразить заинтересованность переспросила Милославская.

— На Ма-аркина... — задумчиво протянула она в ту же минуту. — На Маркина... — Ресторанчик? Вы говорите — ресторанчик?

— Ну да, — удивленно косясь на гадалку произнес мужчина.

Воображение рисовало женщине названную улицу от и до.

— Ресторанчик... Рестора-анчик! Рестора-анчик! — неожиданно и для себя, и для соседа взвизгнула Яна. — Александр Леонидыч, родной мой, дорогой! Как я вас люблю! — Милославская вдруг бросилась на шею соседу, отчего он резко вывернул руль вправо, и звонко чмокнула его в гладко выбритую щеку.

Александр Леонидыч резко отшатнулся, потом захлопал глазами от удивления и, еле сдерживая всплеск эмоций и возвращая руль на нужное место, протянул:

— Ну, Яна Борисовна, загадочная же вы женщина!

— Александр Леонидыч! Многоуважаемый! Бога ради, доставьте меня в то место! Я вам все расходы оплачу!

— Да что вы, что вы в самом деле?! Не последний же день эта парикмахерская работает, и цены они еще не завтра поднимут! Зачем так спешить? Да и на голове у вас еще полный порядок...

— Да не нужна мне ваша парикмахерская! — громко расхохотавшись, воскликнула Яна.

— Не нужна? — еще больше удивляясь, протянул Александр Леонидыч и дал по тормозам.

— Нет, совершенно! Мне ресторанчик нужен, рес-то-ран-чик!

— Ресторанчик? — вопрошала теперь уже не Яна, а ее сосед.

— Да-да. Да!

— Да бог с вами! И в нашем районе можно найти какую-нибудь приличную харчевню. А туда ехать далеко. Да и ресторан тот, говорят, шибко дорогой.

«Дорогой.... — пронеслось в голове у Милославской. — Хм, это как раз то самое, что в духе Незнамова, его друзей и врагов. Да, это их стиль. Я просто обязана сейчас попасть в „Самсон и Далилу“.»

Предположение Яны этой мыслью только подкрепилось. Теперь она была почти уверена, что разгадала подсказку Джокера.

— Едем? — со всеобъемлющим оптимизмом обратилась она к Александру Леонидычу.

Тот по-прежнему стоял на месте, не решаясь нажать на газ. Его желание сделать приятное соседке явно было исчерпано.

— Да что вы какая! — пробурчал он, опустив глаза. — И с чего у вас такие приступы голода внезапные?!

— Господи! — возопила Яна от нетерпения. — Да при чем тут какой-то несчастный голод?! Мне просто нужен ресторан!

— Хм, зачем? — мужчина пожал плечами так, что голова его наполовину исчезла между ними.

— Надо! Это долго объяснять, да вам и ни к чему. Едем! — Милославская всем телом подалась вперед, но сосед ее безнадежно не двигался с места.

Тогда Яна решила применить средство, которое в общении с этим человеком никогда еще ее не подводило. Нет, она отнюдь не бросилась его соблазнять откровенными намеками. Просто выудила из кошелька сотенную купюру и, зажав ее между указательным и средним пальцами, небрежно протянула соседу.

Тот каким-то неуловимым движением открыл бардачок и зачем-то, пренебрежительно сморщившись, протянул:

— Зачем? Вы меня прямо обижаете. Зря. Зря вы так обо мне думаете.

Купюра между тем со скоростью света исчезла в бардачке, а сам он уже нажал на газ и практически развернул машину.

— Да ну что вы! — с искусственной признательностью воскликнула Яна. Искреннее желание благодарить этого человека у нее в тот момент как рукой сняло. — Я вам так благодарна! Так благодарна... — монотонно протянула она.

Александр Леонидыч уже не слушал ее, а довольный, насвистывал какую-то незамысловатую мелодию времен своей молодости.

Водил он из ряда вон плохо, и гадалку всю дорогу бросало из стороны в сторону. Сосед между тем ругал всех водителей на чем свет стоит и в самых конкретных выражениях посылал их... учиться в автошколе. Когда ему удавалось «сделать» кого-нибудь, он яро подмигивал Милославской и каждый раз приглаживал тот небогатый седой пух, сомнительно украшающий его изрядно проблескивающее темя, которому он дал громкое название челки.

Яна подободострастно поддакивала ему кивками, с нетерпением ожидая, когда же «адская колесница» домчит, наконец, ее до нужного места. Александр Леонидыч никогда не был ей приятен. Почему — Милославская не могла объяснить, но эта антипатия давала о себе знать каждый раз, как только участливый сосед появлялся на горизонте. Гадалка, будучи человеком воспитанным, никогда не давала воли ее проявлению и мужественно выносила все беседы с Александром Леонидычем.

Он жил кварталом ниже ее. Несмотря на свои сорок девять лет, ни разу не был не женат. Не пил, ни курил. Работал всю сознательную жизнь на заводе. Сначала простым работягой, потом мастером. За неимением семьи, любил посидеть у двора, на лавочке, поэтому, наверное, Яна и была с ним знакома, ведь больше никого с этого квартала она толком не знала.

Вскоре гадалка и ее сосед миновали перекресток, поворот на котором знаменовал собой начало улицы Маркина.

— Во-он, — указав рукой вперед, протянул Александр Леонидыч, — тут уж недалеко совсем.

— Ага, — теперь уже с натуральной радостью поддакнула ему гадалка и прижала к себе сумочку, готовая выйти на улицу.

— На лету прошу не выпрыгивать, — с шутливой строгостью заметил сосед.

Милославская ничего не ответила. Она уже представляла себе возможные картины дальнейшего развития сюжета, естественно, счастливые. Не зря же говорят — надежда умирает последней.

Александр Леонидыч припарковался у обочины и, во все глаза глядя на

соседку, протянул:

— Вы меня заинтриговали! С получки обязательно навещу это заведение. И все же признайтесь — чего там такого интересного.

Ответив что-то невнятное, Милославская в буквальном смысле выскочила на улицу, готовая влететь в двери «Самсона и Далилы».

— Яна Борисовна! — послышалось ей вслед.

Гадалка обернулась. Приоткрыв дверь и наполовину высунувшись на улицу, к ней обращался все тот же Александр Леонидыч.

— Вас дожидаться? — при этом сосед как-то лукаво улыбнулся.

«Вот прохвост, — подумала про себя Яна, — сотни ему мало! Еще срубить хочет!»

— Благодарю, — не сумев скрыть холодность, ответила она, но, чтобы смягчить недоброжелательные нотки, тут же добавила: — Я, возможно, назад нескоро.

— А с собой не возьмете? — посмеиваясь и щуря узковатые глаза с бесцветно-белыми ресницами, снова спросил он.

— Нет, — отрезала Милославская, и, сама не зная почему, продолжила: — У меня тут свидание!

Александр Леонидыч как сидел, так и застыл. Никогда он еще не видел Яну Борисовну, обхаживаемую кавалером.

ГЛАВА 14

Ресторан был заведением редким в городе, заведением в египетском стиле — во всех отношениях. Правда, что довольно странно и чего, наверное, не встретишь в самом Египте, он совмещал в себе и кофейню, и ресторан одновременно. Как и в любой египетской кофейне здесь можно было расположиться на мягких вышитых подушках, лежащих, правда, не на полу, а на сиденьях широких, геометрического стиля стульях, выпить настоящего кофе и выкурить кальян с ароматизированным табаком — фишка, разумеется, на любителя.

Несколько почитателей Египта сидели вокруг одного из столов и отведывали этого самого кальяна с табаком, судя по всему приправленным разными ароматами: в воздухе стояла некая смесь запаха яблока, вишни и чернослива, способная раздражить аппетит любого, кто бы сюда не вошел.

Меню здесь ничем не уступало тому, которое предлагалась в ресторанах самых популярных египетских курортов, а помимо национальных блюд подавали креветок размером едва ли не с ладонь. Под креветки желающий мог «уговорить» бутылочку первосортного охлажденного белого вина. Рай да и только!

Окинув взглядом белый просторный зал, Милославская на мгновение задумалась и невольно прикинула, на сколько в этот день суждено похудеть ее кошелек. Судя, по предупреждению просвещенного соседа, — изрядно.

Чтобы не выглядеть глупо, Яна довольно уверенно двинулась вперед. Бар здесь был выдержан в общем стиле. Сверху над ним и по бокам возвышался большой купол, стилизованный под образцы арабской архитектуры: с башенками, двумя маленькими куполами по краям, и несколькими фигурными окнами, за которыми мелькал похожий на устрицу бармен.

На полпути ее остановил высокий юноша, оказавшийся официантом, в странной одежде, в которой его гораздо проще было принять за шейха. Он учтиво кивнул головой и, протянув меню, спросил, чего леди желает — манера, надо сказать, ничем не отличающая его от служивых обычных кафе и ресторанов.

Милославская невольно ответила ему поклоном и приняла большую белую папку. Ей показалось странным, что страница пестрит одним и тем же словом, встречающимся во многих наименованиях: хлеб с кунжутом, сладкие лепешки с кунжутом, вяленая говядина с пряностями, в числе

которых кунжут, баклажаны, перетертые с чесноком и перцем, сдобренные опять же кунжутом. Сначала Яна подумала, что что-то не так, но потом вспомнила, что без кунжута египетская кухня не египетская.

Пробежав глазами две первые страницы, она стала листать книгу дальше. Меню предлагало широкий ассортимент соусов с изысканными названиями, в подавляющем большинстве своем острых. Мясных блюд предоставлялась возможность также испробовать великое множество.

— Попробуйте котлеты из рубленой говядины или баранины, — неожиданно предложил доселе молчаливо стоящий рядом официант, видя, что посетительница потерялась во всем этом многообразии, — не пожалеете.

«Слишком обычно, — подумала про себя гадалка, — гулять так гулять,» — и заказала фаршированных голубей.

В селе Михайловка, где жил ее троюродный брат, которого она уже около пяти лет не видела, однажды в честь приезда Милославских из голубей мужики сварили суп, называемый в народе шулюмом. «Деликатес,» — обжигаясь мутноватым бульоном, отрывисто произносил братьев кум, демонстрируя отсутствие трех передних зубов. Зубов у него не было, зато имелась звучная кличка — Балбес и длинный, сантиметра в два, ноготь на кривом мизинце. Ноготь этот, уже, наверное, сросся с налипшей на него грязью, потому что цвет его казался натурально серым. Обглодав невеликого размера голубиную ляжку, Балбес стал прилюдно извлекать из имеющихся в глубине рта зубов остатки «деликатеса». Охота пробовать шулюм у Яны в тот момент неожиданно пропала.

Теперь этот душещипательный случай как-то позабылся гадалкой и слово «деликатес» у нее уже не ассоциировалось с маникюром Балбеса. Она сидела, вальяжно облокотившись на удобную спинку стула и вытянув ноги, и, слушая надрывную национальную музыку, ожидала своих голубей. Все это, конечно, доставляло ей удовольствие, но все же поистине сладким было ожидание скорой развязки дела — Яна не сомневалась, что ресторан «Самсон» — то самое место, на которое пытался обратить ее внимание Джокер. На лице гадалки даже застыла неощутимая ею самой едва уловимая улыбка: не всегда видения, дарованные Сюрпризом, разгадывались столь скоро.

Так прошло около десяти минут. Яна успела выкурить сигарету, отказавшись от предложенного соседями по столику кальяна. Зал был полупуст. Только те трое молчаливо глотали кольца дыма. Они все были чем-то похожи: фигуры одинаково шарообразные, висячие индюшиные подбородки, пухлые пальцы, отяжеленные золотыми печатками, — герои

нашего времени.

Сначала гадалка подумала: «Наверняка это они, похитители», — и стала с осторожностью присматриваться к ним. Однако мужчины выкурили до конца свои снадобья, так и не проронив ни слова, и выражение их лиц было настолько безмятежным, что вряд ли речь могла идти об участии в каком-либо преступлении.

Вскоре в узком проходе, ведущем в кухню, появился тот самый юноша, несущий на одной руке небольшой поднос, на котором величаво восседали две птицы, смотревшиеся очень натурально — будто и в духовке не бывали. Искусные повара позаботились об их внешности.

«Забавно,» — с улыбкой подумала Яна, сглатывая инстинктивно выступившую слюну.

От голубей змейкой тянулся ароматный дымок; были они с пылу с жару, как говорится. В маленьких мисочках, окружающих блюдо с голубями поблескивали соусы, разных видов, заказанные для пробы гадалкой. Среди них, тоже в миниатюрных тарелочках было и по щепотке салатов двух сортов. Минуту позже официант принес маленькое ведерко, из которого торчало горлышко пузатой бутылки с белым вином, обложенной кубиками льда.

Официант поставил перед Яной яства и удалился. Несмотря на умиротворение, овладевшее ею поначалу, сейчас она чувствовала себя несколько взволнованно, и прежде, чем приступить к трапезе, с какой-то опаской осмотрелась по сторонам.

«Курильщики» уже покинули ресторан, и, кроме нее, в нем остался только солидный господин, стремительно отправляющий пищу в рот и попеременно поглядывающий на часы. «Торопится, чтобы Галюся не сбежала,» — презрительно прищурившись и в упор глядя на него, невольно подумала Милославская. Господин, заметив ее сверлящий взгляд, поднял глаза от тарелки и удивленно посмотрел на гадалку. Потом он окинул взглядом всего себя, боясь, что в его внешности что-то не так.

«Нет, этот не годится,» — заключила Милославская, и взяла в руки нож и вилку. Господин вскоре поднялся и покинул заведение. Преследовать его Яне не хотелось — зова сердца не было.

Она решила расправиться с голубями весьма и весьма неторопливо, ибо намеревалась ожидать здесь до победного конца. Пустую же тарелку клиента кто-то из хозяев или служащих заведения вряд ли созерцать иметь желание.

В дальнем углу зала засветился огромный, во всю стену, экран телевизора, и Милославская обрадовалась неплохой возможности с

двойной пользой скоротать время. Сидеть в полной тишине и ожидать, когда же ОНО, наконец, начнется, было просто невыносимо, ведь, как известно, нервные клетки не восстанавливаются.

Засинели на экране головокружительные глубины моря, такого ласкового и успокаивающего — то, чего сейчас Яне так не хватало. Замелькали многочисленные стайки рыб среди причудливой формы кораллов; завораживали кадры, на которых операторы запечатлели сказочной красоты скалы, ужасающие челюсти огромных акул и многое-многое другое: виндсерфинг, дайвинг, катание на скутере, полеты на парашюте...

Сверхкомфортные четырех— и пятизвездочные отели, кофейни, сувенирные прилавки, дискотеки и ресторанчики, сменившие собой изображение моря, так и зазывали любителей путешествий рвануть в Египет. Мирославская смотрела на все это, затаив дыхание и, несмотря на то, что только что вернулась с отдыха, ей хотелось снова отправиться к морским берегам.

За просмотром интересной передачи, сопровождаемой только звучанием приятной музыки, незаметно прошло около часа. Неожиданно для самой себя Яна обнаружила, что с голубями, соусами и салатами, оставившими лишь приятные вкусовые впечатления и чувство жжения от остроты, уже покончено, и она наслаждается прохладой сладковато-кислого вина, легкого, но согревающего душу.

Вокруг по-прежнему все было спокойно. Зал пополнился двумя семейными парами, которые не глядя друг на друга, не спеша ковырялись в своих тарелках. Они тоже, на взгляд гадалки, никак не подходили на роль отпетых негодяев: толстые, раздобревшие от хорошей жизни дамы, надушенные до неприличия дорогими духами и напудренные, словно рождественские пироги, и солидные хмурые господа, которым эти дамы, судя по всему осточертели своими капризами, каждый из которых был чуднее предыдущего.

Яна не спеша потягивала вино и смотрела на экран телевизора, думая теперь уже не о солнечном Египте, а своем деле. Ощущение неминуемого наступления развязки стало как-то ослабевать. Грандиозные предчувствия скорого триумфа в ее душе теперь не были столь живыми, а едва-едва мерцали.

В зал вошли еще двое: худосочный старик, вероятнее всего, армянин по национальности, седой, но почему-то с пышными черными усами и высокая, на голову выше него, крашеная блондинка, пышногрудая, впрочем, пышная во всех местах. Он учтиво выдвинул перед ней стул и

что-то спросил на изрядно ломаном русском. Она презрительно хмыкнула и закинула ногу на ногу, выставив на всеобщее обозрение полные ноги, обтянутые тончайшими чулками, кружевная резинка которых себя демонстрировала довольно бессовестно.

Хмурые господа как-то разом просветлели и обратили взоры в сторону чрезмерно откровенной леди. Их дамы едва ли не собственноручно повернули головы супругов в свою сторону и поспешили завести с ними торопливые, скорее всего, нравоучительные разговоры.

Ситуация переставала казаться Милославской обнадеживающей. Она, сердясь, уже начинала думать: «Подойду и спрошу: „Это вы похитили Галину Незнамову?“.» Конечно, воплощать эти нелепые намерения она не собиралась, но каждый раз, поглядывая на перепрыгивающую стрелку больших настенных часов, гадалка отчаивалась все больше и больше.

Армянин вскоре появился перед своей спутницей в сопровождении официанта, несущего на подносе самые разнообразные фрукты. Пышка сразу ухватила самый крупный персик и впилась в него ярко накрашенными алыми губами так, что у Милославской слюнки побежали. Она тоже заказала себе фрукты и за их неторопливым уничтожением провела еще около сорока минут.

Вечерело. Ресторан с течением временем стал наполняться народом. Молодые люди в отглаженных брюках и кипенно-белых рубашках в дальнем углу зала устроили игру в бильярд, который гадалка только-только заметила; количество официантов утроилось; они подобострастно смотрели на господ; величаво тыкающих пальцами в строчки меню; гвалт дамских голосов заглушал звуки музыки, по-прежнему льющиеся с экрана.

У Яны снова стала появляться надежда. Но она развеялась довольно скоро, потому что ничего примечательного так и не происходило: жизнь шла размеренно, своим чередом. Одни приходили, другие уходили, а на нее уже с интересом поглядывали официанты.

Стараясь не обращать на их взгляды внимания, Яна продолжала сидеть на своем месте. После фруктов она дважды заказывала кофе, но вскоре от этого «сидячего образа жизни» у нее стало ныть все тело, хотя стулья и лежащие на них подушки были удобными.

Исчерпав последние запасы своего терпения, гадалка все же решила распрощаться с рестораном, как бы досадно ей не было это делать. Выйдя на улицу, она с удовольствием глотнула свежего воздуха: хотя в помещении и работали кондиционеры, «кальянщиков» к вечеру прибавилось и дышать стало тяжело.

Домой отправляться, однако, не хотелось: завершать день с нулевым

результатом было обидно. Милославская стала прохаживаться туда-сюда вдоль ресторанных витрин, тщательно присматриваясь к новым посетителям, подъезжавшим все, как один, на сверкающих дорогих иномарках. Некоторые подозрительно поглядывали на нее в ответ, но никто тем не менее ни о чем не спрашивал.

Яна начала мысленно роптать на Джокера, обвинять его в обмане, напрасном обнадеживании. Она ругала себя за то, что обратилась именно к этой карте, когда другая вполне могла бы оказаться куда более плодотворной. Потом гадалке стало совестно за саму себя: Сюрприз столько раз выручал ее, а она так на него набросилась. «Нет, вероятнее всего, просто речь шла совсем не о том Самсоне,» — заключила он под конец, глядя на сверкающую в наступившей темноте вывеску ресторана.

Ожидать дальше в тот момент ей казалось совершенно бессмысленным, и она, ускорив шаг, пошла в направлении главной дороги, где собиралась поймать такси и отправиться, наконец, домой. Там бедная Джемма долгие часы коротала в абсолютном одиночестве.

ГЛАВА 15

— Краса-авица моя, — протянула Милославская теребя любимицу за шерсть.

Та чувствовала, что в голосе хозяйки нет абсолютно никакого оптимизма и, сочувственно поскуливая, терлась о ее ноги.

Приласкав Джемму, Яна отправилась в свою комнату и с наслаждением освободилась от надоевшей за день одежды. Ей захотелось опуститься в родное кресло и закурить, посвятив всю себя размышлениям, совсем не веселым, естественно.

Сигареты были здесь же в сумочке, а вот за пепельницей следовало совершить путешествие на кухню — именно этим казалось Яне в тот момент любое передвижение: ноги ныли от усталости. Она тяжело вздохнула и, нехотя поднявшись с кресла, по-старушечьи шаркая тапками, побрела на кухню.

Джемма, как-то тихо гавкнув, преградила ей путь.

— Заботливая ты моя! — с любовной интонацией протянула гадалка, решив, что собака приказывает ей отдохнуть.

С умилением посмотрев на овчарку, она все же отодвинула ее в сторону и зашагала вперед, торопясь поскорее прибегнуть к средству, которое было способно в некоторой степени ее успокоить.

Джемма повела себя странно: поджала хвост и юркнула под кровать. «Надо же, — сразу подумала Милославская, — она никогда не была трусихой.» Яна решила, что ее в собственном доме поджидает опасность, опасность, которой боялась даже собака, приходившая ей на помощь в самых, казалось, безнадежных ситуациях.

Гадалка поднялась на цыпочки и по стенке стала неслышно продвигаться вперед, зажав в правой руке зонт, который тут же сняла с большого кованого крючка. Добравшись так до входа в кухню, она сделала резкий шаг и в боевой позе застыла в дверном проеме, в тот же момент ударив свободной рукой по выключателю. Джемма не издавала ни звука.

На кухне Милославскую ожидала картина, которая на самом деле бывает только после вражеского нашествия. «Враг» на этот раз Яне был хорошо известен. Открытые дверцы нижних шкафов, разорванные пакеты с мукой, манкой, рисом и... «Чаппи», которыми щедро был усыпан весь пол комнаты.

— Та-ак, — протянула гадалка, — по-моему, кто-то пытался

самостоятельно пообедать...

Джемма издала короткий отрывистый звук, по-прежнему не показываясь из-под кровати.

На обеденном столе лежала забытая гадалкой колбаса, которую собака вполне могла бы употребить. Однако к ней она даже не притронулась, решив самостоятельно отыскать то, что ей принадлежало по праву. Достать «Чаппи» из массы других пакетов оказалось непросто. Случилась неприятная оказия, которая лишила Джемму разыгравшегося аппетита: к своему корму она так и не притронулась.

— Обидно, досадно, но... ладно! — посмеиваясь, произнесла Яна.

Джемма, уловив доброжелательную нотку в голосе хозяйки, показала край морды.

— И как ты сама-то вся не перепачкалась?! — воскликнула гадалка, дивясь собачьей аккуратности.

С трудом находя чистые участки на полу, она пробралась к столу за пепельницей, решив уборку отложить на утро. Потом потянулась к надорванному мешку с «Чаппи» взяла его, миску Джеммы и, наполнив ее до краев, поставила в коридоре, а во имя того, чтобы собаке больше не приходила в голову такая самостоятельность, сердито погрозила ей зонтиком.

Джемма долго еще сидела в своем нехитром укрытии, стыдясь показываться на глаза хозяйке. Яне было не до уговоров, и она не стала пытаться выудить собаку наружу. Совершив все необходимые вечерние процедуры, она с удовольствием окунулась в рай своих шелковых простыней. Все-таки как хорошо было дома!

Милославская закрыла глаза и с упоением вздохнула. Мысли на этот раз не лезли настырно в голову, но сон почему-то не шел. Вроде бы и спать хотелось, и усталость слишком явно давала о себе знать, однако какое бы удобное положение гадалка не пыталась принять, оно не оказывалось спасительным.

Биологические часы знали свою работу. В такое время Яна редко пыталась отойти ко сну, и сегодня организм настырнее, чем когда-либо, решил напомнить ей об этом. Изрядно сбив под собой простыню возней, Милославская приподнялась, оперевшись позади себя руками. Она осмотрелась: в комнате было тихо и темно, но она чувствовала себя так, словно день деньской взывал ее к бодрости. «Нервное перевозбуждение,» — заключила она и нажала выключатель светильника.

Телевизор смотреть решительно не хотелось: он до чертиков надоел ей в ресторане. Читать классику — тоже как-то не тянуло. Популярное чтиво?

Яна отродясь его в руки не брала, хотя у нее дома и была кое-какая коллекция — друзья понадалили к праздникам. Ничего, кроме как перевероршить старые газеты, не оставалось: свежих не было.

Милославская заправила за ухо упавшую на глаза прядь волос и, потянувшись, взяла несколько газет из высокой стопки. Руки в последние дни не доходили до того, чтобы расщитатьсся с этим «хламом», благодаря чему сейчас и нашлось для гадалки вполне сносное развлечение.

Яна чисто механически прочитывала содержание крупно отпечатанных рекламных полос, не вдумываясь совсем в смысл написанного: о чем она в тот момент размышляла, она сама едва ли смогла бы ответить.

Потом взгляд ее машинально перебросился на другие полосы, остановившись на первой из них — «Услуги». Постираем, погладим, перевезем ваши вещи, заменим сантехнику, отремонтируем бытовые приборы... Чего здесь только не было! Даже несчастных кошек стерилизовать предлагали.

Мысли, совершенно бесценные, бродили в голове Милославской. Она думала, как бы хорошо было сменить кафель в ванной, отремонтировать пульт от телевизора, в котором уже два месяца западала одна кнопка... Потом ей захотелось что-нибудь сшить для себя у «волшебных рук обладательницы»...

Дальше пошла целая полоса парикмахерских услуг: кошачьих, собачьих, человеческих... «Парижанка», «Люкс», «Офелия», «Артамон» — все они одинаково обещали превратить клиента в совершенство. Яна пробегала их глазами, подробно не на одном не останавливаясь. «Визаж», «Шанель», «Стиль»... Какая скука! Одно и то же. Хотя... Стоп! Стоп, стоп, стоп, стоп! Ну-ка, а это что за название? «Самсон»! Неужели? Неужели это то, что надо? Вот так везение! Гадалка, резко откинув простыню в сторону, вскочила на ноги.

«Ехать! Сейчас же ехать!» — пробормотала она, вперившись обеими руками во включенные после лежанья волосы. Попав только в одну тапку, Милославская торопливо зашагала в прихожую, готовая прямо сразу пуститься в путь. Потом она резко остановилась и увидела свое отражение в зеркале: ночная сорочка не вполне подходящий наряд для вечернего визита.

В горле у Яны мгновенно пересохло от волнения. Глубоко погрузившись в волной нахлынувшие раздумья, она в два больших шага оказалась на кухне и через минуту уже отхлебывала кипяченую воду прямо из узорчатого хрустального графина. Поставив посудину на место, гадалка

ощутила, что чувствует себя не вполне комфортно. Она опустила глаза: та самая нога, которой второпях не досталось тапки, по самую щиколотку погрязла в кучке муки, вырвавшейся на волю из прорванного Джеммой пакета.

— М-м-м! — возопила Милославская сжав кулаки и сцепив зубы.

В этот момент она была готова дать собаке настоящую взбучку. Но Джемма была слишком умна и, по-видимому, все предвидела — она до сих пор не расставалась со своим «бункером».

Медленно вытащив ногу из кучки, Яна растопырила пальцы и осторожно стряхнула муку.

— Придется еще в душе задержаться! — с досадой пробормотала она и, почему-то хромая, затопала в ванную.

В этот момент взгляд ее невольно упал на часы: было около половины одиннадцатого.

— Тьфу ты, черт! — выругалась гадалка. — Вот не везет так не везет! Какая парикмахерская в такое время?! Я, похоже, схожу с ума...

Бормоча еще всяческие проклятия, Милославская омыла несчастную ногу прямо под струей из крана и, наскоро промокнув ее вафельным полотенцем, сердито направилась в свою комнату.

Она заложила обе руки за голову и, поджав губы, уставилась в потолок. «А Джокер-то не подвел, не подкачал все же, дружок,» — думала она, решив, что следует порадоваться хотя бы этому. Весело тем не менее не было. Чтобы разогнать «черные» мыли, Милославская взяла в руки пульт и щелкнула красную кнопку.

С «голубого» экрана бурным потоком полились звуки вечерних «Новостей» одного из каналов второго плана. Взрывы, землетрясения, экономические кризисы... Нет, это не то, в чем сейчас Яна нуждалась. Она решила сменить канал и машинально нажала одну из кнопок. Транслировалась совершенно безобидная по сравнению с предыдущей программа. Милославская отложила пульт в сторону и устремила взгляд на экран. Разумеется, не для того..., чтобы внимать словам телеведущего. Она продолжала думать о своем.

«И с какого боку тут парикмахерская? — мысленно спрашивала она себя, недоверчиво опуская уголки губ. — Хотя... Ведь всякое бывало.» И Яна невольно начинала строить предположения.

В один из моментов она в связи с каким-то воспоминанием подумала про Джемму.

— Э-эй! — протянула гадалка. — Выбирайся! Все-таки ты доброго больше сделала...

Овчарка высунула нос и тихо гавкнула. Она чувствовала, что хозяйка все еще сердится, и не решалась показываться на глаза.

— Прощаю, говорю, — усмехнувшись, сказала Милославская. — В конце-концов, и я тоже виновата...

Послышалось шуршание, и Джемма, неуклюже перемещаясь, выползла наружу. Встряхнувшись, она тут же оперлась обеими лапами на Янину кровать и, высунув язык, с готовностью оказать любую услугу посмотрела на гадалку.

— Ну-ну, — промолвила Милославская и провела рукой по холке собаки.

Взъерошенный ведущий телепередачи высокопарно рассуждал о нравах современной молодежи. Мол, есть еще среди нее экземпляры, способные сделать будущее России светлым и небезрадостным.

«Да что там, — мысленно парировала ему Яна, — вон преступность какая! И чего им только всем не хватает! Наркотики, алкоголь... Убивают из-за пустяка...»

Мысли ее были непонятно отдаленными, и она сама даже не прислушивалась к ним, просто мозг самовольно отвечал на услышанное. Параллельно с мыслью о молодежи в голове гадалки не переставали возникать предположения относительно того, что ее на самом деле на тот момент глубоко интересовало.

— Владимир Батищев, — продолжал выдвигать тезисы ведущий, — в свои двадцать два года..., — и дальше полились названия музыкальных конкурсов, лауреатом которых молодой человек являлся.

Сюжет следовал за сюжетом, пока наконец программа не стала вещать о спортивных достижениях юношества. Не обошлось и без прославления ряда депутатов, которые приложили руку к открытию нескольких спортивных клубов, упоминания о двух главах предприятий, ставших спонсорами крупного спортивного турнира и много другого. Ведущий самозабвенно расписывал прелести спортивных залов, а гадалка слушала все это абсолютно равнодушно до того самого момента, пока с экрана... не сорвалось слово «Самсон».

Милославская одним движением соскочила с кровати, зачем-то прибавила громкость (все и без того было слышно достаточно хорошо) и, застыв в невероятно смешной позе, стала внимать сюжету. На экране мелькали комфортные раздевалки, сверкающие душевые, современное спортивное оборудование, великолепно отделанный фасад здания...

— Спортивный клуб «Самсон»... — задумчиво протянула Милославская. — Да, это мне гораздо больше подходит!

На самом деле, «причастность» к делу спортивного клуба выглядела не так нелепо, как «причастность» парикмахерской. Во всяком случае так казалось гадалке. Она с наслаждением потерла ладони и стала взад и вперед расхаживать по комнате. Сюжет к тому моменту исчерпал себя и Яна, взбудораженная увиденным, с каким-то несвойственным ей пылом нажала на кнопку телевизора, отключающую его от сети. Воспользоваться пультом она на этот раз не пожелала.

— Да! Я непременно должна туда попасть! — с жаром воскликнула она, подняв вверх указательный палец.

Однако гадалка тут же вспомнила, что еще недавно стрелки часов остановили ее порыв. Она перевела взгляд на часы: начало двенадцатого.

— М-м-м! — с досадой промычала Яна, поджав губы. — Теперь там точно делать нечего!

Гадалка злилась на саму себя за то, что сразу не нашла нужного решения, за то, что потеряла время в ресторане, за то, что незнакома была с спортклубом «Самсон», в который бы могла отправиться сразу же после подсказки Сюрприза. К тому же в глубине души ее терзала мысль еще и о том, что и спортивное заведение может оказаться совсем не тем местом, которое как-то поможет расследованию.

«А если Галюся томится в застенках клуба?» — вдруг подумала Милославская, и воображение нарисовало ей картину темного сырого подвала, в котором, почему то прикованная к столбу мощными цепями, стонала бедная девочка. Ведь в таком случае в «Самсон» следовало мчаться незамедлительно и бить, как говорится, во все колокола. Или же... Каким-то способом проникнуть в помещение незаконно и тогда...

— Тьфу, ерунда! — воскликнула вслух гадалка, хотя никаких доводов, разоблачающих несостоятельность этой идеи у нее не было. Просто не понравилось ей такое предположение и все. А интуиции своей Милославская ой как доверяла!

Решив, что наилучшим вариантом является нормальное, «дневное», открытое посещение клуба, Яна грузно опустилась на свою кровать. Вывод был вполне логичным, но она все же невольно проклинала поговорку «Утро вечера мудренее».

Яна откинулась было на подушки, но потом, покачивая головой, протянула:

— Нет, в таком состоянии отходить ко сну нельзя!

Она решительно зашагала на кухню, намереваясь убрать там все «безобразие» и подкрепиться чашкой кофе. Через минуту веник послушно ходил в ее руках, поднимая вверх столб белой пыли.

— Ну Джемма! — бормотала гадалка, — Прибавила ты мне забот.

Собрав посеревшую, смешанную с пылью кучку на совок и ссыпав ее в мусорное ведро, гадалка наскоро протерла пол влажной тряпкой и взялась наконец за джезву, которая, казалось, навсегда впитала в себя кофейный аромат.

Конечно, кофе под сигаретку — далеко не лучший способ успокоения, однако именно этого гадалке в тот момент и не хватало.

Обжигаясь мелкими глотками напитка, она, прищурившись, втягивала в себя дым, ощущая во всем теле непрекращающееся волнение.

В эту ночь гадалка почти не сомкнула глаз. Какой-то внутренний трепет мешал ей заснуть. Она пыталась начать думать о чем-то другом, далеком от дела Незнамова, но мысли неизбежно вновь приводили ее к нему.

Под утро, как это обычно в таких случаях бывает, Милославская заснула. Заснула сладко, глубоко, и так хорошо ей было в ее уютной мягкой постели... Свежий ветерок, врывавшийся в раскрытую форточку, поднимал кверху легкий занавес, наполняя комнату приятной прохладой.

— Ку-ка-реку! — неожиданно раздалось где-то рядом.

Этот хриплый возглас, казалось, разбудил спящий город: где-то вдали сразу застучал трамвай, старый «Икарус» протарахтел на дороге...

Наверное, это Яне так казалось, потому что до того она спала, а теперь проснулась, услышала все то, что творилось вокруг.

— Проклятый петух! — пробормотала она, с головой забираясь под одеяло. — Топор по тебе плачет!

Милославская зажмурилась и попыталась снова вернуться в тот сладкий мир, от которого оторвало ее кукареканье. Не пролежав так и минуты, она резко оторвала голову от подушки: ей вспомнилось все, чем закончился вчерашний вечер.

— «Самсон»! — воскликнула она.

Сон как рукой сняло.

Резко дернув ногой, Милославская откинула одеяло. В одно мгновение встав на ноги, она стремительно направилась в ванную. Джемма, лениво приоткрыв один глаз, удивленно смотрела на свою хозяйку, взлохмаченную, всю какую-то помятую и непривычно несимпатичную.

Было около половины седьмого, и собаке, наверное, чувствовавшей каким-то внутренним будильником время, показалось странным, что Яна в столь ранний час поднялась с постели так решительно.

Милославская, открывая кран, посмотрела в зеркало.

— Ужас! — хрипло пробормотала она, и скрепя сердце ополоснув

лицо холодной водой, нанесла на него освежающую маску, сделавшую ее похожей на Фантомаса.

Стакан апельсинового сока заменил в это утро гадалке привычный кофе. Она чувствовала себя отвратительно, хотя бурлящие мысли не давали ей этого осознать, и в горло ничего, кроме сока не лезло.

Поставив в раковину опустошенный стакан, который вымыть не составляло труда, но все равно не хотелось, Яна принялась за выбор гардероба. Стиль его она определила для себя заранее: спортивный. Так, как она посчитала, ей было бы проще показаться своей среди чужих или, по меньшей мере, добиться большего расположения.

Подцепив двумя пальцами давно застывшую маску, Милославская осторожно стянула ее с лица и, глянув в зеркало, осталась вполне довольна собственным отражением, которому недоставало только нескольких легких штрихов косметики.

Джемма тоскливо смотрела на хозяйку, втискивающую ногу в тесные черные кожаные ботинки.

— Сегодня я возьму тебя с собой, — успокоила собаку гадалка, которой уже совестно было оставлять питомицу в одиночестве. Да и повторения случая с мукой тоже как-то не хотелось.

Овчарка недоверчиво посмотрела на Милославскую.

— Возьму, возьму. Сегодня, слава богу, не в ресторан иду, — пыхтя над шнуровкой, бормотала Яна. — Там бы куда я тебя дела? — оправдывалась она. — А в спортивный клуб можно. Хотя и не очень.

В половине восьмого гадалка и ее собака покинули дом и, полные оптимизма, по привычной тропинке стали спускаться к дороге.

— На прогулку? — весело спросила встретившаяся им на перекрестке соседка Любовь Павловна.

— Угу, — улыбнувшись, ответила Милославская, которой не к лицу было вдаваться во все подробности, да и дружбы, которая порой бывает между соседями она с этой женщиной не водила.

Они жили бок о бок, ничего толком не зная друг о друге, но при встрече не обходились без доброжелательного приветствия и пары фраз о погоде, здоровье и прочих традиционных в такой ситуации вопросов. Вот если б назойливая тетя Даша не дай бог повстречалась, уж она-то не дала бы Милославской прохода, пока та не удовлетворила бы ее любопытство. Яна очень торопилась, а потому благодарила бога, что он ей послал не ее, а Любовь Павловну.

Джемма бежала позади хозяйки, высунув язык и бойко повиливая хвостом. Яна не придерживала ее за поводок, который, разумеется,

приготовила заранее, так как времени для этого впереди было еще предостаточно.

Старенькое такси довольно быстро домчало гадалку к месту назначения, и вскоре она уже взволнованно читала надпись над входом в огромное, причудливой формы здание.

— Ну-с, — сказала она, вздохнув и бросив на собаку взгляд, ищущий поддержки, и сделала шаг вперед.

В этот самый момент тяжеленная металлическая дверь распахнулась перед самым ее носом так, словно это была не железная машина, а шелковая занавеска. Милославская, не будучи между прочим трусихой, громко ойкнула от неожиданности и машинально отступила.

Рыжий громила, возвышающийся над гадалкой едва ли не на две головы и явно втрое превосходящий ее по объему груди, талии и всего имеющегося, широко улыбаясь, пробасил над самым ее ухом:

— Пардон, мадам.

— Спасибо, — почему-то ответила Яна, подернув плечом, и тут же мысленно отругала себя за сказанное, а потом успокоилась, подумав, что бывает и хуже.

— За что? А-а-а-а... — прогремел здоровяк, зашедшись оглушительным смехом.

— За то что вообще меня заметили, — съязвила Милославская и, словно упавший человек, стала отряхиваться.

Джемма, в момент распахивания двери занявшая угрожающую позу, удивленно, но не теряя боеготовности, смотрела на смеющегося парня и предупреждающе рычала. Тот очень смело посмотрел на нее и поначалу, казалось, хотел что-то заметить, но потом, наверное решив, что азиатская овчарка далеко не пудель, не стал испытывать судьбу и ловко перекинув огромную спортивную сумку за спину зашагал к серебристой «Тайоте».

Гадалка подумала, что начало получилось не вполне приятным, но не желая прислушиваться к голосу примет, все же уверенно взялась за круглую дверную ручку, которой, чтобы соответствовать размеру Яниного кулака, следовало уменьшиться ровно вдове. Здесь определенно не рассчитывали на посетителей такой комплекции.

Однако, вопреки ее ожиданию, дверь так легко не поддавалась. Незначительное усилие, предпринятое гадалкой, приоткрыло ее не более чем на два сантиметра. Милославская ухмыльнулась и еще раз потянула ручку на себя. Заглушаемый внезапно раздавшимся лаем Джеммы голос сзади предложил:

— Позвольте вам помочь.

Гадалка обернулась. Навстречу ей шел высокий мужчина в спортивном костюме, такой же крупногабаритный, как тот, что минуту назад чуть не сбил ее с ног.

— Рестлингом решили заняться? — вполне дружелюбно спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Вот увидите, — через пару месяца вы начнете легко распахивать ее, — незнакомец кивнул на дверь, — с первого раза.

Милославская натянула поводок и, скупно улыбнувшись, произнесла:

— Вы так считаете?

— Угу, — ответил тот и замер в нерешительности, глядя на оскалившую зубы собаку.

— Успокойся, — скомандовала гадалка, и овчарка тут же, хотя с явным нежеланием, отступила.

Мужчина протянул руку и открыл перед сделавшей шаг назад гадалкой дверь.

— Пожалуйста, — сказал он, указывая ей вперед.

— Я лучше после вас, — ответила Милославская.

Незнакомец посмотрел удивленно и покосился на Джемму.

— Я дороги не знаю, — пояснила она, — вы меня к кабинету директора проводите.

— У-у-у..., — протянул тот, — Это на другом конце комплекса. Но я не упущу шанса оказать честь такой хорошенькой дамочке.

При последних словах спортсмен сделал такое выражение лица, какое у Милославской всегда вызывало негативные чувства.

Тем не менее она молча последовала за провожатым, глядя в его широкую спину и практически ничего, кроме нее, не видя перед собой. Мужчина дела шаг — Яна два, он вдыхал раз — она три. Уже через минуту гадалка подумала, что лучше было бы самостоятельно отыскать дорогу.

Милославская, торопливо шагая, думала и о том, что название клуба не очень-то подходит для этого огромного здания. Это, скорее был дворец, комплекс, что угодно. Пробираясь к кабинету директора, они уже преодолели два длинных узких коридора и три многоступенчатых лестницы, между которыми находились просторные пролеты.

Размышляла гадалка и о личности тех, с кем ей уже довелось здесь повстречаться. Еще раз воссоздав в воображении силуэт первого здоровяка и критически глянув на того, который мерил коридор своими тяжелыми ножищами впереди нее, она подумала, что люди эти довольно подозрительные и слишком суровые на вид.

Мысль, пришедшая вслед за этой, поразила саму гадалку. Она

спрашивала себя: «Может быть, здесь готовят телохранителей или вообще киллеров, террористов каких-нибудь?». Но толком проанализировать возникшую идею Яне не удалось, поскольку провожатый заявил:

— Прибыли! — и стукнув в дверь костяшками пальцев и ничего более не говоря, стал удаляться в обратном направлении.

— Да-а, — протяжно раздалось из кабинета.

«Боже! Неужели женский голос? Смена контингента?» — пронеслось в голове гадалки.

Однако общению с себе подобными ей порадоваться не пришлось — открыв дверь, она обнаружила восседающую за столом «бабищу», как наверняка выразился бы Руденко, которая по комплекции немногим отличалась от тех двух громил. Правда, размеры ее никак не говорили об особом усердии в занятиях спортом. Второй подбородок и анекдотических габаритов грудь, возвышающиеся над столом, красноречиво свидетельствовали об этом.

Завидев перед собой гадалку, директор одновременным движением мохнатых бровей и большого приплюснутого носа сдвинула очки на самый его кончик и бросила на гостью полный удивления взгляд — та была ей абсолютно незнакома.

Вместо того, чтобы сказать что-нибудь в объяснение своего визита, Яна, сама не зная почему, стала разглядывать управленшу с чисто женским любопытством. Она сразу же заметила про себя, что выкрашенные в ярко желтый цвет, накрученные на крупные бигуди волосы и умопомрачительно красные губы делают ее вульгарной, а облегающее платье, которое, казалось, вот-вот лопнет по швам, ее полнит.

— Что вам, девушка? — развязно спросила женщина, скучно глядя на Милославскую.

— Что мне? — растерянно повторила Яна слова хозяйки заведения.

На самом деле, следуя за здоровяком, она и не подумала, о чем, собственно, будет говорить с начальницей. Почему она сразу направилась именно к ней, гадалке было ясно — ведь не могла же она бродить по комплексу, будучи совершенно посторонним человеком. Все равно остановит кто-нибудь, спросит, чего, мол, вам тут надобно... И что тогда отвечать?

Что же выходит? Яна пришла просить разрешения на прогулку по спортклубу? Глупо. Кто она для этого вообще такая? Записаться в какую-нибудь секцию? Так на входе висят десятки объявлений, гласящих о том, что при подобном желании обращаться следует к тренеру такому-то в комнату такую-то. Признаться с ходу, что ищет Галю Незнамову и

подозревает, что она именно тут находится? Еще глупее! Так ее и приподнесли на блюдечке с золотой каемочкой! Уж больно личности по «Самсону» бродили подозрительные, того и гляди, что, заикнувшись о Галюсе, сама живой отсюда не уйдешь. Хотя... рядом Джемма. «Нам ли этих киллеров бояться?» — подумала гадалка, глядя на собаку, совершенно не заметив, что мысль эту она довольно громко озвучила.

— Киллеров? Что? Что-что? — хриплым, прокуренным голосом закудаhtала директор.

Яна поняла (да особого ума для этого и не требовалось), что она посадила себя в лужу. Внезапно вооружившись какой-то пышущей во все стороны энергией, она подошла ближе к столу начальницы и по-мужски протянув ей руку, громко и отчетливо сказала:

— Так зовут мою собаку — Киллер, — а затем представилась: — Яна Борисовна Милославская.

— Фу ты, господи! Гертруда Коц, — машинально ответив рукопожатием и вслед за этим потянувшись за сигаретой, ошарашенно ответила хозяйка «Самсона».

— Довольно оригинально, — протянула она, закурив и глядя на севшую у ног хозяйки Джемму, — и главное — очень подходит...

— Знаете ли, — начала Милославская, у которой в голове на тот момент крутилась куча всякого вранья, — я подыскиваю себе работника...

Финал начатой фразы оказался сюрпризом для самой гадалки. И как у нее это выскочило?

— Хм, — произнесла Гертруда и закашлялась так, что внутри у нее все забулькало, — вы видимо ошиблись адресом. Здесь не бюро оказания услуг и далеко не биржа труда.

— Да нет, — замявшись, заговорила Яна, между тем не зная, как направить разговор в нужное ей русло, — вы немного не так меня поняли... Мне нужен работник особого рода...

— Де-евушка, — протянула собеседница Яны, не зная, между тем, куда прятать глаза, — вы когда сюда заходили, вывеску хорошо прочитали? Там случайно не было обозначено, что под этой крышей находится спортклуб? — Коц свесила со стола руку с сигаретой, на которой отпечатались алые следы ее огненной помады.

— Я все прочитала. Дело в том, дело в том, — начала Милославская, прикидываясь совершенной дурочкой и стыдливо теребя выуженный из сумочки носовой платок, — У вас тут такие интересные молодые люди ходят...

— А-ха-ха-ха! — зашлась смехом начальница, и все грузное ее тело

заколыхалось, как подтаявший холодец. Услышав, последнюю фразу Милославской, она испытала явное облегчение.

— Здесь не клуб знакомств, — проговорила женщина, успокоившись и утирая выступившие от смеха слезы, — Еще раз повторяю — это спортивное учреждение. Мальчики у нас здесь конечно, — Гертруда закатила глаза и звучно чмокнула кончики своих коротких пухлых пальцев и, став вдруг сердитой, продолжила: — но это спортсмены, а не какие-нибудь там Жигало! Имейте в виду! И они зарабатывают себе на жизнь более достойным способом.

— Вот как? — совершенно сменив и стиль поведения, и интонацию, проговорила Яна. — Это, знаете ли, оч-чень интересно!

Теперь она была более верна самой себе, только нахальства немного позаимствовала у образа, в который неожиданно вошла. Джемма все это время молча наблюдала за происходящим и едва ли узнавала в разбушевавшейся даме свою выдержанную в манерах хозяйку.

Гертруда Коц смотрела на Милославскую, ужасно удивленная такой неожиданной переменой в гостье.

— Вы не могли бы мне рассказать, какой это такой способ? — язвительно протянула гадалка, низко склонившись к столу, за которым восседала Коц.

— Не-ет, — с меньшей ехидностью протянула та, прищулив свои выпученные глаза и тоже склонившись к Яне.

— А если подумать? — покачивая головой, произнесла гадалка.

— Им-а, — издевательски ответила начальница.

— А если от вас этого потребуют люди в погонах? — Милославская вспомнила о Руденко и пожалела, что его в тот момент не было рядом.

— А людям в погонах я скажу, покажу, докажу, что способ этот вполне законный! Не рэкет какой-нибудь там! А лицам посторонним, — на этом слове Гертруда сделала особое ударение, я всегда отвечаю, что информация о моих людях — дело строго конфиденциальное, и их не касается! — Коц помахала прямо перед носом Милославской своим указательным пальцем.

— Ну, а если я, например, и хочу им предложить заработать тем самым способом, ничем для них не обидным? — закинув ногу на ногу протянула Милославская, тогда как Коц надеялась на ее уход.

— Яна, так, кажется, вас зовут? — произнесла Гертруда, начав говорить на два тона тише. — Раз уж мы без свидетелей, то я вам скажу откровенно — если вы сами дура, то из меня вам ее сделать не удастся. Я вам повторяю — здесь спортивный клуб и осуществляется тут только спортивная подготовка. Все остальное — за пределами этих стен, в

специальных учреждениях, и люди поумнее обращаются в случае особой надобности туда, а не сюда. Хотя, кажется, вы не дура и просто пытаетесь обвести меня вокруг пальца. Чего вот вам только надо? — Коц прищурила глаза и уставилась на гадалку.

— Это долгая история, — вздохнув, ответила Яна, напустив на себя сентиментальность и, между тем нащупывая в сумочке заветную колоду карт. Она поняла, что без них ей тут никак не разобраться.

Обнаружив в себе необыкновенные способности к сочинительству, Яна начала рассказ о негодяе муже, которому она, как говорится, отдала весь свой цвет, красоту и молодость, всю вою любовь, а он, подлец, не оценил, завел себе другую, помоложе да покрасивее. Но не может она, Яна, вынести этого и ищет себе некоего Зорро, который отомстит за ее поруганную честь и достоинство. И готова Яна за это хорошо заплатить.

В финале рассказа, который Гертруда, почему-то слушала не перебивая, Милославская выразительно всхлипнула, а потом закрыв лицо одной ладонью замолчала.

Вторую ладонь гадалка в этот момент опустила на одну из карт, над выбором которой ей не пришлось долго думать. Она заранее решила, что ей нужна карта «Чтение».

«Чтение» было поистине необыкновенной картой, обладающей сказочными возможностями. Она отнимала у Милославской массу сил, зато позволяла прочесть чужие мысли.

В центре карты красовалось изображение глаза, в зрачке которого застыла человеческая голова. От этого глаза шли нарисованные Яниной же рукой мощные флюиды, волны, а затем и лучи, способные поведать о многом.

Милославская опустила на карту руку и приложила максимум усилий для того, чтобы сосредоточиться. В этот момент она не думала ни о чем: ни о своих личных проблемах, ни о деле, которое вела. Единственное, что ее в данный момент интересовало — мысли Гертруды.

Коц же, к неопишуемому удивлению гадалки, очень расчувствовалась и, не находя слов, молча созерцала «переживания» Яны.

Отдача от карты пошла сразу же. Видимо потому, что подвергшись эмоциональному удару, который вряд ли может оставить равнодушной какую-либо женщину, Гертруда не скрывала своих мыслей, тогда как гораздо чаще при работе Милославской с клиентами случалось наоборот.

Яна почувствовала активно идущее от «Чтения» тепло. Она сконцентрировала всю свою внутреннюю силу в одной ладони и в следующую же минуту ее сознание окутало мутное облако, которое

пульсировало, издавая какие-то звуки. В первые секунды Яна не могла их разобрать, но уже вскоре ее мозг читал законченные по смыслу высказывания.

«Эх дура, дура, — мыслила Коц, — нашла где киллеров искать! Да так разве ищут?! И какой же осел ей в такой своей деятельности сознается?! Вот телохранителя, чтобы благоверный тебя со свету раньше времени не сжил, мы организовать можем. А то тоже выдумала — работник особого назначения! Дура! И ведь брешет же чего! Собаку, мол, киллером зовут. А может, и правда так назвала, в отчаяньи-то... Видать, давно, мыслишку вынашивала! Нет, дорогая, наши воды чистые. Мы людей защищаем, а не губим. Знал бы Александр Иваныч, за какими услугами к нам ходить стали, обиделся бы. И почему она вообще сюда приперлась? Ведь наводки всегда на офис даем!»

Облако в этот миг разорвалось, и больше Яна ничего «прочитать» не смогла. Да, собственно, ей и так все было ясно: в спорткомплексе, кроме всего прочего, велась тайная целенаправленная подготовка профессиональных телохранителей. И офис существовал, куда могли обратиться крутые клиенты и где договора с молодчиками заключались. А руководил этим офисом честный и порядочный человек — некий Александр Иваныч.

Милославская чувствовала ужасное недомогание, но все же попыталась открыть глаза, которые до того так и продолжала скрывать под ладонью. Она отняла от головы руку и посмотрела на Коц. По-видимому, в этом взгляде было столько страдания, что Гертруда расчувствовалась еще больше.

Милославская не лицедействовала — это гадание наложило на ее лицо такой отпечаток изможденности. Собеседница же ее во всем внутренне обвинила мужа своей незваной гостью и, чтобы успокоить Яну, из женской, так сказать, солидарности, поведала ей свою историю о молодом любовнике, любовнике-Жигало, который порадовался жизни пару лет за ее счет, а потом и женился на другой, прихватив подаренную Коц квартиру и машину. Отобратить подарки назад было невозможно, так как Гертруда под влиянием чувства оформила все честь по чести — на возлюбленного.

Пока хозяйка заведения рассказывала, Милославская медленно приходила в себя и вскоре была вполне способна говорить и жестикулировать.

— Так что такова наша женская доля, — заявила директор в заключение, — ничего не попишешь. — А козлам этим бог судья! Плохо ли нам и без них? — Гертруда обвела взглядом свой кабинет и улыбнулась,

глядя на гадалку.

Яна невольно последовала взглядом по стенам кабинета. Никакого подтверждения тому, что жизнь Коц была сладка и без молодого любовника на них не было. Стены как стены, ничего особенно. Фотографии воспитанников клуба в деревянных рамочках там и тут...

Милославская вдруг заинтересовалась этими фотографиями и стала приглядываться к ним прищурившись.

— Вот цель моей нынешней жизни! — горделиво заявила Коц. — Сама я далека от спорта, но с некоторых пор занялась именно этим бизнесом. Братец-бизнесмен одну из отраслей своей деятельности в мои руки передал, потому что, по его словам, во мне жилка есть особая, так сказать, капиталистическая. Спорт — благородное дело, я не стала отказываться, тем более, что гонорар солидный...

— Красавцы! — протянула она через некоторое время, видя, что гостя не сводит глаз с одной из самых крупных фотографий. — У нас здесь просто фабрика настоящих мужчин!

Гадалка между тем уже не слушала Гертруду. Одно из лиц показалось ей ужасно знакомым.

ГЛАВА 16

— Интересный молодой человек, — протянула Милославская, указывая пальцем на парня в черной борцовской майке, облокотившегося на плечо своего приятеля, сидящего рядом ниже.

Парни, все как один широко улыбающиеся с этой фотографии, сидели в три ряда, радуясь, очевидно, какой-то спортивной победе. Все они были раздумянившиеся, немного всклоченные и абсолютно счастливые.

Яна, охваченная каким-то азартом воспоминаний, подошла к стене и, вперив палец в фотографию, вопрошала только об одном из них. Внешне он ничем не выделялся среди остальных. Его отличало другое — это был телохранитель Галюси, которого гадалка видела на снимке в кабинете Незнамова.

Да! Это был именно он. Несколько минут терзаемая разными предположениями о том, где Яна могла видеть этого человека, она в конце концов пришла к счастливому заключению.

Эмоции переполняли ее, сердце билось, как сумасшедшее, дыхание стало заметно чаще. Неужели это то, к чему она шла?!

— Что, очень понравился? — хитро прищурившись, протянула Гертруда, заметив волнение гостьи.

— Очень, — торопливо ответила Милославская, не отнимая пальца от фотографии.

Директор заботливо сняла фотографию со стены и, дунув на нее, стала осторожно смахивать осевшую на стекло пыль.

— Хороший мальчик, — приговаривала она. — Для нас — настоящая находка. — Ведь бывает же! Мать — шалава, отец — алкоголик конченный, а дитя — суций клад. Только в киллеры он не годится, — добавила она шепотом.

— Кто мать? Кто отец? — удивленно переспросила гадалка, сев назад в кресло.

— А, — Гертруда безнадежно махнула рукой, — придурки!

Яна продолжала выжидающе молчать, шокированная услышанным, и Коц решила объяснить:

— Маманя его в молодости красивая больно была. Ни один мужик не проходил мимо, чтоб не обернуться. Импотент если только. Ну, ей это льстило. Какое-то время. А потом она искушению поддалась. Понеслась... по кочкам, как говорится... — Гертруда повесила снимок назад и села на

свое место, подперев подбородок обеими руками.

— И что? — требовала гадалка продолжения.

— Что-что-о... Земля кругла. Все тайное на ней становится явным. Муж прознал. Отдубасил по первому разу, по второму тоже. А по третьему горькую пить стал. Повеситься даже пробовал. Бросить ее не мог, потому что любил больно. И достаются же мужики таким стервам! — Гертруда разгоряченно махнула рукой и потянулась опять за сигаретой.

Щелкнув зажигалкой, она продолжила:

— Мать гуляет, отец пьет, чуть было не пропал пацан, да хорошие люди его к нам привели. Увлёкся он спортом-то на свое счастье. Стал на Россию ездить, потом на Союз... А-то наркоманом точно бы стал. Много сейчас таких. Она и мамаша-то потом на грудь принимать стала. И красоты былой уж нет давно, а все мотается, будь она не ладна. И чем она их берет? — выпуская струйку дыма, Коц удивленно пожала плечами.

Яна молчала, не в силах сразу уложить всю информацию в своей голове. Сотни догадок кружились в ее сознании.

— А он, Вадим-то, — Гертруда кивнула на фотографию, — мальчишка такой доверчивый. Это он мне про все рассказал.

— А где же он сейчас? — несмело спросила гадалка.

— Да что-то не приходит несколько дней тренироваться. Приболел, может. Хоть бы позвонил... Да ведь они все, взрослея, начинают о нас забывать, — как-то по-старушечьи заключила директор.

— М-м-м, — якобы понимающе протянула Милославская, которая в том момент думала о том, что ей пора убираться.

Информацию о телохранителе Галюси она получила довольно исчерпывающую. Во всяком случае, более обстоятельные расспросы вызвали бы у Гертруды подозрение.

— Ну что ж, — сказала она приподнимаясь, — простите, что напрасно отняла у вас столько времени. Придется, видимо, мне остаться наедине со своей бедой.

Гертруда развела руками, дав понять, что ничем Милославской в данной ситуации помочь не может.

Молча кивнув головой в знак прощания и уцепив собаку за болтавшийся по полу поводок, гадалка поспешила оставить кабинет Гертруды и зашагала по коридорам, едва не заблудившись в них. Ей пару раз встретились какие-то мужчины, но она не замечала их, так как полностью была поглощена своими мыслями.

Предыдущее гадание настоятельно рекомендовало ей задуматься над словом «Самсон». Яна задумалась. Она нашла того «Самсона», который ей

был нужен. Конец этой цепочки — Галюсин телохранитель. А дальше что? Она и до этого знала, что он существовал, знала от Дмитрия Германовича. Да, телохранитель существовал и исчез вместе с незнамовской дочкой.

Так-то оно так, но два гадания не могли забирать у Яны энергию только ради этого. Карты определенно заставляли ее подумать о Галином телохранителе. Милославская думает. И что? Она узнает, что он просто хороший парень, сам строящий свою жизнь, можно сказать, образец для подражания.

Может быть, карты пытались сказать о том, что именно Вадим — немаловажное звено во всей этой истории и что именно он стал причиной Галиного исчезновения, или же они намекали, что телохранитель ее в итоге спасет от недоброжелателей Дмитрия Германовича?

Догадки терзали Милославскую, и каждая из них требовала каких-то доказательств, доводов, а их у нее не имелось. Необходимо было действовать дальше. Но как? Да и сил на тот момент у гадалки не было. После «Чтения» она чувствовала себя абсолютно разбитой.

Когда она вышла на улицу, первый же глоток чистого воздуха вскружил ей голову и заставил, пошатнувшись, облокотиться о холодную серую стену.

— Вам плохо? — спросил, наклонившись к ее лицу, проходящий мимо мужчина, ростом на полголовы ниже Милославской, но очень плотный, коренастый.

— Нет, спасибо, — проводя рукой по рассыпавшимся волосам, ответила гадалка и слегка потянула за поводок ставшую рычать собаку.

— А может быть, все-таки в медпункт обратиться? Это здесь, рядом, — незнакомец указал на вход в клуб, не обращая на Джемму абсолютно никакого внимания.

— Нет-нет, — торопливо заговорила Милославская, которой, наоборот, не терпелось поскорее распрощаться с этим заведением, — это привычное состояние.

Незнакомец подозрительно скривил губы, удивленно пожал плечами и вошел внутрь, неожиданно громко хлопнув дверью.

— Наверное, он подумал, что я пьяная, — усмехнувшись, пробормотала Яна и тихонько пошла по направлению к дороге.

Ее жгло желание добраться до истины, но гораздо сильнее в тот момент она хотела просто отдохнуть, распластаться на своей кровати в одном неглиже и забыться на часок-другой в сладком сне. Первое было на уровне разума, а второе — на уровне чувств, которые душили голос мозга, не желавшего понимать, что Милославская в таком состоянии все равно ни

на что не способна.

Вольготно расположившись на заднем сиденье такси, Яна почувствовала расслабление, и уже через какие-то пять минут ей пришлось всеми силами бороться со сном, который смыкал веки. Джемма улеглась ей прямо на ноги, и это привычное ощущение чего-то домашнего и родного еще больше усилило ее сонное состояние. В какой-то полудреме Милославская думала о том, что ей не помешала бы чашечка любимого кофе под сигаретку.

Она договорилась с водителем, что тот доставит ее прямо до калитки, поэтому выйдя из такси, она уже в следующую минуту поворачивала ключи в знакомой замочной скважине. Джемма рывками в сторону и томными взглядами умоляла гадалку прогуляться до излюбленного пустыря, где собака могла бы предаться своим буйным играм и бегу, но Яна на этот раз была непреклонна. Гадание выжало из нее все соки.

Войдя в дом и с удовольствием избавившись от теснившей отекавшие ноги обуви, она порадовала собаку очередной порцией «Чаппи» и, на ходу расстегивая одежду, в предвкушении сладкого сна, побрела в спальню.

Оставшись в одном белье, в котором Милославская среди прочих предпочитала белый цвет, выгодно оттенявший ее смуглость и смоляной блеск волос, гадалка задернула шторы и стала лениво причесывать волосы, глядясь в зеркало.

Яна увидела на своем лице какой-то неприглядный отпечаток усталости, измученности и даже изношенности, и ей во что бы то ни стало захотелось от него избавиться.

— В душ! — скомандовала гадалка самой себе и, небрежно бросив расческу, засемила в ванную.

Теплые упругие струи своими волшебными прикосновениями смывали напряжение, овладевшее Яной после гадания, и через несколько минут, заматываясь в большое махровое полотенце, она уже могла вздохнуть с истинным облегчением.

Воздух спальни, показавшийся ей после влажной и душистой ванны очень свежим и прохладным, приятно обволок все существо гадалки и только теперь с настоящим наслаждением она плюхнулась на кровать, забыв привести в порядок волосы.

Сначала на коже, стянутой от воды и не увлажненной привычным кремом, ощущалось покалывание, мешавшее найти удобную для отдыха позу, но потом, как это обычно бывает, незаметно настал момент, когда все это куда-то улетучилось.

Наступивший сон был сладким, но, судя по всему, очень неглубоким:

разные видения, одно нелепее другого, сменяли друг друга. То Яне снилось, что неизвестное лицо сдает в аренду ее дом, и она ничего не может с этим поделать, хотя ей самой некуда деться. Милославская нервничает, злится, произносит бранные слова, которыми на яву никогда не пользовалась. То ей виделось, что она умеет летать, невысоко, но все-таки летает. Без крыльев, просто взмахивает руками, делает усилие воли и летит. А люди снизу удивляются этому, радуются, а некоторые завидуют.

То вдруг ей стало сниться небольшое сельцо, по которому ночью ходит сонный сторож и постукивает своей колотушкой в разные ворота. Он вдруг останавливается у ее ворот и колотит в них дольше, чем в другие. Джемма лает, а он все рано стучит. Яна, якобы, встает с постели, отдергивает занавеску и жестом дает знать сторожу, чтобы тот уходил. Сторож отступает, но как только Милославская ложится, стук повторяется опять. Гадалка сердится все больше и больше и наконец... просыпается.

Не совсем еще расставшись со сном, гадалка стала растерянно оглядываться по сторонам и через несколько секунд уловила, что настойчивый стук раздается на самом деле. Она прислушалась: щеколда звенела, ударяясь о задвижку раз за разом.

Яна вскочила на ноги. Кровь сразу резко прилила к голове и гадалка пошатнулась, закрыв глаза. Джемма, услышав, что хозяйка встала, вбежала в комнату и стала лаять еще громче, повернувшись к окну, выходящему на улицу.

Гадалка, почему-то на цыпочках, засеменила к окну и, слегка отодвинув шторку, посмотрела на улицу. У калитки стоял высокий молодой человек и настойчиво дергал за щеколду. Яне он совершенно не был знаком.

На шаг отойдя назад, Милославская задумалась. Надо было что-то делать. Шум от ударов железяки и лая Джеммы стоял такой, что вскоре должны были переполошиться все соседи. «Открою,» — подумала гадалка и направилась к двери. Потом она вдруг вспомнила, что не причесалась перед сном и снова остановилась. Ее мокрые волосы уже высохли и теперь представляли собой нечто, похожее на гнездо.

— Нет, в таком виде к клиентам не выходят, — пробормотала Яна, почесывая в растерянности у виска.

Именно за нового клиента приняла она этого парня, надо сказать, довольно солидной внешности. Кому еще гадалка могла так остро понадобиться? Обычно только те, кто остро нуждался в слугах экстрасенса прилетали сюда в таком возбужденном состоянии и умоляли о помощи.

Не зная еще, как добраться до финала этого дела, Милославская,

естественно, не помышляла о другом, но просто молчанием на такую настойчивость она ответить тоже не могла. Вновь подойдя к окну и отдернув занавеску, Яна довольно сильно постучала по стеклу. Незнакомец оставил щеколду и посмотрел в ее сторону. Гадалка кивнула головой, дав понять, что сейчас откроет. Парень понимающе махнул рукой, вполне готовый ожидать этого.

Последнее Милославской показалось странным. Еще недавно можно было подумать, что гость вот-вот разнесет ворота.

Впрочем, размышлять над этим было некогда. Женщина накинула халат и, на ходу приводя в порядок волосы, направилась к двери. Джемма уже не лаяла, но и вряд ли была готова показать свое гостеприимство. Настойчивость незваного гостя не на шутку разозлила ее. Она, высунув язык и задиристо повиливая хвостом, следовала за хозяйкой.

Услышав, что отодвигается засов, незнакомец неловко кашлянул. Яна заправила за ухо упавшую на лицо прядь волос и распахнула калитку. Парень смотрел на нее в упор, крест-накрест сложив на животе руки и слегка нахмурив на редкость густые брови, темно-русые, кое-где с рыжиной. Его большие светло-серые глаза с примесью какой-то болотной зелени не таили в себе никакого зла и агрессии и только поза выдавала некоторую претензию, которую тот определенно имел к Милославской и еще пару минут назад заявлял в форме непрекращающегося стука, не пряча ее в тайниках души.

Яна более пристально осмотрела молодого человека и окончательно пришла к выводу, что никогда прежде не встречалась с ним.

— Яна э-э-э-э....? — протянул тот, очевидно, забыв фамилию или отчество гадалки.

— Угу, — интонацией выражая недовольство, вызванное столь продолжительным грохотом щеколды, протянула Милославская, — Она самая. Яна Борисовна Милославская.

— Я Стас Никитин.

Гадалка продолжала смотреть на своего гостя с лицом, полным недоумения.

Молодой человек понял, что представился недостаточно полно и продолжил:

— Я жених Галины Незнамовой.

Если бы гадалке было куда упасть, она непременно бы села. Распластаться в районе старой полуразрушенной собачьей будки ей никак не хотелось, поэтому на уровне подсознания она приняла решение удержаться на ногах. Чего-чего, а такого она никак не предполагала

услышать.

Не в силах что-либо сказать, Милославская молча ртом ловила воздух. Если бы это было возможно озвучить то вышло бы «А-э-а-о-у...» и не более.

— Я пришел с вами поговорить, — с какой-то глупой оправдательной интонацией протянул Стас.

— Простите, — прошипела гадалка, — я не ослышалась? Ж-ж-жених...?

— Ну да, — горделиво буркнул Стас, снова сдвинув брови.

Пытаясь переварить услышанное, Яна стояла на своем прежнем месте, слегка облокотившись на калитку. Джемма с любопытством посматривала на незнакомца.

— Хотел бы поговорить, — испытывая некоторую неловкость, но все же не без настойчивости повторил Никитин.

— Да-да, — скороговоркой ответила Милославская и пошире открыла калитку, пропуская гостя вперед.

Тот шагнул во двор и, очутившись внутри, осмотрел его, надо сказать, довольно критически. «Голубая кровь!» — заметила про себя гадалка, нисколько не обидевшись.

Впустив гостя в дом, она проводила его в свой кабинет и, извинившись, удалилась, решив, что халат — не вполне подходящий наряд для такого приема.

Джемма уселась в дверном проеме и ревностно наблюдала за гостем, рыкнув для устрашения.

Никитин, оставшись наедине с самим собой, стал с интересом м изучать интерьер Яниного кабинета. Им он был более доволен, нежели двором, до полного благоустройства которого у Милославской никак не доходили руки.

Здесь все было необычно, нестандартно, а потому и было что разглядывать. Комфортная обстановка комнат, к которой Стас привык с самого детства и которая окружала его и дома, и в гостях у друзей и близких, тем не менее была настолько штамповой, похожей на множество других, что, оказавшись тут, он был не на шутку удивлен. Ведь, покупая всякие дорогие прибабасы и мебель, никто из его окружения все же не смог превзойти в уюте и изысканности обстановки какую-то там гадалку, которая с первого взгляда не произвела на самого Стаса абсолютно никакого впечатления.

Никитин повертел в руках статуэтку египетский кошки, не оставлявшую равнодушным никого из гостей Милославской, потрогал на

ощупь ковер с катренами Нострадамуса и пришел к выводу, что у гадалки все устроено «неслабо».

— Кофе? — облачаясь в спортивный костюм, который не надо было гладить, крикнула Яна из своей комнаты.

— Можно. Только я суррогат не пью, — деловито ответил Стас.

— Я вам его и не предлагаю, — произнесла гадалка, показавшись в дверях кабинета. — С сахаром? Без?

— С сахаром и со сливками, — подняв вверх указательный палец протянул гость, довольный такой обходительностью.

Милославская подумала про себя, что от скромности Никитин вряд ли умрет, но вслух ничего не сказала и отправилась на кухню, не зная точно, есть ли среди ее запасов сливки, которые она никогда не добавляла в кофе и держала исключительно для гостей.

Через несколько минут она вкатила в кабинет небольшой столик, на котором дымились две чашки кофе, одна с черным, другая — с забеленным сливками.

Пока гадалка корпела над приготовлением напитка, она удивлялась тому, что Незнамов и словом не обмолвился ни о каком женихе своей дочери. «Чего тут скрывать? — думала Милославская. — Галя уже вполне взрослая. Да и судя по всему отношения у них вполне четко обозначенные. Он говорит о ней как муж...»

В следующую минуту она удивилась тому, что так называемый жених только теперь заявил о себе, несмотря на то, что поиски Галюси продолжаются уже не первый день. «Может быть, их отношения замешаны и не на любви вовсе? — думалось ей. — Тогда, конечно, гори оно огнем... Хотя... Нет Галюси — нет и выгодной партии... Странно все это!»

В одно из мгновений гадалкой вообще овладел испуг, и она подумала, что к ней явился тип уж слишком подозрительный. Ее успокоило вначале то, что Джемма рядом, а потом то, что Стас имел все шансы расправиться с ней уже в течение пятнадцати минут и, если б хотел это сделать, не сидел бы и не ждал кофе.

В конце концов напиток был готов, и Яна остановилась на том, что при беседе все выяснится само собой.

Она подкатила столик к Никитину, и сама уселась по правую сторону от него. Не дожидаясь приглашения, гость сразу потянулся к чашке, постукивая пальцами другой руки по поверхности столика.

— Итак, — начала гадалка. — Итак, вы..., — она замялась, не зная, как продолжить.

— Жених пропавшей, — прихлебнув из чашки, вставил Стас. — Я

пришел узнать, как идут дела.

— Чьи дела? — неожиданно для самой себя спросила Милославская.

— Ну, расследование, — последнее слово Никитин употребил явно против собственного желания.

— Так, стоп, стоп, стоп! — воскликнула Яна, подняв вверх правую ладонь. — Давайте вначале разберемся с женихом.

— С каким женихом? — Стас поперхнулся, поставил чашку на столик и оглянулся.

— Ну с вами, — пояснила гадалка, вытирая салфеткой расплескавшийся кофе.

— А-а-а, — протянул гость, — а я-то уж думал, — Никитин ослабил узел галстука.

— Что вы думали? — прищурившись, тихо спросила Милославская.

— Думал, какой-нибудь еще жених объявился, — без ложных отговорок ответил парень.

— В моем понятии жених, — задумчиво протянула Яна, — это тот, кто с девушкой помолвлен, практически женат на ней, ну, свадьба там назначена... Как же в такой ситуации другой может появиться?

— Ну, не знаю, вы так как-то сказали просто.

Гадалке все больше начинало казаться, что насчет жениха ее гость лукавит. Не было в его глазах той живой искорки, какая бывает обычно у тех, кто готовится к браку и у тех, кто взаимно влюблен. Ведь они особенные становятся какие-то, светятся все, в толпе их замечаешь... А этот свалился как снег на голову и, хотя Милославская лично не знала Галюсю, Никитин казался ей слишком чужим для незнамовской дочки.

— А почему мысль справиться о расследовании посетила вас только теперь? Вчера, например, вам было на это наплевать? — напрямую спросила гадалка.

— Да что вы?! — воскликнул вдруг гость, полный возмущения.

— А что же тогда? — не отступала Яна.

— Я в городе не был и обо всем узнал по телефону от Дмитрия Германовича. В тот самый день, когда Галюся исчезла. Рвануть, конечно, хотел сразу в аэропорт. Но Незнамов запретил.

— Запретил? — удивилась Милославская.

— Да, — опустив глаза ответил Стас.

Гадалке все начинало казаться виртуозно сыгранной комедией.

— Вы что же своей воли не имеете? Не имеете права распоряжаться самим собой? — спросила она.

— В некотором роде. Я работаю на Дмитрия Германовича. Летал В

Читу по его приказу, выполнял важное производственное поручение. Бросить все в тот момент — означало завалить крупнейшую сделку.

— Для вас, простите, эта сделка важнее Гали?

— Нет, — огрызнулся Никитин, — но шеф сказал, что решит все без меня. Я не думал, что все так серьезно. Прилетел сегодня, а тут такое... Стал вас разыскивать. Телефон молчит. Решил так найти. Терпения не было ждать у трубки.

— Да, с терпением у вас явные проблемы, — сказала гадалка, вспомнив, как Никитин колотил в калитку.

— А что же Незнамов не соизволил вас сопровождать? Не помешало бы представить жениха дочери так, как полагается. Избавились бы от лишних вопросов, подозрений...

— Подозрений? — Стас испуганно поднял глаза.

— Да, честно говоря, на роль жениха вы не очень-то... — не стала лгать гадалка.

— Незнамов считает иначе, — не без сарказма ответил гость.

— Ну так что же он?

— Он пьяный в ж... Извините, чуть не вырвалось.

— Вот как, значит, решает вопросы Дмитрий Германович. Забавно. Мне он показался серьезным человеком.

— Запьешь тут пожалуй, — не согласился Стас.

— Ну, может быть, еще и нам с вами нахрюкаться для солидарности? — иронично заявила Яна. — Этим делу-то не поможешь...

— Не поможешь... — вздохнув и кивая, повторил Никитин.

— Ну так как дела? — спросил Стас секундой позже.

— Странно, странно... — не отвечая на вопрос, протянула Милославская.

— Что?

— Не могу понять, почему Незнамов даже намеком не упомянул мне о вас?!

— Разве до меня ему в этой ситуации!

— Но ведь вы почти родственники!

— Разве это важно?

— В расследовании важна всякая деталь, всякая мелочь!

— В расследовании? — ухмыльнулся Никитин. — Как в ментовке что ли?

— Еще важнее!

Стас махнул рукой, давая понять, что все это несерьезно.

— Отмахиваетесь? Но вот пришли же, именно ко мне пришли. Значит,

надеетесь, верите.

— А с кем мне еще об этом сейчас говорить? Незнамов отсыпается. Лучше сейчас его не трогать. Да и вряд ли услышишь что-то вразумительное. Вот, — Стас вытащил из кармана незнамовскую записную книжку и показал ее гадалке, — сунул мне блокнот с вашим адресом и телефоном да про карты какие-то плести начал. Вот почти и весь наш разговор.

Увидев вещь Дмитрия Германовича, Милославская невольно прониклась большим доверием к Никитину, но единомышленником все же его никак не ощущала.

— Все же хотелось бы получить от него некое подтверждение, — сказала она и потянулась к телефонной трубке, поставив чашку с недопитым кофе на столик.

Стас вдруг привстал и осторожно, но тем не менее решительно перехватил руку гадалки. Джемма приняла боевую позу.

— Не делайте этого, — спокойно произнес Никитин. — Что вы хотите услышать?

— Несколько слов о ваших с Галей взаимоотношениях, — также не теряя хладнокровия ответила гадалка.

— Я вам отвечу на все, даже на самые неприятные вопросы.

Милославская приняла прежнюю позу. Стас оставил ее руку. Джемма все так же зорко следила за ними.

— Но почему вы против нашего разговора? — решительно произнесла Яна, глядя в упор на Никитина, который крупными глотками принялся допивать кофе.

— Чем быстрее Незнамов придет в себя, тем быстрее мы сможем начать с ним совместную работу по поиску Галюси. Разбуди его сейчас — он еще добавит и тогда точно провалается до утра.

— Вы хорошо знаете привычки своего будущего тестя.

Стас только пожал плечами в ответ на последнюю реплику гадалки.

— Что же вы хотели узнать? — секундой позже спросил он. — Все вплоть до интимных подробностей? — Никитину явно хотелось связвить. — Постельные сцены? Я вас разочарую — их не было.

Яна хотела было пресечь тон Стаса и вообще поставить точку на теме секса. Разумеется, не это ее интересовало. Однако последнее заявление гостя всерьез ее удивило, и она не удержалась от вопроса:

— Не было? На меня Галюся не произвела впечатления девицы, отставшей от жизни. Или папочка так свято оберегал непорочность дочери?

Стас молчал. Яна, не в силах скрыть своего удивления, продолжала:

— Редко в наше время найдешь жениха, с замиранием сердца ожидающего брачной ночи. Нынче для подавляющего большинства новобрачных это пройденный этап. Тем более вашего круга...

— Вы жестоки, — заметил гость, прищурившись.

— Я просто хочу понять, — несколько мягче произнесла гадалка, понимая, что, возможно, перегибает палку.

— Все гораздо проще, — начал Никитин. Весь его вид говорил о том, что эта тема ему крайне неприятна. — Папочка, как вы изволили выразиться, то бишь Дмитрий Германович, прочил меня как жениха для Галюси уже несколько лет. В последнее время — все серьезнее. Девчонка-то подросла.

Яна еще раз окинула своего гостя взглядом. Стас был едва ли младше ее. Может быть, года на два-три. Следовательно, он на порядок превосходил по возрасту Галюсю, поэтому так свысока и назвал ее девчонкой.

Милославская задумалась и о настойчивости Незнамова. Стас, судя по всему, мужчина в жизни определившийся и, раз «папочка» поручал ему осуществление важных сделок, вполне надежный. Партия неплохая. Можно понять Дмитрия Германовича. Достойная ему смена будет.

Никитин, видя, что хозяйка обдумывает что-то, минуту помолчал, а потом продолжил:

— Папочка-то меня рекомендовал, а вот Галька строптивой оказалась, никак не желала высказывать свое расположение. Нет, и все. Рожей, мол, не вышел.

Милославская в очередной раз оценивающе посмотрела на парня.

— По-моему, вы очень даже ничего, — удивленно протянула она.

— По-моему, тоже, — ответил Стас, вздохнув. — Но это проблемы не решило. Она мне фокусы устраивать всякие стала. Однажды на приеме в клубе одном я ей — корзину с розами, — Никитин жестом показал внушительный размер корзины, — а Галюся мне ее на голову. Причем прилюдно. Высечь ее за это Дмитрий Германович хотел, тоже прилюдно, там же, сняв ремень с брюк. Так она выхватила этот ремень и была такова, так что пришлось Незнамову потом всю вечеринку штаны руками поддерживать.

Гадалка не удержалась от улыбки.

— Еще пара подобных выходов, и мы с Дмитрием Германовичем отступили. То есть внешне. Оставить пока ухажерское наступление сговорились. Но в уме-то у Незнамова затея эта крепко засела. Он и меня не больно-то спрашивал, люблю или нет...

— А вы любите? — острожно спросила Мирославская.

— Чем сильнее она меня отшивала, тем больше хотелось ее завоевать, — опустив голову, протянул Стас.

— Может быть, это просто азарт игрока?

— Нет, — удрученно ответил Никитин. Она, рыжая, мне во сне снится...

При последних словах гость так посмотрел на гадалку, что необходимость спрашивать о его чувствах отпала — Мирославская поняла: влюблен безнадежно.

— Поэтому и телохранитель понадобился? — спросила она чуть позже.

— Не поэтому. Положение Незнамов занимает такое. Охрана нужна.

— Но разве вас недостаточно было? Ходили бы тенью за своей возлюбленной. Мужчина вы в теле. Защитили бы, наверное, не хуже...

— Не очень хотелось каждый раз иметь на своей голове что-то вроде той корзины. Да и работа у меня есть, кроме ухаживания-то.

— М-м-м, — протянула Мирославская, скрывая улыбку.

В этот момент ее стали переполнять другие чувства — чувство умиления, любопытства, интереса. Она на какое-то время забыла о тревоге, которая еще совсем недавно терзала ее, о тяжести и боли, камнем опустившихся ей на сердце. Мир этой, хотя и безответной любви, был так безнадежно прекрасен...

— А вы уже знаете о телохранителе? — спросил вдруг Стас.

— Знаю. Кстати, почему Дмитрий Германович взял на работу парня из такой семьи? У него ведь наверняка был выбор получше.

— Вы и об этом знаете? Незнамов сам рассказал? Странно, он не любил говорить об этом, — затараторил Стас.

— Нет, Дмитрий Германович ничего не говорил. Я до этого дошла сама. Ведя расследование.

— Серье-озно, — признавая состоятельность гадалки, протянул Никитин.

— Ну так почему Незнамов сделал такой выбор? Принимая во внимание навыки его прежней профессии, он не мог не знать о родителях Вадима. Едва ли он не выворачивает наизнанку подноготную каждого своего сотрудника.

— Вы не ошибаетесь, — ответил Стас. — Выбор Дмитрия Германовича был вполне осозанным и проверенным. Незнамов обратился в соответствующее агентство и просил подобрать кадры получше. В профессиональном плане, разумеется. Ну, сильные там, ловкие, с пушкой

чтоб обращаться умели и так далее. Потом он лично проверил всех претендентов на предмет физической силы. Приемчики кое-какие коронные в его памяти еще остались. Их и применял.

Гадалка с трудом представила толстого и неповоротливого Незнамова в роли борца.

— Умение обращаться с оружием проверил, — продолжал Никитин. — Ну, а потом.... потом сделал свой выбор. На прошлое телохранителя ему было плевать.

— Он предпочел опереться на настоящее... — задумчиво протянула гадалка.

— Угу, — в ответ промычал ее гость.

— Ну а вам-то он как, Вадим этот?

— Телохранитель как телохранитель... — Никитин пожал плечами.

— Понятно, — безнадежно произнесла Милославская и потянулась за сигаретой.

— Можно я тоже? — спросил Никитин.

— Можно, — ответила гадалка.

Несколько минут после этого оба они молчали.

ГЛАВА 17

— Расскажите мне все о расследовании, — надавливая на остаток сигареты, упершийся в дно пепельницы, попросил Стас.

Не видя причин что-то утаивать, Яна поведала Никитину все от самого начала до конца, с того самого момента, когда к ей явился Незнамов и до того, как она, обессиленная, упала на постель.

— Не густо, — скептически произнес Стас, оценивая конечный итог.

Наверное, Милославская расценила бы это как камень брошенный в ее огород, однако она чувствовала пробудившееся доверие со стороны Никитина. Он не иронизировал по поводу карт, не насмехался, а просто верил и надеялся, хотя результат его и не удовлетворил. По крайней мере, гадалке не пришлось убеждать его в действенности и проверенности ее методов, и уже это было большим плюсом.

— Теперь следует возвращаться вокруг личности Вадима, — заключила Милославская.

— Да, пожалуй, — поддержал ее Стас. — И зачем он им понадобился? Ведь за душой у него ни копыя! Да и постоять некому! На самом деле, он в этой истории персон Икс.

Яну радовало такое единомыслие, и она невольно улыбалась.

— Пожалуйста, держите меня в курсе дела, — заключил Стас, по-видимому собираясь уйти.

— Вы уходите? — спросила гадалка.

— Нет смысла вас больше задерживать.

— Как вас найти, если что? — обратилась к гостю Яна, приготовив записную книжку.

— Просто, — пожав плечами, ответил Никитин, — я теперь у Незнамовых буду. Шефа нельзя одного бросать, — гость звякнул перед гадалкой связкой ключей.

Милославская очень удивилась, подумав, что Дмитрий Германович наверняка очень доверял этому человеку, раз отважился позволить ему проживание в стенах собственного дома.

— Позвольте, — неожиданно вкрадчиво произнес Никитин, — еще раз рассмотреть вот эту штуковину, — Стас положил ключи на кресло, немного в стороне от себя, и потянулся к египетской кошке.

Яна принялась рассказывать гостю об истории появления статуэтки в ее доме. Стас завистливо смотрел на фигурку и внимательно слушал

гадалку.

— Ладно, пойду я, — сказал он. — Может, попытаюсь еще своих ребят к делу подключить. Хотя шеф, наверное, все эти варианты испробовал...

Никитин пожал плечами и направился к выходу. Милославская пошла его провожать. Джемма, видя, что между ее хозяйкой и гостем все в норме, решила не путаться под ногами и лишь лениво глянула на них.

— Вы на такси? — не сдержав любопытства, спросила гадалка, остановившись у калитки.

— Да. Я с горя вместе с шефом опрокинул сто грамм. Не стал за руль садиться. От греха подальше...

— Береженого бог бережет, — заметила Милославская и на том распрощалась со своим незванным посетителем.

Задвинув засов, Яна остановилась в задумчивости. Если бы ее в тот момент спросили, о чем она размышляет, вряд ли бы она смогла ответить. Сумбурный рой мыслей копошился в голове: о Незнамове, о Галюсе, о Вадиме, о Стасе, о галстукке Стаса, на который он где-то посадил пятно, о Дмитрие Германовиче в роли борца... Процесс обдумывания этого не был анализом. Просто думалось и все.

Яна пришла в себя в тот самый момент, когда мозг стал твердить ей о том, что гладиолусы на небольшой клумбе, разбитой в ее дворе, просто стонут от засухи. На самом деле, в течение этих нескольких дней бешеной гонки за Галюсей Незнамовой любимая гадалкина грядка пришла в полное запустение. Цветы обронили многие соцветия, которые при хорошем уходе вполне могли бы продержаться еще пару дней, земля уродливо потрескалась, листья пожухли.

Вздохнув и мысленно отругав себя за нерадивость, Милославская взялась за лейку, вода в которой уже позеленела и за день нагрелась до температуры парного молока, и стала заботливо обхаживать растения, всегда вызывающие у нее особый трепет. Она восхищалась ими, умилялась их красоте, пыталась даже разгадать загадку сотворения мира и всегда после таких садоводческих работ чувствовала прилив душевных сил.

Джемма, очевидно, дивясь непонятной для нее хозяйской радости, решила заняться своим делом: водила носом вокруг клумбы, пытаясь отыскать, где она в последний раз совершила метку территории, и пометить ее еще раз.

— Вот так-так... — протянула, глядя на любимицу, Яна Борисовна, продолжая при этом думать о своем, — жених объявился! Чего не ждали, того не ждали... и представился-то как — жених! Не парень, не молодой человек, а именно жених! Видно там и вправду все так серьезно.

Вслед за этим гадалка снова наполнила лейку, опустив в нее конец прозрачного зеленого шланга, отряхнула руки, успокоившись тем, что завтра снова сможет побаловать свои цветочки отстоявшейся теплой водой и позвала Джемму в дом.

Переступив его порог, она задумалась о том, что, однако, одного кофе для этого часу дня маловато и вознамерилась совершить ревизию в холодильнике в поисках чего-нибудь съестного или пригодного для приготовления мало-мальски симпатичного ей блюда.

— Прежде порядок наведу, — пояснила она самой себе и отправилась в спальню, где наскоро заправила постель и определила брошенный на пол халат на место.

Затем она зашагала в кабинет, чтобы освободить столик от грязных чашек, которые следовало сразу же вымыть во избежание образования темно-коричневых неприглядных пятен.

Египетская кошка сиротливо стояла на этом столике, и гадалке захотелось поскорее вернуть ее на прежнее место — человек, живущий в одиночестве, очень прихотлив в этом отношении в отличие от того, в чьем доме не прекращается семейная суета.

Затем Милославская попыталась придвинуть кресло немного к стене — что-то блеснуло между подушкой кресла и его боковинкой. Яна наклонилась — ключи, которыми Никитин не более получаса назад похвалялся перед ней, завалились в щель. Гадалка машинально стала прокручивать в голове недавний разговор. Да, парень клал ключи на краешек кресла. Вероятно, в тот момент, когда он потянулся за статуэткой, они почти бесшумно соскользнули в сторону, и не поймав их в последующие мгновенья в поле зрения, обеспокоенный всем происходящим и потому очень рассеянный, Стас просто-напросто забыл о них.

— Стас! Ста-а... — крикнула Яна и, оборвав крик на полуслове, замолчала, поняв, что Никитин в этот момент уже далеко от ее дома.

Поднявшись с корточек, гадалка застыла с немного вытянутой вперед рукой, пальцы которой, помимо ее воли, широко растопырились. Она медленно поднесла вторую ладонь ко рту и, прикрыв его, тихо ахнула.

Пальцы стали медленно сжиматься, и уже через пару секунд гадалка прижала никитинские ключи к самой груди как нечто святое. Какие чувства владели ею в этот момент? Наверное, искушение. Такое сильное, какого Яна еще никогда не испытывала. Пробраться тайно в чужой дом... Увидеть, скорее, почувствовать то, что скрывал его хозяин... Побывать в комнате Галюси... Чушь! Глупость! Сумасбродство!

Сумасбродство? Но Милославской хотелось этого как ничего и никогда.

В душе ее вдруг заговорили две Яны Борисовны: одна хмурилась и утверждала, что все это нехорошо и что если очень хочется покопаться в вещах Галюси, следует попросить разрешения у Дмитрия Германовича; вторая саркастически усмеялась и намекала на то, что Незнамов какие-то вещи скрывает, раз о женихе не захотел рассказать, и что у него есть повод не пускать гадалку в дом для его подробного осмотра.

По своей природе Милославская ближе была к той первой Яне, благоразумной, рассудительной, глубоко порядочной, но теперь в ней словно проснулась та озорная девчонка, которую усыпили еще в раннем детстве непрекращающиеся нравоучения родителей.

Через минуту она уже успокаивала себя тем, что нужно совершить это зло во имя благополучного завершения дела, что интуиция зовет ее туда, что это меньшее из зол, способных стать увенчанием расследования.

Выстроив такого рода длинную-длинную логическую цепочку, гадалка в конце концов полностью перешла на сторону второй Яны. Может быть, и не напрасно, ведь интуиция, действительно, практически никогда ее не подводила.

Проникнуть в дом. Но как это сделать? Как все устроить, чтобы не наткнуться ни на Никитина, ни на его будущего тестя? Над этим следовало поразмышлять и, забравшись на кресло с ногами и по-прежнему сжимая в руках ключи, гадалка принялась за это.

В голове Милославской стали зреть самые невероятные планы, и в один из моментов она остановилась на мысли о том, а что будет, если ее в гостях у Незнамова кто-то застукнет и дело дойдет до милиции. Перспектива не самая радостная. Приятных ощущений в этом случае не предвиделось. Взвесив ситуацию, Яна пришла к выводу, что в этом случае Дмитрий Германович, вероятнее всего, ее поймет, а в случае чего, она попросит покровительства у Руденко.

Червь сомнения, конечно, точил сердце Милославской, но успокаивая себя тем, что клиенты нередко утаивали от нее мелочи, способные положить начало развязке, им же и нужной, она все-таки была готова к действиям.

Желание покашеварить по-домашнему исчезло в мгновение ока. Можно было перехватить по пути в каком-нибудь в кафе, но гадалка решила, что ТАКОЕ совершают только на голодный желудок, и усилием воли подавила в себе все чревоугодные устремления.

Итак, Дмитрий Германович в тот момент почивал в родных пенатах. С

большой попойки, вероятно, крепко. Стас... куда направился он? В дом будущего тестя? Вряд ли в таком эмоциональном напряжении он был способен усидеть на месте и спокойно внимать храпу пьяного и в тот момент совершенно беспомощного Незнамова. Тем более что Никитин, кажется, оговорился о попытках найти помощь у друзей...

Так раздумывала Яна Борисовна. Некоторые фразы она, незаметно для самой себя, произносила вслух, некоторые — комментировала жестами. В итоге план все-таки был мысленно начертан: Милославская, добравшись до окрестностей незнамовского дома, звонит в него по автомату, чтобы убедиться в отсутствии или, по меньшей мере, дееспособности его хозяев. Если вдруг кто-то отвечает на ее звонок — она назначает встречу в офисе, а сама тем временем пробирается в незнамовские палаты. Если трубку никто не поднимает — гадалка действует. Так, по крайней мере, ей на последний момент все виделось. Яна знала, что события вполне могли начать развиваться по другому сценарию. В этом случае она решила действовать по обстоятельствам.

Милославская посмотрела на будильник — до наступления темноты оставалось еще несколько часов. Проникнуть в гости к Незнамову незамеченной было проще в потемках, но сидеть и дожидаться их наступления дома у Яны не было сил. Гораздо более подходящим ей показалось коротание времени в дороге и в процессе нетерпеливого хождения по городским улицам.

Так и не наведя в доме полный порядок, гадалка наскоро собралась, закрыла свою обитель на все имеющиеся замки и поспешила навстречу приключениям. Джемму она взяла с собой, потому что приключения эти могли оказаться остросюжетными.

Вопреки обычаю, на этот раз Милославская никуда не торопилась. У нее не было необходимости в буйном порыве ловить такси, бросаясь под колеса каждому способному тронуться с места транспортному средству, не возникало нужды платить таксующему втридорога, чтобы уломать его превысить скорость хоть чуть-чуть и вытерпеть присутствие Джеммы. В общем, в некотором роде она чувствовала себя свободным человеком и еще... наверное, Иваном Васильевичем, который вдруг поменял профессию.

Лучшего варианта траты недорогого на тот момент времени, чем езда в общественном транспорте, для начала сложно было выдумать, и женщина устремилась на остановку. Вдохнув своеобразный аромат свободы, Яна заняла удобную позицию на скамейке под металлическим сводом и стала дожидаться трамвая, который, к удивлению гадалки, не

заставил себя ждать.

Поднявшись в салон, Милославская облюбовала уголок на задней площадке, где, не доставляя никому неудобств, смогла приютиться не только она, но и ее собака. Сварливые бабульки, наполнившие вагон в течение нескольких остановок в считанные минуты смогли найти пищу для очередной перебранки, так что Яна получила шанс еще и развлечься таким экзотическим манером.

Трамвай двигался не спеша, делая передышки на светофорах, стрелках и остановках, но время в пути пролетело незаметно, а главное — плодотворно: гадалка познакомилась с последними политическими новостями, узнала о среднем размере пенсий, услышала название неведомых ей, а может быть, и медицине болезней, взяла на вооружение несколько острых словечек, которые в ситуации ущемления человеческого достоинства не стыдно было бросить в лицо врагу. В общем, скучать не пришлось.

Сойдя на конечной остановке, гадалка еще раз глянула на часы и взвесила оставшееся до наступления темноты время. В направлении дома Незнамова ей лучше было добираться пешком, а перед этим еще и прогуляться.

— Веди себя прилично! — сказала она Джемме, — Можешь считать, что мы вышли в свет.

Джемме не требовались эти напоминания — вести в обществе она себя и так умела, но такое краткословное общение подбадривало саму Милославскую.

Прогулка по известному любому горожанину Проспекту Гуляний на этот раз не доставила женщине никакого удовольствия, так как она думала о предстоящем деле, ждала его с одновременным трепетом желания и боязнью. Яна, безусловно, замечала новые вывески, мысленно делала комплименты отдельным дамам и мужчинам, судя по всему, недавно посетившим популярные бутики и даже по привычке периодически начинала считать бетонные плитки, которыми был выложен бульвар. Но все равно самой себе она в эти мгновенья не принадлежала.

Не спеша пройдя по улице два раза туда и обратно и поняв, что так можно еще не менее десяти раз прошвырнуться и окончательно свалиться от усталости, она решила ненадолго обосноваться в кафе «Пингвин» и побаловаться фруктовым мороженым с излюбленной шоколадной добавкой. Джемме в эти горестные минуты оставалось только облизываться. Вообще, запах шаурмы, гамбургеров, чебуреков и прочих яств, которым был пропитан насквозь весь Проспект был для бедной, хотя

и регулярно питающейся собаки таким тяжким испытанием, а тут еще мороженое...!

С наслаждением, неторопливо уговорив пару порций разного вида по сто пятьдесят грамм, гадалка запила съеденное стаканом фруктового нектара и заметила, что наконец-то стало смеркаться.

Яна достала визитку, врученную ей Дмитрием Германовичем во время одной из встреч, и еще раз повертела ее перед носом — до дома Незнамова необходимо было пройти не менее трех кварталов. Милославская побрела по улице, как бы между прочим разглядывая нехитрые товары на стоящих почти через каждые пять метров лотках. Здесь же она купила небольшой фонарик, который ей определенно должен был пригодиться в ближайшее же время.

Наконец наступило подходящее время. Гадалка незадолго до этого заприметила на углу одной многоэтажки таксофон и, набравшись уверенности, к нему направилась.

По телу экстрасенса побежали мурашки. Сложно было бороться с нарастающим волнением. Готовясь к бою и не вполне владея собой, Яна по привычке набрала номер незнамовского офиса. В тот момент, когда она это осознала, Милославская хотела бросить трубку, но узнала на обратном ее конце знакомый голос — голос Никитина. Вокруг него шумели. Судя по всему, Стасу было чем заняться и с кем поделиться переживаниями. Это гадалку очень обрадовало, а то, что, к трубочке подошла не Люся, удивило. Она промолчала в ответ на хрипкое «Алло», а потом нажала на клавишу сброса.

Следом, исполнившись большим оптимизмом, она набрала номер домашнего телефона Дмитрия Германовича. Долгие гудки были единственным ответом на терпеливое Янино ожидание. Повесив трубку, она не удержалась от того, чтобы не потереть ладони от удовольствия.

Отступив от таксофона на несколько шагов, гадалка вдруг вспомнила о незнамовском сотовом. Напомнив себе, что суеверие — грех и что примета о неблагоприятности любого возвращения назад не всегда сбывается, Милославская снова сняла телефонную трубку.

Она ожидала тех же длинных гудков, однако на нее практически в следующие пять секунд обрушился голос самого Дмитрия Германовича.

— Да, — гаркнул он.

Голос звучал на фоне громкой музыки и людского гомона.

— Да! Да, черт возьми! — прокричал Янин клиент.

Милославская судорожно опустила трубку.

— Не спит! — вслух заключила она.

Но прокрутив эпизод в голове еще раз, пришла к выводу, что Незнамов говорил с нею не из дома. Гадалка сделала несколько мысленных предположений. Более состоятельным из них ей показался вариант о нахождении клиента в каком-нибудь кафе: шум, музыка...

С одной стороны это было хорошо: можно было исследовать незнамовскую берлогу, не опасаясь разбудить хозяина; с другой — плохо, потому что этот самый хозяин в любой момент мог вернуться восвояси.

Раздумывая об этом, Яна медленно брела по тротуару. Вдруг она остановилась и нащупала в своей сумочке заветную связку. Милославская огляделась: тем проходим, что находились невдалеке от гадалки, не было до нее абсолютно никакого дела. Обнаружив неподалеку скамейку, женщина направилась к ней и, присев, стала пристально разглядывать ключи. Они были разные: один больше, один меньше, с различной резьбой и различной конфигурации.

Яна попыталась сделать насчет них кое-какие предположения. Самый большой и несколько неуклюжий ключ, на ее взгляд, вероятнее всего, был от калитки или ворот, а два желтых очень походили на все тайзеровские, поэтому, скорее, открывали двери в сам особняк. Были в связке еще два экземпляра, и Милославская решила, что они от каких-то надворных построек. Оставшись вполне довольной своими выводами, она поднялась со скамейки с несколько большей решимостью, чем ранее, и зашагала в направлении незнамовского дома.

Дом этот практически ничем не отличался от сотен таких же домов, принадлежащих сильному миру сего: энное количество квадратных метров, более одного этажа, дорогой кирпич, высокие заборы и прочее.

Остановившись на тротуаре напротив, Милославская решила оценить ситуацию. Сначала она внимательно осмотрела неширокую пешеходную дорожку, тянущуюся вдоль цепочки особняков. Дорожка пустовала. Только в двух местах были припаркованы автомобили. «Пешеходы здесь редкость,» — подумала про себя гадалка, любуясь роскошностью оставленных машин.

Вдоль тротуара были насажены деревца, не успевшие еще стать высокими. Их наличие тоже порадовало Яну: в тени ветвей силуэт ее становился менее заметным. Ворота незнамовского дома, например, украшали две небольшие, зато раскидистые ивы.

Затем Милославская попыталась оценить местоположение самой улицы. Глухоманью его назвать было нельзя, однако оно являлось закоулком тихим и довольно спокойным. Это также играло в ее пользу: не сновали туда-сюда прохожие, милиция, вероятно, тоже избегала здесь

появляться.

Все, казалось, было готово, и гадалка, пытаясь ступать неторопливо и уверенно пошла к воротам. Ворота крепились к высоченному бетонному забору, а слева от них находилась массивная металлическая калитка, украшенная выпуклыми узорами. Над калиткой красовался домофон, которым гадалка, конечно, не собиралась воспользоваться.

Достав связку, Милославская выбрала самый большой ключ и быстро вставила его в скважину. Он сразу вошел в нее, но повернуться никак не хотел, ни в одну, ни в другую сторону. Яна занервничала и всунула ключ другой стороной — у нее снова ничего не вышло.

Руки гадалки задрожали, ею овладело отчаянье, но тут она вспомнила, что у нее есть и другие ключи, в предназначении которых она просто первоначально ошиблась. Надеясь на интуицию и взывая к ней, Милославская выбрала следующий ключ, втиснула его в отверстие и... замок поддался. Джемма в этот миг, что-то почуяв, тихо зарычала. Яна же, забывшись от радости, неожиданно громко вздохнула с облегчением. Она надавила на калитку и та, тихо скрипнув, отворилась.

Двор незнамовского дома оказался довольно тесным и неудобным: чувствовалось отсутствие женского ухода. Вступив на его территорию, Джемма сразу встала на дыбы и зарычала. Только тут Милославская заметила, что на них с возмущением смотрит угольно-черный ротвейлер, цепь которого к тому моменту была уже угрожающе натянута.

Заслонив собою хозяйку, собака гадалки рванула вперед, оглушительно гавкнув и потянув Милославскую, державшую ее за поводок, за собой. Инстинктивно Яна втянула голову в плечи, подумав, что эта схватка станет концом ее не совершившейся миссии. Однако ротвейлер повел себя неожиданно: взвизгнув раз, он скрылся в своей будке, и даже носа его не было видно. Вероятнее всего, на воспитание собаки, Дмитрию Германовичу не хватало времени.

Вздохнув с облегчением, Яна осторожно прикрыла калитку и зашагала к выложенному темно-серой плиткой крыльцу. В дом вела высокая дубовая дверь с круглой резной ручкой. Милославская внимательно посмотрела на замочную скважину и выбрала подходящий, на ее взгляд ключ. На всякий случай она оглянулась в сторону ротвейлеровской будки, которую оцетинившаяся Джемма по-прежнему держала под прицелом — собака Незнамова так и не давала о себе знать. Видимо, азиатская овчарка произвела на нее сильное впечатление.

Ключ, выбранный гадалкой, к несчастью, не подошел. Пришлось попробовать другой. А вот с ним повезло больше. Только дверь снова не

открылась — чуть ниже был еще один замок.

С замиранием сердца, то и дело оглядываясь, Милославская и для него подобрала подходящий ключ. В следующий момент дверь перед ней распахнулась и изнутри на нее пахнуло табаком и перегаром.

— М-да... — тихо протянула она, поморщившись.

Оказавшись внутри, гадалка решила дверь запереть на ключ. Дмитрий Германович или Никитин, по ее мнению, вполне могли вернуться, а незапертая дверь сразу же вызвала бы их подозрения. В противном же случае Яна затаилась бы где-нибудь в большом особняке, а потом подыскала момент и выбралась бы наружу. Джемма была умной и вряд ли б подвела ее в такой ситуации.

Миновав просторную веранду с высокими потолками, Милославская очутилась перед еще одной дверью, которая, к ее великой радости, хотя и была снабжена замком, оказалась незапертой.

Узкий коридор, оклеенный темно-зелеными обоями, украшало большое круглое зеркало в деревянной резной оправе. Гадалка невольно посмотрелась в него и удивилась своей бледноте. Затем она заметила небольшой листок, аккуратно прикрепленный к оправе. На нем что-то было начеркано крупным размашистым почерком. Не сдержав любопытства да и не собираясь его сдерживать, Милославская достала из сумки фонарик и бросилась читать его.

«ДМИТРИЙ ГЕРМАНОВИЧ! ВСЕ ВЫПОЛНИЛА КАК ОБЫЧНО. В ВАШЕЙ КОМНАТЕ ПОРЯДОК НЕ НАВОДИЛА, БОЯСЬ ВАС РАЗБУДИТЬ. БУДУ ЗАВТРА С УТРА.

ЛЮБОВЬ ПАВЛОВНА.»

Такая запись, по мнению Яны, могла принадлежать только домработнице, про которую она даже не подумала. Радуюсь, что та покинула особняк раньше, чем в него нагрянула она сама, Милославская невольно улыбнулась и в то же время отругала себя за недостаточную осмотрительность.

Милославская, стараясь не терять времени напрасно, стала исследовать особняк, оставив Джемму у порога, чтобы той легче было определить чье-либо приближение и предупредить Яну. Она бродила по комнатам, освещая их фонариком, и осторожно выдвигала ящики шкафов, осматривала их, задвигала обратно, исследовала все полки, тумбочки, шифоньеры, пытаясь ничего при этом не нарушить, чтобы позже хозяин не догадался о наведывании в его дом постороннего.

Здесь не было ничего необычного: посуда, книги, белье, одежда, косметика, бытовые мелочи, аксессуары, ничего не стоящие бумаги,

документы вроде паспорта, свидетельства о рождении, инструкций к теле-, аудио-, видеоаппаратуре и прочего.

Изучив так первый этаж, где наиболее высокую оценку гадалка мысленно поставила интерьеру кухни, она поднялась на второй по широкой деревянной лестнице, отполированной до блеска. Здесь Яна решила исследовать первую же от лестницы комнату, дверь в которую была закрыта.

Милославская потянула вниз извилистую золоченую ручку и после раздавшегося щелчка дверь открылась. В этой комнате, в отличие от всех остальных, было как-то особенно светло. Она была оклеена нежного цвета обоями, похожими на небеса: на светло-голубом фоне красовалось выбитое изображение снежно-белых кучевых облаков, среди которых кое-где виднелись расправившие крылья, тоже белые, птицы. Обои создавали ощущение легкости и волшебства. «Галюся,» — сразу подумала гадалка и, прикрыв за собой дверь, улыбнулась. Здесь ей хотелось побывать больше всего.

ГЛАВА 18

Небольшая картина с изображением подковообразного залива между скал, уютный диванчик с серой флоковой обивкой, этажерка, уставленная разноцветными фиалками в веселеньких керамических горшочках, деревянная «стенка», маленький стульчик, приютившийся в углу — все это было окружено самыми разнообразными, большими и маленькими, яркими и не очень, мягкими игрушками. Зайцы, собаки, медвежата, жирафы и все остальные были в первую очередь забавны и носили на себе печать того озорства и задора, которые, вероятно, были присуще хозяйке этой комнаты.

Незнамов, по-видимому, на самом деле мало интересовался миром своей дочери. Вряд ли бы он выдержал такое. Здесь не ощущалось его некоторой ограниченности и сухости, его власто— и самолюбия. Или же Галюсе удалось переломить его, заставив терпеть ее комнату такой, какой она была.

Пространство над столом было сплошь увешано разными записочками преимущественно в форме сердечек. Их содержание заставляло улыбнуться: «Галюся — хорошая», «Люблю пирожные и съем много. Потолстеть не боюсь. Все толстые — добрые.», и так далее.

Яна на несколько минут присела на диван. Атмосфера, наполнявшая комнату, рождала в ее душе необыкновенные чувства, и в этот момент, как никогда ранее, ей захотелось отыскать Незнамову, живую или...

Милославская привстала и подошла к полкам в стенке, уставленным книгами. Ей захотелось узнать, что читала Галюся. Агата Кристи, Анн и Серж Голон, Конан Дойл, дешевые детективчики неизвестных авторов соседствовали с Пушкиным и энциклопедией лекарственных растений. Судя по всему, дочь Дмитрия Германовича не только не любила читать, но и не имела абсолютно никакого читательского вкуса. Однако, симпатия, родившаяся у Яны по отношению к ней, не стала оттого слабее.

Под книжными полками находились две дверцы, и Милославская, скорее, машинально, приоткрыла одну из них. Там, на верхней их полке стопкой лежали общие тетради. Гадалка взяла первую и, открыв ее посередине, увидела длинные уравнения химических реакций. Яна решила, что все, что тут лежит, относится к учебе, но взгляд ее неожиданно привлекла пестрая тетрадка, размещившаяся в середине стопки.

Гадалка, придерживая остальное, потянула ее на себя. Жесткий переплет и чудесные ромашки на ярко-зеленом фоне на несколько секунд

задержали ее внимание. «Оригинально,» — подумала она и открыла первую страницу.

«Здравствуй, любимый. Да, я не стесняюсь так тебя назвать. Потому что ты этого не видишь, не слышишь, не знаешь... Мое чувство — пока еще тайна, но я ощущаю, что скоро не выдержу и во всем тебе признаюсь. Признаюсь, вопреки всему и всем. Я просто схожу с ума! Мне плевать на то, что будет дальше. Единственное, чего я хочу, — услышать в ответ „да“.

Мне снится, как я касаюсь губ твоих, нежно и трепетно, как глажу твои волосы, целуя их каждым пальцем, как расстегиваю пуговицы на рубашке и кладу голову на твою сильную грудь.

Эти сны преследуют меня. Я просыпаюсь, и с каждым днем мне все труднее становится притворяться. Ты, наверное, и не догадываешься, что происходит в моей душе, называя меня строптивой девчонкой. Я не знаю, почему так веду себя, тогда как на самом деле умираю от любви...»

Милославскую, которая, прочитав первую строчку, не смогла оторваться, словно током пронзило. В висках у нее запульсировало, в горле пересохло. Кажется, это было то, ради чего она сюда пришла. Яна перелистнула страничку. Там печатными буквами разноцветными стержнями было написано стихотворение:

Тихо кружится огромная планета,
Между звезд петляя золотых.
Я жила-была на этом свете
В ожиданьи губ и глаз твоих.
Тихий шелест спелых трав и листьев.
Мы одни с тобой в пустом саду.
Выносив на сердце поцелуи,
Я, крылатая, к тебе иду.

«Вот это да!..» — прошептала гадалка. Это было ничто иное как дневник Галюси. Тетрадь была не подписана, но об этом не составило труда догадаться, потому что к одной из страниц была приклеена маленькая фотография, на которой Незнамова обнимала белого персидского котенка.

В определенный момент Милославской стало стыдно, что она коснулась святая святых — душевных излияний, но она успокоила себя тем, что все это делается во имя благородной цели.

Яна посмотрела на даты, поставленные под первыми записями — они относились именно к тем дням, когда к девушке стал свататься папочкин

избранник и когда в доме Незнамовых появился телохранитель. Странная мысль пронзила сознание гадалки — а кому из них признавалась в своих чувствах Галюся?

Даты, по мнению Яны, исключали возможность того, что здесь мог быть кто-нибудь третий. «Или „жених“ или телохранитель», — мыслила она. «Вот загадка так загадка! По отношению к первому Галюся вела себя очень агрессивно. Но ведь записи говорили о том, что девушка чувствовала одно, а делала совсем другое! О каких-либо, кроме рабочих, отношениях Галюси с телохранителем вообще никто не разу не обмолвился... А может быть, все же кто-то еще?»

Мысль Яны внезапно оборвалась, потому что с первого этажа раздался оглушительный лай. Этот лай смешивался с другим лаем, лаем ротвейлера. Гадалка в первую минуту подумала, что у собаки Дмитрия Германовича, хотя и с солидным опозданием, проснулось чувство долга и собственного достоинства. Милославская прижала к себе тетрадь и подбежала к окну. Увиденное ее не обрадовало.

Ротвейлер, выскочив из будки, бешено рвался вперед. Казалось, цепь вот-вот оборвется. В калитке неожиданно появились двое мужчин. Но это были не Незнамов с Никитиным. Первый из них вдруг бросил что-то собаке, но та никак не среагировала и продолжала неистово лаять. Тогда мужчина, вытащив из-за пояса короткую, но увесистую дубинку, кинулся на пса и нанес ему сразу несколько ударов по голове, которые, как поначалу показалось, никак не изменили его поведения. Однако после очередного побоя собака взвизгнула и потеряла четкость координации движения. В этот момент второй человек подскочил к ней сзади и, вытащив нож, нанес им удар в шею ротвейлера.

Все это происходило в считанные секунды и ввело Яну в состояние ужаса, парализовавшего ее на какое-то время. Когда гадалка поняла, что у ротвейлера нет шансов выжить, она кинулась вниз, чтобы заставить Джемму замолчать. В противном случае «гости» сразу обнаружили бы присутствие в доме кого-то еще. Вряд ли они сразу это ощутили, потому что Джемма находилась за плотной дверью и, кроме того, в соседних дворах тоже поднялся лай.

«Фу!» — отрывисто крикнула Милославская, глядя на овчарку с верхней лестницы. Джемма сразу же подчинилась — замолчала. Но от двери не отошла. Гадалка, торопливо перебирая ногами спустилась вниз, схватила собаку за поводок и оглянулась в поисках укрытия — эти двое вряд ли пришли с миром.

Не успела Милославская определиться, как послышался хруст

взламываемой двери. Калитку она забыла запереть из-за стычки Джеммы с ротвейлером, и гости проникли во двор беспрепятственно. Над входной дверью им, благодаря Яне, пришлось потрудиться, а сама гадалка выиграла время.

Она побежала по коридору и дернула на себя первую же дверную ручку — в санузел. Здесь в отдельном отсеке был туалет, дальше прачка, сушилка, ванная и душевая. Искать что-то более подходящее было поздно — входная дверь с треском отворилась. Милославская заскочила внутрь этой комнаты и, плотно прикрыв дверь, бросилась к душевой, вскоре вместе с Джеммой скрывшись в ее кабине. Сквозь полупрозрачное стекло вполне возможно было при свете разглядеть силуэт гадалки, поэтому она села на корточки и, сжавшись в комок, замерла.

— На верх! — скомандовал один из «гостей» второму, а сам стал исследовать первый этаж, о чем свидетельствовали звуки его тяжелой поступи.

«Грабители! — мелькнуло в голове у гадалки, и она ужаснулась дерзости происходящего. — Средь бела дня!»

Однако тот, кто шагал где-то совсем рядом, вел себя отнюдь не пограбительно. Он заглядывал во все комнаты, и оставлял их тут же, не роясь, как это обычно бывает в вещах.

Вскоре послышались торопливые шаги спускающегося сверху.

— Пусто! — растерянно заявил он.

Второй что-то недовольно буркнул, а потом ненадолго задумался.

— Так... — наконец произнес он. — Вот что — сделаем еще одну попытку. Только теперь смотри везде: и в шкафах, и под кроватями. Может она с перепугу спряталась...

— Да, говорят, не из пугливых девчонка-то...

— Заткнись, осел, и делай, что говорят!

Милославскую вдруг осенило: искали Галюсю! В тот самый момент более воинственный из явившихся стоял у самой двери санузла.

Сердце Яны замерло. Джемма вся напряглась и зарычала, так что гадалке пришлось предупреждающе дернуть ее за ошейник.

«Сыщик» стал насвистывать, делая обстановку еще более накаленной. Он заглянул во все отсеки и вот остановился возле душевой, с любопытством разглядывая дверную ручку причудливой формы.

В этот миг Джемма, почуяв особую опасность, сделала резкий рывок. Яна не сумела удержать ее, и собака с грохотом и лаем вырвалась наружу, ударом тела распахнув дверь.

От дверного толчка «посетитель» отлетел к стене и, ударившись

головой о кафельную стену, на несколько мгновений застыл абсолютно неподвижно, став похожим на искусно вылепленную статую.

Вывалившись в коридор, овчарка готова была разорвать неприятеля на части и наверняка сделала бы это, если бы не скользкий керамический пол, по которому она неожиданно покатила в противоположную сторону, тщетно пытаясь зацепиться за что-нибудь выпущенными когтями. Ударившись о стену, Джемма опрокинулась на бок, а преступник в этот миг, словно озаренный счастливой идеей, рванул к выходу, сделав на ходу предупреждающий выстрел в воздух. Выстрел нисколько не напугал поднявшуюся на ноги собаку, но она в попытке нападения ударила о дверь, которую беглец ловко захлопнул перед самым ее носом.

— Уходим! — в бешенстве закричал он своему напарнику, который, заслышав шум, уже спустился со второго этажа.

— Он че, не сдох что ли? — удивленно на бегу спросил тот, очевидно, имея в виду ротвейлера.

Приятель ничего не ответил и вскоре их удаляющиеся шаги уже были не слышны.

Джемма зло лаяла, царапая когтями дверь и пытаясь толчками распахнуть ее. Однако ей это не удавалось, так как открывалась она в обратную сторону.

Милославская, от быстроты событий совершенно растерявшаяся, продолжала сидеть в углу. Вдруг она подумала, что в любой момент могут вернуться хозяева или, хуже того, нагрянет милиция, вызванная обеспокоенными шумом соседями.

Торопливо сунув в сумку прихваченный дневник, она уцепила Джемму за поводок и на ходу бросив ей слова благодарности за успешный исход, быстрым шагом направилась вслед за незваными гостями.

Во дворе никого не было. Втянув голову в плечи, Яна семенящим шагом миновала двор, а затем перешла на противоположную сторону и направилась вдоль по тротуару в неизвестном направлении. Она знала одно: как можно скорее ей следует убраться подальше от этого места.

Гадалка и не заметила, как оставила позади несколько кварталов и очутилась в небольшом, поросшем липами и березами скверике, освещенном несколькими тусклыми фонарями. Машинально она опустилась на скамейку, где за пышными низкими ветвями одного из деревьев ее почти не было видно, и перевела дыхание. Джемма села рядом, и преданно посмотрела на хозяйку, высунув язык и энергично постукивая хвостом о землю. Милославская потрепала ее по холке, немного пожурив за невыполнение приказа о спокойствии и тут же отблагодарила за то, что

собака ее ослушалась. Ведь в противном случае неизвестно, чем бы все закончилось.

Откинувшись на спинку скамейки, гадалка глубоко вздохнула и задумалась. Что это за люди были и как вообще объяснить цель их поисков? Перебирая в уме разные возможные варианты, Яна сделала вывод, что искали действительно Галюсю, которой, по ее предположению, удалось бежать от похитителей, бросившихся вслед за ней.

Бандиты, как подумала гадалка, не ожидали, что девушка окажется такой ловкой и сможет уйти от них. Теперь же, еще более ожесточившись, они решили во что бы то ни стало найти ее и снова похитить, ибо исчезновение Галюси рушило все их планы насчет Незнамова.

Милославская достала дневник, обложку которого она нечаянно смяла и с каким-то благоговением глянула на него. Затем она еще раз пролистала его странички, пахнущие легкими дорогими духами и остановилась на последней из них, оказавшейся чем-то вроде блокнота с адресами и телефонами, которые, несмотря на плохое освещение, все же можно было разобрать.

— Вот это находка! — не сдержавшись, пробормотала она вслух и стала пристально разглядывать написанное.

Наверняка это были координаты самых близких людей девушки, и гадалка приняла решение во что бы то ни стало сегодня же их разыскать. Вдруг Незнамова сумела как-то с ними связаться? Яне хотелось в этот вечер забыть о существовании правил приличия и, вопреки позднему времени, нагрянуть к каждому из указанных в дневнике четырех приятелей Гали. Попробовать побеседовать по телефону Яне казалось неразумным, так как вряд ли из всего этого мог выйти какой-то толк.

ГЛАВА 19

— Вам кого? — спрашивала, слегка пошатываясь и удивленно глядя на Милославскую, хозяйка квартиры, довольно молодая женщина, одетая по-домашнему: в длинный полосатый шелковый халат и с белой хлопчато-бумажной повязкой на голове.

Она незадолго до этого, определенно, приняла какой-то горячительный напиток: речь ее была развязна, лицо красно, а глаза мутно-веселы.

— Мне Василия, — кашлянув, ответила гадалка.

— Мурзи-ик, — оглядываясь, протянула хозяйка, — это к тебе.

Вскоре на пороге появился высокий широкоплечий парень, короткостриженный и очень симпатичный. Потягиваясь и позевывая одновременно, зажмурил один глаз, он помедлил пару секунд, а потом, как следует разглядев Яну, тоже удивленно спросил:

— А вы кто?...

— О-о-о... — с издевкой протянула его предшественница, стоявшая позади. — Котик водит знакомство с опытными дамами?... Надоели твои свиристелки?

— Пошла ты! — огрызнулся парень и, поняв, что так разговора не получится, пригласил Милославскую войти, нисколько не смущаясь присутствия огромной собаки.

Он сразу же проводил ее в свою маленькую, но очень уютную комнату, увешанную плакатами-фотографиями полуобнаженных девиц, среди которых гадалка почувствовала себя не очень уютно.

— Не обращайтесь на нее внимания, — кивнув на прихожую, сказал Василий, — она просто дура, причем пьяная, а это еще хуже.

«Неужели так о матери?» — подумала Милославская, но тут же решила, что для матери такого верзилы дама слишком молода.

— Мачеха, — видимо, уловив мысли гадалки, пояснил Василий и сдвинул свои густые брови, под которыми практически были не видны его глаза.

— Я знакомая Гали Незнамовой, — произнесла Милославская, считая, что ей уже пора представиться.

— А-а, — понимающе протянул Василий.

Он как-то застенчиво улыбнулся и лицо его просветлело.

— Как она? — подняв брови, спросил он.

— Не знаю, — ответила гадалка не лукавя. — Я хотела у вас об этом

спросить.

— У меня? — брови Василия резко взметнулись вверх. — Я ее уже полгода не видел.

— И не интересовались ее самочувствием? — прищурившись, произнесла Яна.

— Нет, почему, интересовался. Только она меня послала... Сказала, что случившееся было сиюминутным увлечением и что мне лучше об этом забыть... А вы... вы ей за маму тоже что ли будете? — Василий пристально посмотрел на Милославскую. — Она че в бегах?

— В бегах, — тяжело вздохнув, произнесла гадалка и поднялась со своего места, направившись к двери.

Не удерживая ее, Василий тоже поднялся, бормоча на ходу:

— Не-е, ниче о ней не знаю.

Говорить с ним дальше было бесполезно, все итак стало ясно.

— Передавайте привет! — крикнул Василий вслед Яне, спускающейся по лестнице.

— Передам, — тихо ответила она.

Немного расстроившись, Милославская направилась по следующему адресу. Указанная улица находилась недалеко, но гадалка все равно поймала такси, чтобы скоротать время: было уже довольно темно, и ей просто могли отказать в разговоре.

— Пара-ру-рам, — слышалось из-за двери довольное пение, и Яной овладела некоторая надежда на успех.

Через секунду перед ней уже стоял маленький толстый мужчина в цветастом переднике. Он облизывал свои лоснящиеся от жира пальцы и вопросительно глядел на гадалку.

— Беловы? — несколько замявшись, спросила она.

— Му-гу, — ответил толстяк, сглатывая слюни и косясь на Джемму.

— Я по поводу Гали Незнамовой.

— Таня, — крикнул хозяин, — это к тебе.

Милославская не знала имени Галюсиной приятельницы, так как в адресе была указана только фамилия семейства. Слава богу, все сложилось удачно, и вскоре она уже говорила с той самой Таней.

— Я разыскиваю Галюсю, — серьезно произнесла гадалка, как только перед ней предстала девушка.

— Хм, — удивленно пожала та плечами и облокотилась на дверной косяк, — я сама очень бы хотела ее видеть. — Дозвониться не могу... Договаривались в выходные в казино, но она чего-то не явилась...

— Давно это было?

Таня задумалась, закатив глаза, а потом ответила:

— Недели две, нет три назад.

— И больше вы с ней не общались?

— Не-а. Она вообще последнее время мало тусовалась, — девушка звучно щелкнула жвачкой, которую она все это время усердно переминала зубами. — А вы кто?

— Я? Я подруга ее отца, — ответила Милославская и, развернувшись, подошла к лифту.

— Подруга отца?... Вот это новость! — Таня, открыв рот, из которого неожиданно вывалилась жвачка, застыла на месте.

Милославская скрылась за дверями лифта. Такой она эту Таню и запомнила.

Визиты гадалки к другим двум Галюсиным приятелям оказались не более успешными. Знакомые Незнамовой последнее время не видели ее и не имели о ней никаких новостей. Более того, все как один они утверждали, что последнее время Незнамова вообще позабыла своих приятелей. С чем это было связано, никто объяснить не мог. Яне это показалось очень странным.

Устав до боли в ногах и во всем теле и окончательно измотавшись, она, находясь в полной растерянности относительно Незнамовой, отправилась домой.

Давно уже совершенно стемнело и, расплатившись с таксистом и очутившись на улице перед своим домом, гадалка услышала веселую трескотню ночных насекомых, которая всегда поднимала ей настроение. Яна втянула ноздрями напоенный запахом лета воздух и тихонько притворила за собой калитку. Джемма, очевидно, уставшая не меньше самой гадалки, не издавала ни звука и не просилась гулять.

Однако не успела Милославская переступить порог своего жилища, как с улицы послышалось тарахтенье машинного двигателя. «Незнамов!» — мелькнуло у нее в голове.

В самом деле, в первую очередь ей следовало подумать именно о нем, разыскать его, рассказать о случившемся. Но его персону в Янином расследовании невольно отошла на второй план, и она всецело отдалась поискам девушки, забыв, что отчитываться перед клиентом о ходе дел входит в ее непосредственные обязанности.

Яна прекрасно понимала последнее, но принимать сейчас кого-либо у себя ей очень не хотелось.

Джемма подняла лай. Милославская лениво поплелась назад к калитке, удрученно вздыхая на ходу.

— Сейчас, — официально произнесла она, отодвигая засов. — минутку.

С улицы слышалось веселое насвистыванье. «Откуда у него этот оптимизм?» — раздраженно подумала гадалка и распахнула калитку.

— Добрый веч... — начала она и осеклась на полуслове. — Семен Семеныч, — хныкая протянула она. — Ты еще позже не мог заявиться?!

— Вот, значит, как ты теперь друзей встречаешь! — с шутливой сердитостью протянул Руденко. — Я ж не виноват, что тебя днем с огнем не сыщешь!

— Ладно, ладно, хватит бурчать, заходи, — нахмурившись, ответила Яна и пропустила гостя вперед.

Три Семерки, зайдя в дом, как обычно, снял фуражку, попытался пригладить стоявшие торчком волосы и присел на табуретку у кухонного стола, поджав под себя правую ногу и рыская глазами по столу.

Яна задержалась в прихожей, устанавливая раскиданную Руденко обувь в рядок.

— Я, значит, еду порадовать ее новостями, а она... — деловито начал Семен Семеныч, выкрикивая из кухни.

— А она ног под собой не чувствует, — ответила Милославская и направилась в комнату, чтобы переодеться. — Ты хозяйничай там на кухне, я сейчас, — крикнула она из спальни.

В следующий же миг послышалось хлопанье дверц шкафов и холодильника и чирканье спичек. Через минуту на пороге появилась и Яна. Приподняв крышку кастрюли, она, поведя носом, спросила:

— Чего это ты тут?

— Кашу из топора, — ответил Руденко, недовольный гадалкиным провиантом.

— Картошка в «мундире»? — весело произнесла Милославская. — Какая экзотика!

— Я же не виноват, что в твоих шкафах практически ничего, кроме собачьего корма, нет! Мышь и та бы повесилась...

— Да я так, шучу, я очень люблю такую картошку. Как в детстве... Только вот интересно, есть ли у меня подсолнечное масло... — Милославская стала рыскать по шкафам.

— Не надо, — остановил ее Три Семерки, — я свое любимое привез. Купил на работе. Колхозник наш, Полищук, свинью зарезал. Продавал сало по дешевке. Да, боюсь, домой я это лакомство не доведу: на работе уж стрескал половину, — Семен Семеныч выложил на стол высокий шмат с тонкой мясной прослойкой и невольно облизнулся.

— Какой же ты хохол, Сема... — умильно протянула Милославская.

— А кто ж я еще! — без обиды ответил Руденко.

Яна уселась напротив приятеля и закурила.

— Ты вроде сказал, что с новостями прибыл? — не придавая особого значения этому, спросила Милославская.

— Угу, так точно.

— Ну выкладывай, что там у тебя.

— Ты что-то я смотрю остыла к этому. То на глотку наступаешь, а то...

— Прости, Сема, у меня сегодня был сложный день. Позже расскажу.

— Позже? — Три Семерки глянул на подругу недоверчиво. — Ну как хочешь. Тогда слушай меня. Про труп обгоревший еще не забыла?

— Да ты что, Семен Семеныч!

— Девушка в день смерти села в белую «десятку» и куда-то уехала.

— Та обгоревшая?...

— Да, следствие это установило. Сто процентов. Есть несколько свидетелей.

Лицо Милославской сначала выразило радость, которая прямо на глазах вдруг стала с него исчезать. «И что из этого?» — подумала она, но ничего не сказала, чтобы не обидеть Три Семерки.

— Следствие медленно, но продвигается вперед, — заметил Руденко, видя, что не очень-то осчастливил подругу.

— Да-да, безусловно, — равнодушно пробормотала она, а потом, просветлев, торопливо добавила: — Ты посиди минутку, покури, я сейчас.

Закрывшись в своей комнате, Яна вытащила из колоды Джокер и решила попросить у него помощи. Несмотря на то, что энергии в ее теле практически не оставалось, карта откликнулась довольно быстро: сначала по ладони, а потом и по всему организму пошло тепло и вскоре перед гадалкой уже предстала картина... купли-продажи автомобиля.

Не особенно-то разбираясь в заграничных марках, Милославская все же легко уяснила, что продавалась «БМВ». Сделка происходила в каком-то необыкновенно глухом месте, которое ничем не походило на авторынок. Ни лиц, ни слов продавцов-покупателей Яна не смогла рассмотреть и услышать, но то, что в финале этой сделки машина была все же продана, являлось очевидным.

Очнувшись, гадалка усилием воли вернула Джокер в колоду и, посидев еще немного, чтобы набраться сил, появилась наконец перед Руденко. Он что-то напевал себе под нос и длинным тонким ножом разделявал картошку, освобождая ее от кожуры. В глубокой тарелке уже дымилось несколько желтоватых ее половинок, а на небольшом фарфоровом блюде

было красиво уложено тонко нарезанное сало.

— Как в лучших домах Парижа! — воскликнул он, увидев в дверях подругу и подморгнул ей, кивая на блюде.

— Боюсь, в лучших домах Парижа нашего восхищения салом не поняли бы, — пробормотала Яна, но Семени Семеныч, кажется, ее не расслышал, продолжая напевать.

Милославская сделала шаг вперед и пошатнулась.

— Яна! — кинулся к ней Руденко. — Да и ты вправду на ногах еле стоишь! Не-ет, так дело не пойдет... Работа тебя совсем погубит!

— Просто голова закружилась...

— Садись, садись, — держа гадалку под руку, бормотал Три Семерки. — И это гаданье еще твое! Все соки из тебя выжимает! — сердито завершил он.

— В холодильнике, кажется, корнишоны есть, — сказала Яна, чтобы направить разговор в другое русло.

— Знаю, видел, — буркнул Руденко и принялся резать хлеб.

— Видела бы Маргарита Ивановна... — посмеиваясь, протянула Милославская, глядя на приятеля.

— Не вздумай ей сказать, что я все это умею! — шутливо грозя ей пальцем и тоже посмеиваясь, протянул Руденко.

— Семен Семеныч, — перейдя на серьезный тон, произнесла гадалка, — у меня к тебе срочное дело.

Три Семерки всплеснул руками.

— Я тебя не понимаю! То она и не рада мне, а то вдруг дело!

— Почему не рада, очень даже рада, — пробормотала Яна, опустив глаза. — Просто с ходу не говорят о работе...

— Ну, что там у тебя за дело? — деловито спросил Руденко, внутренне гордясь собственной значимостью.

— Ты садись, садись, — сказала Яна, — указывая ему на табуретку, — все ведь уже готово.

— А корнишоны?

— Да ну их!

— А все же с ними лучше, — протянул Руденко и полез в холодильник.

Вывалив в хрустальную круглую вазочку маленькие пупырчатые огурчики и сразу подцепив один из них вилкой, он уселся, а прохрустев корнишоном, вытянул губы в трубочку и протянул:

— Объеденье!

— Сема! — сердито заметила гадалка, — давай к делу.

— Давай, давай, — ответил Руденко и пододвинул к себе блюдо с картошкой.

— Мне, вернее, нам... — начала гадалка, — очень нужно, необходимо обратиться в ГАИ.

— Куда-а? — протянул Три Семерки, уронив с вилки огурец.

— Ну, в ГАИ, куда же еще.

— Зачем?

— Понимаешь, продана «БМВ».

— И что?

— А то что Галюся исчезла вместе с «БМВ»!

— Хм, «БМВ» у нас в городе в одном экземпляре что ли?

— Нет-нет, Семен Семеныч, — торопливо заговорила Милославская, казалось, забыв о еде, — но я чувствую, что это именно ее машина.

— Чу-увствую! — передразнил Руденко. — Вечно ты со своими чувствами! А факты, факты-то где?

— Ну, Сема, — по-детски капризно протянула Яна, — пожалуйста, ну что тебе стоит?

— Ладно, ладно, будет тебе аленький цветочек. Ешь давай!

Едва сдержав радостные эмоции, гадалка принялась за еду.

— Сем, — осторожно обратилась она к Руденко через несколько минут, — а сегодня это можно сделать?

— Что?

— Связаться с ГАИшниками.

— Да ты что?! Ночь на дворе.

— Но ведь есть дежурные...

— Они не для этого существуют.

— Но доступ-то к базе данных у них все равно есть.

Руденко молчал.

— Вот если, например, — продолжала Милославская, — случай экстренный какой, разве они ждут до утра?

— Иногда ждут.

— А иногда? — хитро протянула гадалка.

— Какая же ты! — рассмеялся Три Семерки.

— Ну так как?

— Попытаюсь... — пожав плечами, ответил Руденко.

— Так, так, так, — задумавшись, пробормотала Милославская. — Срочно надо позвонить!

— Что? Куда? Зачем? — затараторил Три Семерки.

Ничего не отвечая, Яна принесла телефонную трубку и стала набирать

домашний номер Незнамова. Не сразу, но на звонок ответили. Сам Дмитрий Германович. Сердитый, злой. Яна представилась.

— Сколько лет, сколько зим! — желчно проговорил тот.

— Я занималась рассле... — попыталась оправдаться гадалка.

— У меня дома такое творится! — не слушая ее, воскликнул Незнамов.

— Знаю, зна... — выпалила Яна, а потом осеклась.

— То есть как это знаю?

— Давайте об этом потом! — решительно ответила Милославская. — Расследование стремительно двигается вперед. Мне нужны номера Галюсиного «БМВ».

Настрой Милославской, по-видимому, поразил Дмитрия Германовича, и он тут же выдал ей все, что она требовала.

— А как же мне? Что делать? — растерянно пролепетал он.

— Ждите моего звонка, — ответила гадалка, — и соблюдайте меры личной безопасности. Лучше всего — наймите телохранителя.

Милославская положила трубку, не говоря до свидания. Она стала торопить Руденко его с ужином, стремясь скорее отправить его за новой информацией. Попив чаю, Семен Семеныч покраснелся, вспотел. Ехать куда-либо ему явно не хотелось. Но все же не сдержать обещания он не мог, а потому, хотя сердито и недовольно, вскоре покинул дом Милославской.

Проводив друга, Яна, очень взволнованная, быстренько навела порядок на кухне, приняла душ и уселась в кресло, положив рядом телефонную трубку — в случае, если что-то прояснится, Семен Семеныч должен был с ней сразу же связаться. Она так и уснула — в кресле, сжимая в руке трубку.

Среди ночи ее разбудил звонок. Звонил Руденко, добросовестно выполнивший просьбу подруги.

— «БМВ» твоей девицы продан, — хрипло заявил он, — а на ее имя куплена белая «десятка».

— Что?! — воскликнула Милославская, вскочив на ноги.

— Что слышала, — сухо ответил Три Семерки, которому, наверное, смертельно хотелось спать. — Ну все пока.

— Пока... — растерянно проговорила гадалка, шокированная услышанным.

Сладкое ощущение, навеянное сном, у Милославской мгновенно исчезло. Она будто и не спала вовсе. Только легкое головокружение да мушки в глазах напоминали о том, что она слишком уж резко перешла к бодрствованию.

Яна поджала под себя ноги и задумчиво проговорила:

— Так, так, так... Зачем Галюся продала свою машину?... И как вообще это могло происходить, если девушку похитили? — гадалка удивленно выпятила нижнюю губу и продолжала, хлопая сонными глазами: — Не понимаю...

Она на несколько минут замолчала, а потом вдруг радостно воскликнула:

— Ага! Знаю! Это похитители ее заставили! Точно! Ведь такая машинешка не три копейки стоит! — Милославская громко хлопнула в ладоши, но потом вдруг растерянно опустила руки. — Но зачем им другая машина? Машина на имя Незнамовой? — плаксиво проговорила она.

Все казалось ей еще более запутанным, чем ранее. Она внутренне отругала себя за то, что не может так скоро ничего сообразить, но тут же перед самой собой извинилась: разве можно с полусонного человека так строго спрашивать. Гадалка отправилась на кухню, прихватив с собой сигареты, закурила и стала варить кофе.

Когда напиток был готов, Милославская налила его в маленькую чашечку и прикурив еще одну сигарету, отхлебнула немного. Первый же глоток, как ей казалось, прояснил сознание. Яна стала анализировать последние новости момент за моментом. В ее сознании зазвучал хриплый голос Руденко.

— Постой! — возразила она вдруг самой себе. — А нет ли... нет ли связи между купленной десяткой и той, в которой уехал обгоревший труп, тогда еще бодрствующий?... Неужели связываются воедино два конца одной нити?

Вывод казался Милославской вполне логичным, но радоваться вслух она на этот раз побоялась: вдруг вспомнила о суеверии и о пресловутой глазливости черноглазых. Допивая кофе, гадалка судорожно думала о том, а что же ей следует делать дальше. В итоге она пришла к заключению, что без Руденко ей никак не обойтись. Минут через пятнадцать, по ее расчетам, Три Семерки обязательно уже должен был быть дома. Яна принялась расхаживать по кухне, поминутно поглядывая на часы. Их стрелки будто спали и категорически отказывались двигаться с места. Тем не менее наступил момент, когда необходимое время было отсчитано.

Теперь уже стараясь не глядеть на циферблат, Яна набрала номер Семена Семеныча. Его вялое, но при этом очень недовольное «алло» свидетельствовало о том, что он как минимум двадцать минут находится в постели: после долгого рабочего дня Руденко всегда засыпал очень быстро.

— Это я, — с выражением виноватой глупости заявила Милославская.

— Ну, конечно! — саркастично протянул Три Семерки. — Кто же еще может до такого догадаться?!

Понимая, что оправдания только еще больше разозлят Семена Семеныча, гадалка быстро изложила ему все свои соображения, а в конце присовокупила:

— Милиция обязательно должна начать проверку!

— Уже, — равнодушно позевывая, от ответил тот.

— Что уже? — не поняла Яна.

— Уже начали. Что еще?

— Еще? Ничего, — Милославская хихикнула, радуясь услышанному. — Вообще-то вот что: как что-то прояснится, сообщу.

— Само собой, — буркнул Руденко и повесил трубку.

Чувствуя некоторое облегчение после этого разговора, Яна отправилась в свою спальню, улеглась в постель, но света выключать не стала: так ей лучше думалось. Мысли роем кружились в голове, и она точно знала, что сразу не уснет, да и не позволит себе уснуть, пока не дойдет до еще одной вещи, которая была где-то совсем рядом, но «нащупать» ее ей никак не удавалось.

В этот раз, вопреки тому как это часто бывает, гадалка не ворочалась с боку набок. Напротив, она была похожа на окаменевшую статую, устремившую взор свой в одну неподвижную точку. Мысли бежали так быстро и непрерывно, что Яне некогда было как следует и дух перевести.

К счастью, борения эти оказались ненапрасными. Через некоторое время в сознании Яны родилась новая идея. Теперь она думала, что обгоревшая девушка — тоже жертва тех дерзких похитителей, оказавшаяся в плену вместе с Незнамовой, и в «десятку» ее заманили именно с целью похищения. «Может быть, Галюся, чувствуя, что напарница имеет шанс выбраться, — мысленно проговаривала гадалка, — хотела передать информацию о себе Дмитрию Германовичу, а как свидетельство вручила подруге по несчастью свой студенческий, который ей удалось утаить от бандитов. А студенческий сыграл злую шутку... его обнаружили у девушки и за это ее убили.»

Этой, возникшей в сознании истории Милославская поначалу очень обрадовалась, но потом она увидела, что многое в ней звучит очень глупо. Однако ничего более подходящего среди возникающих версий не нашлось, поэтому Яна решила остановиться пока именно на этой, а с утра всерьез «попытать» насчет соображений все того же Руденко. Как-никак одна голова хорошо, а две — лучше.

ГЛАВА 20

Утро выдалось на редкость тихое. Город уже гудел, но казалось, что природа продолжает наслаждаться глубоким сном.

Милославская спешила на встречу с Семеном Семенычем. Именно для этого она встала так рано. Яна решила доехать прямо до отдела и на его пороге встретить приятеля, чтобы поговорить о том, что «наболело» за время их недолгой разлуки. Вариант разговора по телефону она, подумав, исключила: не тот случай.

Прежде чем долгожданный Три Семерки появился на горизонте, гадалке пришлось изрядно понервничать. Стрелки часов уже полчаса назад стали отсчитывать начало его рабочего дня, а капитан милиции все не появлялся. Милославская предположила было, что Руденко сразу поехал по какому-нибудь заданию, но интуиция настойчиво велела ей дожидаться Семена Семеныча дальше.

Наконец показалась вдалеке его неуклюжая фигура. Три Семерки спешил, смешно переваливаясь из стороны в сторону. Под мышкой он нес потертую папку, купленную, наверное, еще во времена его молодости. Одну руку Руденко засунул в карман, который постоянно лопался у него по шву, что всегда заканчивалось нравоучениями Маргариты Ивановны. Кепка далеко была сдвинута назад и чудом держалась на взмыленном от скорого шага затылке. Лицо Семена Семеныча выдавало нарастающее в его душе недовольство.

— Сема-а, — насмешливо окликнула его гадалка, — ты не с той ноги встал?

— О! — удивленно воскликнул тот, увидев в стороне Милославскую.

Было непонятно, как он отнесся к ее появлению.

— Я заждалась, — с укором протянула Яна.

— А ты чего? Чего пришла? — почесывая мокрый о лоб, пробормотал Три Семерки.

— Как ты гостеприимен! — с шутовой обидой воскликнула Милославская.

— Сегодня все не так! — махнув рукой, отрезал Руденко. — А, ладно, подожди, пойду начальству доложусь.

Яна мало что усвоила из его слов.

Семен Семеныч в этот день, впервые, наверное, за несколько лет настолько проспал. Выскочив из квартиры, он так и не понял, то ли старый

будильник его подвел, то ли на пухлом плечике Маргариты Ивановны ему спалось сегодня особенно сладко, то ли вчерашняя работа его слишком утомила. Как это обычно бывает, в спешке ни он, ни даже его хозяйственная супруга не могли найти чистых носок, потом оказалось, что спички закончились, и пришлось бежать за ними к соседям, потом пуговица на рубашке отлетела да еще укатилась куда-то, потом... Много еще неприятного пережил он в это суматошное утро.

В добавок ко всему его поношенная «шестерка» категорически отказывалась заводиться. Понимая, что безнадежно опаздывает, Три Семерки оставил свои тщетные попытки и поймал такси. Можно только догадываться, какое у него было настроение.

Через десять минут, немного успокоенный, Руденко появился перед Милославской.

— Случилось что? — сразу же спросил он.

Не тратя времени на приамбулу, Яна поведала ему о своей версии.

— Дрянь какая-то! — выпятив нижнюю губу бесцеремонно ответил тот.

— Спасибо! Ты очень веришь в мои мыслительные способности, — гадалка тяжело и недовольно вздохнула.

— Нет, может быть, конечно... — Семен Семеныч искоса глянул на подругу, пытаясь оправдаться.

— Я совета твоего прошу, а не потакания.

— Совета? — лицо Семена Семеныча изобразило удовлетворение оказанной ему честью.

Ничего не ответив, Яна очень впечатляюще рассказала ему все о бензиновых проблемах Незнамова. Три Семерки слушал, не перебивая, периодически многозначно поднимая вверх брови и поглаживая усы.

— Да-а, — протянул он, когда Милославская закончила, — дело серьезное. — Милиции следует заняться московскими противниками твоего магната!

— А я о чем говорю! — радостно подхватила гадалка.

— Семен Семеныч! Товарищ капитан! — вдруг окрикнул кто-то Руденко.

Три Семерки лениво обернулся. К нему навстречу спешил один из сотрудников, очень встревоженный и озабоченный. Руденко подозрительно сдвинул брови.

— У нас неприятность! — не дойдя до сослуживца двух метров, торопливо заявил тот.

— Что такое? — опустив уголки губ, спросил Семен Семеныч.

— В директора охранной фирмы... ну, в этого, — запыхавшийся милиционер начал говорить отрывисто и торопливо и остановился, чтобы перевести дыхание.

— Ну?! — прикрикнул на него взволнованный Руденко.

— В него стреляли...

— В Незнамова?... — хором ахнули Яна и Три Семерки.

— Да!

— Насмерть? — почти беззвучно произнесла Милославская.

— Не знаю, к-кажется, он в реанимации...

— Боже! — прошептала гадалка, закрыв половину лица ладонями.

— Так, так, так... — растерянно забормотал Руденко, потирая подбородок.

Исподлобья он бросил взгляд на Милославскую и, слегка потянув ее за рукав, сказал:

— Идем, сначала узнать все как следует надо.

Друг за дружкой Яна и Семен Семеныч вбежали в отдел. Гадалка семенила позади своего товарища, едва-едва не наступая ему на пятки. Никто из сотрудников ее не останавливал: знали уже, что она с Руденко.

В кабинете, куда они зашли, царил полный переполох: кто-то пытался отыскать что-то среди кучи бумаг, кто-то громко кричал в телефонную трубку, двое милиционеров с жаром спорили, а двое накиннулись на Руденко с новостями, о которых он уже имел несчастье быть осведомленным.

— Сема, ты где пропадаешь?! Не дозвонишься! Незнамов! Стреляли! Утром! — наперебой закричали они.

Семен Семеныч смотрел на них выпученными глазами несколько секунд, а потом понял, что, если они и дальше станут так излагать свои мысли, он вообще запутается.

— Стоп! — закричал он, заглушив всех и стукнув кулаком по столу. — Что вы орете?! Говорите кто-нибудь один!

Все как-то сразу замолчали (даже тот, кто говорил по телефону) и посмотрели в сторону Руденко. Он стоял, поставив руки в бока, и смотрел на коллег из-под нахмуренных бровей.

— Утром..., — начал один из сотрудников, и другие его уже не перебивали.

Три Семерки слушал, покручивая ус. Вся милиция была на ушах, и это не обещало ни ему, ни его «соплеменникам» ничего хорошего на очередной планерке. Семен Семеныч даже представил лицо своего разгневанного шефа, провозглашающего себя единственным добросовестным работником милиции. Шеф в такой ситуации обычно краснел, а уши его странным

образом оттопыривались и становились мертвенно-белыми.

— В общем, сейчас он в реанимации, — закончил коллега Руденко.

Милославская вздохнула с некоторым облегчением: Незнамов находился в коме, но, главное, он был жив. Еще оставалась надежда, что клиент выживет.

— Оппозицией из Питера следует серьезно заняться, — протянул Семен Семеныч.

Все удивленно переглянулись, и Руденко пришлось поведать им то, что он сам несколько минут назад узнал от Милославской.

— Ловко работаешь! — сказал один из оперов, глянув на Три Семерки как-то более уважительно.

Не стесняясь присутствия Яны, тот любезно принял этот профессиональный комплимент.

— Пробьем их по своим каналам, — согласились коллеги с Семеном Семенычем, и через минуту двое из них удалились на это самое пробивание.

— Подожди здесь, — буркнул Руденко Милославской и тоже куда-то вышел.

Вскоре разбежались и остальные: случившееся прибавило забот каждому из них. Яна осталась одна в запыленном прокуренном кабинете. Произошедшее у нее в голове не укладывалось. Преступники вели себя очень дерзко, и, вероятно, готовы были ради достижения своих целей на все.

Милославской в очередной раз пришла мысль, что Галюся от них действительно сбежала, раз, не найдя ее в доме, они взялись за самого Незнамова. Только вот куда сбежала? А может быть, врагам Дмитрия Германовича просто надоело его уговаривать?

На старинном железном сейфе стоял маленький черно-белый телевизор, который совсем недавно привез с дачи кто-то из сослуживцев Руденко. Он тихонько, по сравнению с творившимся еще недавно в кабинете шумом, работал. Сообщение диктора «Новостей», долетевшее до слуха гадалки, заставило ее прислушаться.

— Сегодня утром, — железным голосом вещала она, — совершенно беспрецедентное покушение на Дмитрия Незнамова, — дальше следовала краткая биография Галюсиного отца, — Преступники скрылись. Свидетелей пока не обнаружено. Начато уголовное дело.

— Ну вот, — печально произнесла гадалка, — кажется, события принимают более серьезный оборот. До телевидения уже дело дошло.

На экране появился кадр, запечатливший место преступления; потом

диктор много говорила о разгуле преступности в городе и бездействии местной милиции; показали даже одного милиционера, который, открыв рот, спал на скамейке какого-то парка.

Через некоторое время в кабинет влетел Руденко, трясущий в руках стопку утренних газет.

— Вот! — раздувая щеки, воскликнул он. — Почитай!

Яна, догадываясь, на что приятель хочет обратить ее внимание, спокойно сказала:

— Я об этом только что из «Новостей» узнала.

— Что-о?!

— Да-да, все средства массовой информации уже в курсе. Думаю, это назовут событием месяца, если не года.

Милославская краем глаза глянула на первую полосу верхней газеты и по громкому заголовку поняла, что она совершенно права.

— Е мое-о! — удрученно протянул Руденко, закрыв рукой глаза, — Наделал делов твой Незнамов!

— Мой? — возмущенно произнесла Яна.

Семен Семеныч ничего не ответил и снова вышел из кабинета.

Гадалка присела на стул, а потом вдруг вспомнила, что у нее с собой самое верное средство раскрытия преступления — карты. Ей вдруг захотелось узнать, чем же все-таки закончится это запутанное суматошное дело, и она достала заветную колоду.

ГЛАВА 21

«Взгляд в будущее» был одной из самых загадочных карт и по своим свойствам, и по символам, которые нанесла на ее поверхность гадалка по велению свыше. На первом плане космического пространства изображалась Земля, у полюса которой расположился человеческий глаз, испускающий из черного зрачка мощный луч. Этот луч кружил в своем омуте человека так, как ему только хотелось.

Милославская накрыла карту ладонью и сосредоточилась. Звуки хаоса, доносящиеся из коридора мешали ей, но ее желание изведать неизведанное оказалось сильнее, и вскоре гадалка почувствовала тепло, исходящее от карты.

Яна была полна сил, и картина, явившаяся ей, получилась довольно отчетливой и прозрачной по своему содержанию. Поначалу сознание запуталось, правда, в облаках звуков и каких-то специфических запахов, но довольно скоро Милославская различила крадущуюся по выкрашенным голубенькой краской длинным коридорам девушку.

«Что это? Кто это?» — думалось гадалке. Но запахи вдруг стали ощущаться более остро, и Яна поняла — она видит больницу. В конце коридора засветилась табличка «Реанимация». Милославскую, находящуюся в состоянии транса, охватил ужас — преступники разыщут Незнамова и доведут свое дело до конца. Но при чем тут девица?

Гадалка попыталась пристальнее посмотреть на нее, но видение настойчиво показывало ее только со спины. Девушка двигалась в направлении реанимации. Она что-то несла в руках.

— Боже! Женщина — киллер! — воскликнула Яна и... очнулась.

Она по-прежнему находилась в кабинете одна, и это ее обрадовало: посторонние удивились бы, а Руденко стал бы бурчать и осыпать ее упреками. Слабость, как это обычно бывает, охватила тело гадалки. Казалось, трудный день был за плечами, а он только-только начинался.

— Что же это? — тихо пробормотала Яна. — Намечается новое покушение? Да-да, конечно! Во что бы то ни стало, я должна его предотвратить!

Посидев немного недвижимо, Милославская потянулась. В этот момент зашел Три Семерки.

— О-о... — иронично протянул он, — да она расслабляется! — Ты нисколько не огорчена? Хотя о чем это я? Экстрасенсов не лишают

погонов...

— Что ты злишься, Сема?! — обиженно произнесла гадалка. — Я-то здесь причем?

Понимая, что не прав, Три Семерки тем не менее молчал и смотрел в сторону.

— Действовать надо! — нравоучительно произнесла гадалка, глядя на него.

— А мы, по-твоему, что, ворон ловим?! — огрызнулся Семен Семеныч.

— Брось дуться, послушай лучше! Мы с тобой должны непременно лететь в больницу и ждать там. Преступница явится туда!

— Кто-о?

— Преступница...

— Престу-упница?

— Тьфу ты, черт! Да! Да! Да!

— А-ха-ха-ха! — от души рассмеялся Руденко. — Ты опять со своими дурацкими видениями что ли? Там волчары почище многих работают, а у нее престу-упница! А-ха-ха-ха! Знаешь Яна Борисовна, — сказал он, смахнув слезу, — не лезь ты не в свое дело! Не по зубам тебе это!

— Ох, Сема, — вздохнув, произнесла Мирославская, — спасибо опять, краснея, говорить будешь... Сколько раз так уже бывало?

Руденко молчал.

— Послушай меня, — настойчиво повторила гадалка. — Едем?

— Зачем? Для чего? Если уж на то пошло, там давно уже наши люди сидят.

— Так то ваши люди, а это мы с тобой! Разве они могут знать, кого ожидать надо?

— А ты знаешь? — Семен Семеныч криво улыбнулся.

— Знаю, — уверенно ответила Яна, — женщину.

— Ты спятила совсем! — выпучив глаза заявил Руденко.

— Ручаюсь, что я в своем уме, — серьезно произнесла гадалка.

— Все очень серьезно, Яна. К делу спецслужбы подключились. Сейчас ждем из Питера сообщения. У них все криминальные объединения на учете. Осведомители хорошие... Так что предсказания твои...

— Не нужны? Ты это хотел сказать? Да пока твои спецслужбы информацию добывают, Незнамову как-то придется. Едем, Сема! — в голосе гадалки появилась интонация мольбы.

Руденко посмотрел на нее немного доверчивей, потом отвернулся и еще минут пять молчал. Яна не мешала ему думать. Она знала, что без

помощи Руденко ей тут не обойтись: никто не позволит ей находиться в реанимации возле Незнамова.

— Подожди, — сказал, наконец, Семен Семеныч и вышел.

Его не было около двух часов. Милославская едва с ума не сошла. Хотела пуститься на его поиски, но благоразумие взяло верх: кто она такая, чтобы вольно разгуливать по отделу и в кабинеты заглядывать. Какие-то люди заходили к ней периодически, и каждый раз ей приходилось отвечать: «Товарища капитана жду». Время бежало напрасно, и Яна злилась.

Наконец, явился и Три Семерки, весь взмокший, видно, что с улицы. Прочитав во взгляде подруги негодование, он замахал руками и протянул:

— Тихо! Тихо! Тихо! Я по делу ездил! Тебе со мной было нельзя — опасно. С питерскими все чисто. К нападению на твоего клиента они не причастны, хотя подтверждено, что ребята имеют на него виды, о которых ты говорила. В целом же — не придраться к ним. Вот как.

— Что-о? — возмущенно протянула гадалка, — Неужели так просто сухим из воды выйти? Сам же сказал — имеют виды, а раз они их имеют, то бездействовать не станут: похитили девчонку, а теперь и до папочки добрались!

— От следствия они так просто не отделаются, — пожав плечами, сказал Руденко, — но вообще-то представленная нам информация всегда была довольно достоверной. Пока же о похищении девчонки и о покушении на папочку ни слуху ни духу, — Семен Семеныч искоса глянул на подругу.

— Но ведь и моя информация всегда тоже достоверна, — парировала она.

— Ладно тебе, едем, едем, будь по твоему. Вот разрешение, — и Семен Семеныч протянул гадалке листок с круглой синей печатью.

— Я тебя обожаю! — воскликнула она и звонко чмокнула Три Семерки в невыбритую с утра щеку.

* * *

Милославская и Руденко в ногу шагали по больничным коридорам, и шаги их раздавались по всему этажу, тихому и пустынному. В этом отсеке находились несколько операционных, ординаторская, реанимация и ряд подсобных помещений.

Яну охватывал трепет. Она волновалась. Ей страшно было увидеть тело Незнамова, безжизненное и беспомощное, страшно было подумать о

том, что все закончится несчастьем.

Наконец дверь реанимации распахнулась перед ней: Дмитрий Германович лежал посреди комнаты, накрытый серой простыней, под которой вырисовывались контуры его вытянувшегося тела. Лицо Незнамова осунулось и было бледно. Губы превратились в едва заметные серо-голубые тонкие полоски, ввалившиеся внутрь. От Незнамова во все стороны шли провода, подсоединенные к разным аппаратам, которые тихо работали: пикали, жужжали, гудели. В окружающем безмолвии эти звуки, казалось, отражались от ледяного своей белизной кафеля и давили, давили, давили.

Милославская отвернулась.

— Состояние критическое, — комментировал врач, стоящий от нее по правую руку. — Сейчас вам принесут кушетку. Можете расположиться на ней, вот здесь, в коридоре, — доктор указал на темный угол справа от входа в реанимацию.

Лицо Руденко выразило недовольство. Заметив это, хирург пояснил:

— Ваши коллеги в холле сидят, там уютно. Но раз уж вы пожелали в непосредственной близости...

— Ничего, ничего, — перебила его Яна, — кушетка нас вполне устроит. Да и в глаза мы не так будем бросаться в этом углу. У меня единственная просьба — осуществляйте все процедуры лично. Дмитрий Германович поправится и отблагодарит вас за это сполна.

— Простите, — удивленно произнес доктор, — но у меня есть все основания доверять своему персоналу. У нас работают только высококвалифицированные кадры.

— Я вам верю. Только это не тот случай, когда требуется демонстрация профессионального мастерства целой армии медиков, — сурово возразила Яна.

— Да-да, — поддержал ее Руденко. — Будьте так добры.

Едва подавляя свое высокомерие, доктор утвердительно кивнул и зашагал в направлении ординаторской.

— Все они мнят себя богами, — кивнув в его сторону, шепнул Три Семерки Милославской.

Яна молчала.

— А чего это ты его так? — удивленно спросил Семен Семеныч через минуту.

— Я же тебе сказала: женщина придет. Поди-ка разберись среди них, которая та, а которая нет.

— А-а-а, — протянул Руденко, улыбаясь в сторонку.

Он сел с краю, а Яна в уголок. Так Семену Семенычу казалось безопаснее. Пистолет был при нем, да и доверял он себе больше, чем Милославской.

Так они просидели час, другой, третий. Сначала почти неподвижно, переговариваясь тихонько, потом по очереди стали выходить курить на лестничную площадку, по очереди разминали ноги в ходьбе по коридору. Время перевалило за полдень, но никто не появлялся. Иногда кто-то из персонала выходил из ординаторской, входил в нее, заставляя приятелей внутренне собраться и прийти в состояние боеготовности.

С конца коридора доносился громкий смех сослуживцев Руденко, травящих анекдоты. Еще через час послышалось журчанье пустого желудка Семена Семеныча, и он начал тихо упрекать Яну в бесполезности ее затеи.

— Ты помедитируй, Сема, — иронично заметила гадалка, — представь себе горяченькую курочку с хрустящей корочкой, вкусную, ароматную. Ты на нее смотришь, ротик открываешь, а сочные кусочки сами отламываются и так и прыгают туда, так и прыгают...

— Да ну тебя, пойду покурю, — резко поднявшись, — сказал Три Семерки и двинулся к выходу.

Яна и сама начинала переживать — уже смеркалось, а ничего не происходило. Может быть, стоило в эти часы предпринять что-то более действенное? Говорить о своих сомнениях с Руденко ей не хотелось: это значило признать поражение, а дальше так продолжать сидеть становилось тяжело.

Уже смеркалось и кое-где в коридорах, плохо освещаемых солнцем, уже зажгли свет. Доктор иногда заходил в реанимацию, делал там что-то в течение десяти минут, а потом выходил обратно.

— Что же предпринять? — прошептала гадалка, хотя ответ на этот вопрос она знала.

В следующую минуту, воспользовавшись отсутствием Семена Семеныча, она достала колоду и выбрала из нее Джокер. За время многочасового безделья, как казалось Милославской, силы ее в достаточной степени восстановились, и она вполне была готова на сотрудничество с этой картой.

Однако Джокер настырно отказывался вступать в контакт. Наверное, гадалке все же не хватало запаса энергии. А может быть, ей просто мешало то, что она очень нервничала и сердилась.

Заставив себя расслабиться и отключиться от всех мыслей, кроме вопроса о финале дела, Милославская сделала еще одну попытку.

Медленно, но тепло все же пошло по ее руке, плотно прижатой к карте. Через пару минут ее посетило видение.

Гадалка видела опять ту же неизвестную девушку. Яна узнала ее по фигуре, особенностям движений. Девица одевала белый халат. Она стояла полуобнаженная, в одних тоненьких трусиках-бикини и застегивала крупные тугие пуговицы. Внезапно она обернулась, но Милославская не видела ее лица. Силуэт гостьи вырисовывался теперь только по пояс.

Гадалка вся напряглась и стала задавать карте свой вопрос еще более сосредоточенно. Вдруг она заметила, что пупок девицы украшает не что иное как пирсинг. На этом все оборвалось.

Милославская сидела совершенно обескураженная увиденным. «Найдется Галюся и придет навестить отца?» — звучало у нее в голове. Но другой внутренний голос возражал, говоря, что такое украшение сейчас очень в моде, и мало ли, кто это мог быть.

Вернулся Семен Семеныч и стал настаивать на возвращении домой. Голосом плаксивого ребенка Яна бросилась уговаривать его остаться на ночь, расписывая ему все прелести голодания. Руденко был неумолим. Тогда Милославская заявила, что ни за что не уйдет, а если ее станут выносить, поднимет дикий крик. Бросить ее одну Три Семерки не мог, а потому согласился. Он отдал сослуживцам приказание смотреть в оба, а сам улегся вдоль кушетки со словами: «Буду медитировать». Через десять минут он храпел гораздо громче, чем работали аппараты в реанимации.

В последующий час мимо Руденко несколько раз прошел доктор: он проверял состояние пациента и каждый раз на выходе саркастически косился на Семена Семеныча. Яна всем своим видом пыталась дать ему понять, что он своему товарищу вполне достойная замена.

Однако когда стемнело, сон стал одолевать и Милославскую. Она с трудом раздирала глаза, но атмосфера вокруг способствовала только успокоению. Жужжали умиротворенно длинные лампы дневного света в конце коридора. В простенке висели большие часы с маятником, и мерный стук его совершенно убаюкивал. Понимая, что ее физическое состояние становится угрожающим, гадалка поднялась с края кушетки, на котором она примостилась в ногах свернувшегося клубком приятеля, и стала прохаживаться по коридору.

Это немного взбодрило, но спать все равно хотелось. Милославская сделала несколько приседаний, потом потрясла головой, попрыгала. Выглядела она в этот момент, надо сказать, довольно глупо.

Скоро часы пробили двенадцать. Доктор находился один в ординаторской, и к нему, тихонько постучавшись, вошел другой врач,

бородатый, с засученными рукавами мятого белого халата, плотно натянутого на его выпирающем животе. Они стали разговаривать. В тишине хорошо слышались их слова, и это немного развлекло гадалку, хотя и совестно было подслушивать.

Гадалка сидела, облокотившись головой о стену и смотрела в одну точку на стене, которая казалась ей то ползущим тараканом, то забытым гвоздиком, то просто пятном.

Вдруг в конце коридора послышались легкие шаги, и вскоре в дверях показалась тоненькая высокая медсестра в шелковом белом халатике и накрахмаленном белом колпаке. Их много промелькнуло за этот вечер, и каждый раз гадалка настораживалась.

Девушка семенящим шагом миновала ординаторскую и скоро должна была поравняться с кушеткой, которую в темном углу издали не было видно. Милославская напряглась и хотела было толкнуть Руденко. Но между ней и медсестрой оставались секунды, а тихо растолкать Три Семерки за это время не представлялось возможным. Яна, затаив дыхание, с необыкновенной осторожностью расстегнула свешенную в сторону кобуру.

Девушка спешила и, казалось, совершенно не заметила замеревшую Яну. Она смело открыла дверь в реанимацию и, тихо притворив ее за собой, скрылась внутри. «Может быть, доктор приказал?» — судорожно подумала гадалка, но тут же поднялась и, выхватив пистолет, ворвалась внутрь.

Девушка, сбросив с себя колпак, лежала на груди Незнамова и крепко прижималась к нему, не произнося ни звука. Милославская остолбенела. Копна волос, рассыпавшихся по халату, показалась ей ужасно знакомой.

Она вдруг подумала, что никакой это не киллер женского пола, а Галя Незнамова. Скорее всего, она из средств массовой информации узнала о том, что ее отец находится на грани жизни и смерти и в состоянии таком пребывает, возможно, последние минуты, готовясь отойти в мир иной. Горячее чувство понимания этого, по сиюминутному предположению гадалки, сподвигло дочь бизнесмена к преодолению всех преград во имя встречи с переживающим критические минуты отцом. Яна знала, что в таком состоянии человек бывает способен на многое.

У Милославской не было ни одной лишней секунды для размышлений над правдоподобностью собственной версии.

— Галюся! — тихо воскликнула она.

Девушка вдруг приподнялась и невольно, даже инстинктивно, совершенно без испуга, обернулась. В полумраке просторной комнаты, освещаемой только одним большим светильником, горевшим тускло, глаза

их встретились. Долгожданная гостья смотрела дерзко, зрачки ее блистали.

Милославская, совершенно растерянная и неуверенная в своем предположении, навела на девушку пистолет.

— Папа! — вскричала та и снова прижалась к телу.

Незнамов вдруг как-то повел головой, пошевелил губами и, судорожно задергав веками, приоткрыл глаза. Он посмотрел на девушку и был не в силах что-то сказать, но лицо его приняло такое невероятное выражение, что было понятно: он ее узнал.

Девушка вдруг поднялась и двинулась прямо на Милославскую. Та, не зная что предпринять, беззвучно шевелила губами. В этом стрессовом состоянии гадалка даже не заметила, как нажала на курок... Раздался выстрел. Звук выстрела и звон разбитого и осыпающегося стекла в этой тишине коридоров был подобен внезапно грянувшему грому. Девица рванула вперед и в мгновение ока сшибла с ног Милославскую.

Разбуженный грохотом, Руденко вскочил на ноги и попытался нащупать пистолет, которого на месте не было. Подобная вихрю, девушка легко сбила с ног и его, полусонного и абсолютно ничего не понимающего.

Доктора, выбежавшие из ординаторской и увидевшие сотрудницу в белом халате, вопрошали:

— Что там? Что это было?

Она молча пронеслась мимо них и скрылась за высоким стеклянными дверями.

— Галюся! За ней! — неистово заголосила гадалка и рванула вперед, увлекая за собой Три Семерки.

— Да постой ты! — резко отпрянув назад, крикнул он.

— Что это было? Где пистолет?

— Вот он! — гадалка протянула приятелю пистолет, — Бежим же! Она уйдет!

— Зачем уйдет? Куда? — переваливаясь с боку на бок, Семен Семеныч побежал насколько мог быстро.

Врачи, недоумевающие, как горох посыпавшиеся с разных отделений, разом кинулись в реанимацию, где тихо хрипел, называя имя дочери, Незнамов.

Когда Руденко и Милославская выскочили на улицу, они увидели трогающуюся с места белую «десятку».

— Уверена, что это та самая! — воскликнула Яна. — В погоню!

Тут же они с Семеном Семенычем уселись в милицейский «УАЗик», взятый им ввиду отсутствия в этот день его личного транспорта, и, резко тронувшись с места, помчались в след за солидно к оторвавшейся от них к

тому времени машиной.

На ходу, пытаясь перекричать рев мотора, гадалка рассказывала приятелю, как все произошло. Он, дослушав до половины, стал жутко материть ее за пистолет, с которым она как следует не умела обращаться.

Десятка, минув пару светофоров, вывернула на улицу, резко поднимавшуюся вверх. Это был частный сектор, и дорога тут простиралась соответствующая. «УАЗику» были практически нипочем засохшие земляные колеи, он только рьяно подпрыгивал и двигался вперед. Зато «десятка» более легко лавировала между ними.

Семен Семеныч включил сирену.

— Дорогу-то уступать некому! — кричала ему гадалка.

— А, так, для устрашения! — махнув рукой ответил он.

Вскоре они оказались в одной из самых глухих частей города. Расстояние между «УАЗиком» и «десяткой» то сокращалось, то вновь увеличивалось. Вступить в схватку в таком захолустье было опасно. А зачем вступать? Ни Яна, ни Три Семерки никак не могли понять, почему дочь Незнамова пытается от них скрыться.

Руденко, понимая, что объявившие себя противниками сдаваться не собираются, связался с постами ГАИ и призвал их к перехвату «десятки». План перехвата был составлен в считанные секунды и объявлен по всему городу. Те «дорожники», которые планировали провести эту ночь спокойно, глубоко ошиблись.

* * *

Полосатый шлакбаум на выезде из города перекрыл дорогу. Упитанный сотрудник ГИБДД легко взмахнул своим полосатым жезлом, указывая на обочину. «Десятка» подчинилась — ехать было некуда.

Стекло автоматически опустилось, водитель снизу вверх посмотрел на сотрудника — тот представился:

— Капитан Ермолов. Документы, пожалуйста, — при этом капитан отошел немного и посмотрел на номера автомобиля, а потом кивнул своим коллегам, которые с автоматами стояли у противоположной стороны дороги.

Те сразу подошли ближе. Ермолов посмотрел в развернутое водительское удостоверение и строго произнес:

— Выйдите, пожалуйста, из машины.

— А в чем дело? — занервничав, спросил водитель. — Нам нельзя

задерживаться ни минуты! Что-то не в порядке с документами?

— Соппротивление чревато последствиями, — ответил капитан, — выйдите.

Двое наставили на «десятку» автоматы.

Тут открылась соседняя с водительской дверь, и из машины вышла рыжеволосая стройная девушка.

— Товарищ капитан, — капризно заговорила она, — наши жизни в опасности! Мой отец — влиятельный человек. Меня похитили! Я бежала, и вот теперь за мной гонятся похитители! Они страшные люди! Вы не в силах нам помочь, лучше отпустите, а их задержите! Они на милицейском «УАЗике».

ГИБДДшники переглянулись. Девушка говорила очень убедительно и даже заплакала.

Вдруг из-за поворота со скрипом колес вывернул тот самый «УАЗ».

* * *

Милославская и Руденко, казалось, вот-вот уже должны были поравняться с «десяткой». Три Семерки выжимал максимальную скорость, и в этот самый миг больше всего надеялся на удачу. Еще мгновение, и он обгонит ее, а затем встанет поперек дороги — ехать противнику будет некуда.

Вдруг — глухой звук: правое колесо налетело на что-то, мотор заглох. Десятка стала отрываться, а ругань Семена Семеныча ничем не могла ему помочь.

Три Семерки попробовал несколько раз повернуть ключи зажигания — мотор безжалостно глох. Резко хлопнув дверью, он выпрыгнул на улицу и, взяв из-под сиденья какую-то железяку, вставил ее в круглое отверстие, крутнул ею два раза и совершил чудо — машина затарахтела.

Десятка к тому времени уже скрылась из виду. Главное — неизвестно, куда. Доехав до перекрестка, Руденко притормозил.

— Куда? — безнадежно проговорил он.

— Вправо! — крикнула Яна. — Так мне интуиция подсказывает.

— Интуи-иция! — усмехнулся Три Семерки, но тем не менее поехал туда, куда предлагала Милославская.

Миновав два квартала, они увидели на КПП остановленную ГИБДД «десятку».

— Ура! — взвизгнула гадалка.

— Даешь интуицию! — прорычал Семен Семеныч, улыбаясь.

* * *

Водитель «десятки» резко нажал на газ и едва не сшиб сотрудника, вывернув вправо. Галюся завизжала. Руденко поставил машину поперек дороги. ГАИшники не растерялись и открыли огонь прямо по колесам «десятки». С шипеньем машина проскользила по асфальту и врезалась в шлагбаум, едва не свернув его с места.

Через две секунды машина была окружена, а еще через одну обозленный ее водитель стоял с поднятыми руками.

— Ну-с? — поглаживая усы и остановившись прямо напротив него, вопросительно произнес Семен Семеныч.

В следующий миг он понял, что предъявить этому человеку практически ничего не может, хотя ему и есть о чем его поспрашивать.

— Пройдемте, — сказал капитан Ермолов, и водитель «десятки» послушно, хотя и поглядывая с ненавистью, последовал за ним к тому месту, где стояла Незнамова.

Минуту спустя все прошли в наполовину остекленное тесное помещение, где был стол, несколько стульев в ряд и аппаратура, без которой не обходится не один КПП.

При свете Милославская хорошенько разглядела водителя и... узнала его! Это был не кто иной, как Галюсин телохранитель.

Несколькими мгновеньями позже в голове ее все уложилось по полочкам. Она вдруг поняла, что никто Галю Незнамову не похищал и что ни от каких преступников она не убегала. Взять ее в заложницы в целях угрозы бизнесмену конкуренты Дмитрия Германовича, конечно, намеревались. Именно для этого они и проникли в его дом, надеясь, что его дочь нигде не показывается, именно прячась от них в этом довольно надежном по меркам простого смертного укрытии. Таким образом бандиты нехотя убедили Яну идти дальше по оказавшемуся теперь ложным следу: ведь она была так уверена в том, что они ищут уже похищенную беглянку.

«Да-а, — думала гадалка, — Галюся все продумала... И ведь БМВ была продана неслучайно! Девчонка следы заметала. Нет ее и все! Конечно, такой солидный автомобиль, плюс ко всему последней модели, не мог быть незаметным в городе. А ведь невозможно было, даже находясь в бегах, безвылазно сидеть в укрытии. За хлебом-солью в конце-концов и то требовалось на улицу выходить. Куда разумнее сесть в „десятку“, каких в

городе сотни, и относительно смело разъезжать на ней, решая возникающие проблемы, — Яна на мгновение остановила эти мысли и попыталась дать оценку мыслительным способностям Незнамовой: — Не самый умный ход, но тем не менее...»

Милославская вдруг вспомнила и о дневнике девушки. Найдя его, она сразу поняла, что это ценная находка, но истинную ценность этой казалось бы обычной тетрадки она осознала только теперь: гадалка вмиг поняла, кому были адресованы любовные признания Незнамовой.

В следующий миг эту и остальную логически выстроившуюся информацию Яна тут же решила использовать для блефа. Другого выхода у них с Руденко все равно не было.

Семен Семеныч приготовил листок, на котором намеревался составлять протокол задержания, и шарил глазами по столу, отыскивая ручку.

— Итак, — произнесла Милославская, заложив руки за спину и глядя прямо в глаза Галюсе, — девица из высшего общества влюбилась в простофилю из неблагополучной семьи?

— Что-о? Что вы говорите?! — захлопав рыжими густыми ресницами залепетала та.

Несмотря на ее возглас, гадалка продолжала:

— Папа-монстр, естественно, никогда бы этого не одобрил, тем более у него был свой кандидат в зятя... Если бы дочка не послушалась, папа убрал бы с дороги ее телохранителя.

— Что-о? — еще более возмущенно протянула Незнамова, но глаза ее уже искали поддержки в лице телохранителя.

— Фортуна улыбалась вам — в делах отца складывается благополучная ситуация для исчезновения влюбленных: ему угрожают расправой над дочерью, парочка бежит...

— Да что... Да что вы такое.... несете? — растерянно забормотала Незнамова.

Ее приятель сурово поджал губы и процедил:

— Говорил я тебе! А ты: наве-едаю тихонечко! Дура!

— Но так как бывший полковник КГБ никогда не успокоится, пока лично не увидит трупа, — гораздо уверенней продолжала Милославская, — вместо Галиного ему решили показать другой. Телохранитель совершает убийство похожей на его возлюбленную девушки, слегка поджигает труп и подкидывает документ на имя Незнамовой.

— Не убивал я никого! — закричал вдруг, схватившись за голову,

парень. — Так обстоятельства сложились. Повезло просто! Бросил я клич братве: ищите бабу, похожую на мою, но только мертвую. Они ха-ха давай ловить, мол, ты че, педофилией заболел. Не, говорю, не заболел, надо так. Сообщили они вскоре, что киллер какой-то, гастролер, замочил туза известного и телку его, с которой он в тот день только познакомился. А телка как две капли на Гальку похожа. Машину гастролер поджег. Обрадовался я: это даже лучше, что поджег. Узнал место. Менты еще ничего об этом не знали. Поехал туда, вытащил бабу, перевез ее на другое место и документ Галькин подсунул.

Руденко смотрел на телохранителя, глупо хлопал глазами и, кажется, не успевал переварить услышанное. Яна, ошеломленная неожиданной удачей, широко улыбалась. Галюся, вцепившись в свои волосы, громко завывала.

* * *

— Яна?

— М-м-м? — сонно протянула Милославская.

— Это я, Сема.

— М-м-м. Чего? Сема, дай отдохнуть, я свое дело закончила, девчонку отыскала... — в полудреме бормотала Милославская.

— Ты-то закончила, но у меня-то представляешь удача какая? Питерских зацепить удалось. Похоже это они руку к Незнамову приложили.

— Что-о? — гадалка резко поднялась с подушки.

— Да-да! Ты не представляешь, какой в городе кипиш!

— После того, как мы с тобой в больнице нашумели, охрану Дмитрия Германовича усилили. Этой же ночью к нему гости пожаловали. Ну их на месте и повязали. Ну дела-а! Шеф довольный ходит, песенку мурлычет, а сам дрейфит: с криминалом воевать опасно! Ничего, пробьемся!

— Пробьетесь, конечно...

— Ты это, прости, я иногда перегибал палку, — смущенно добавил Семен Семеныч.

— Я же говорила, что прощения будешь, краснея, просить.

— А как ты узнала, что я покраснел?..

— Интуи-иция...